

Б-204071

Фенарт Шарипов

Меч Урала

Б-204071

ПРОЕКТ «САГА О ВЕЛИКОЙ СТЕПИ»

РЕНАРТ ШАРИПОВ

МЕЧ УРАЛА

роман-эпопея

Издательство "Гилем"
УФА -- 2000

Б-204071

РЕНАРТ ШАРИПОВ

РОДИЛСЯ 14 НОЯБРЯ 1972 ГОДА, В УФЕ.

АВТОР ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ, ОЧЕРКОВ, МНОГОЧИСЛЕННЫХ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ ПРОБЛЕМАМ МЕНТАЛИТЕТА ДРЕВНИХ ТЮРКОВ. ЕГО ПЕРУ ПРИНАДЛЕЖАТ РОМАНЫ "ЗОЛОТО ГРИФОВ", "КОРШУНЫ В ПУСТЫНЕ". ДАННАЯ КНИГА ПРЕДСТАВЛЯЕТ НА СУД ЧИТАТЕЛЯ НОВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ: ПЕРВЫЙ ТОМ РОМАНА-ЭПОПЕИ "МЕЧ УРАЛА" И РАССКАЗ "НАСТОЯЩАЯ СИЛА".

ББК 84 Р 1-44
Ш 25

Шарипов Р.Г. Меч Урала. Настоящая Сила. (роман, новелла). Уфа: Гилем, 2000 г. 161 с.

ISBN 5-7501-0172-X

Данная книга включает в себя новые произведения молодого писателя и публициста, кандидата философских наук Ренарта Шарипова. Первый том романа-эпопеи “Меч Урала” повествует о грозных временах, когда башкирский народ вставал на защиту своей свободы от монгольских завоевателей. Главный герой романа – паренек Алпар из племени бурджан, добывает заветный меч Урал-батыра и поднимает его против угнетателей и нечистой силы. Еще немного – и на землю Башкортостана придут неведомые захватчики, которым изо всех сил помогают змееглавые нелюди, наследники невероятно древних эпох. О перипетиях борьбы с черноликими, а также о светлой, романтической и трагичной любви Алпара и прекрасной царевны вы узнаете на страницах этого романа... Роман написан в новом для Башкортостана и России жанре тюркского фэнтези, создателем которого является автор этой книги.

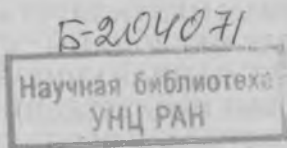
Рассказ “Настоящая Сила” навеян историей расшифровки древнейшей тюркоязычной надписи, найденной в сакском захоронении Курган Иссык (V век до н.э.) под Алма-Атой и перевернувшей старые представления о тюркском языкознании, пребывавшем под гнетом отживших теорий европоцентризма.

В оформлении обложки использованы авторские работы художника Рината Миннибаева. Публикуется с согласия автора.

Авторские права защищены. Любое незаконное тиражирование данной книги будет преследоваться по закону.

Ш 4702110000

Без объявл.

ISBN 5-7501-0172-X

© Ренарт Шарипов, 2000 г.
© Ринат Миннибаев, 2000 г.

ТОМ ПЕРВЫЙ

ИЗБРАННИК ТЕНГРИ

ПРОЛОГ

*Акбузат мой, алмазный меч
Тому перейдут в моей стране,
Кто богатырски держась в седле...
Сечь врагов будет на войне;
Тому ж, кто на путь предательства ступит,
Меч этот будет вовек недоступен
«Урал-батыр»*

– И когда умер Урал, изъеденный злобными дэвами, горе снизошло на землю. Птицей улетела Хумай на седьмое небо к отцу своему, имя коего Ут-Кояш или Самрау. И даже сама Небесная Твердь, Кок-Тенгри, – плакала над прахом самого великого батыра на свете...

Старик Уралкан умолк и, предаваясь каким-то, лишь ему ведомым думам, прикрыл мудрые глаза темными веками.

– Уралкан-бабай, а что было дальше? – несмелый детский голосок прервал молчание, дрожавшее в вечернем воздухе как туго натянутая тетива боевого лука. Взрослые, собравшиеся у костра, послушать старого сэсна, сурово зашикали – не принято было в роду Бурджан сонкам лаять вперед матерых волков. Но старый сказитель снисходительно улыбался, и глаза его глядели на нарушителя порядка совсем не строго.

– Ничего, Алпар, ничего, балам! Не слушай их! Было время – и люди не прислушивались к мнению стариков и сбрасывали их с высокой скалы как ненужный хлам. Но теперь люди поумнели настолько, что стали почитать старость. Глядишь – когда-нибудь поймут, что надо преклонять головы не только перед старостью, но и перед юностью. А вы, волчьи души, не скальтесь понапрасну! – седые косматые брови сэсна насупились, голубые, подернутые старческой мутной пеленой глаза, яростно сверкнули. – Ибо если старость – это память народа, то молодость – это его надежда! Берегите память, берегите надежду – и будете жить вечно!

Люди виновато потупились под суровым взором Уралкана и даже могучий Карас-батыр – отец маленького Алпара, – остановил руку, потянувшуюся было к мягкому голенищу сапога из оленьей кожи, дабы

вытащить камчу и попользовать ей нарушителя спокойствия.

– Ну, так слушай же, Алпар, слушайте и вы, старые волки! – как ни в чем не бывало, продолжил Уралкан-сэсэн.

– Урал-батыр умер, но его брат – продажный Шульган, – выжил и спрятался в глубине подземных вод. Он украл у людей завещанное им Уралом наследство – священного коня Акбузата и заветный алмазный меч. Сотни батыров сложили свои головы, пытаюсь добыть наследство Урал-батыра. И лишь одному из них удалось оседлать волшебного Акбузата...

Наконец седой сказитель умолк и, устало переведя дух, кашлянул – пересохло старое горло, – и залпом осушил большой тустак кумыса, поднесенный услужливой женщиной.

– Дедушка Уралкан, а меч? – голос неугомонного Алпара звенел так обиженно и недоуменно, что взрослые не смогли сдержать смеха – благо, что вторая легенда закончилась не столь печально.

– Не обессудь, внучек! – Уралкан виновато развел руками. – Про меч я ничего более не слышал. Увы – волшебный меч Урала лежит в сокровищнице злобного Шульгана. И тот батыр, что дерзнет добыть алмазный меч и одолеет повелителя дэвов, получит великую власть и станет каганом над всеми землями, которые осушил когда-то от морских вод Урал-батыр. Идель, Джайык, Сакмар и Нугуш – реки, русла которых были прорублены заветным мечом и земли по берегам всех этих рек и живущие на них народы и племена – все это станет принадлежать великому кагану. Он будет столь же могуч, как грозный каган Атлы, который дошел до самого края мира.

– Я найду меч! – запальчиво воскликнул семилетний Алпар. Ноздри его взволнованно раздувались, как у коня-трехлетки, черные глазенки блестели. И тут уж не выдержали, расхохотались все – и взрослые и дети. Сорванец побагровел как свекла и, не разбирая дороги, умчался прочь – от костра и от продолжающих смеяться над ним людей. Не смеялся лишь мудрый Уралкан, который долго и пристально смотрел вслед удиравшему сорванцу.

Лишь у самого озера, окаймленного густыми зарослями камышей,

торчавших у воды будто стрелы из сайдака, мальчонка остановился, чтобы перевести дух. Лицо и уши его продолжали гореть от жгучей обиды, кулаки сжимались. Все смеялись над ним! Все – весь бурджанский род Боскурт, даже отец – Карас-батыр, и его мать – Сурабика! На глаза выступили слезы; мутные, солоноватые капли заструились по смуглым щекам Алпара и заблестели под равнодушным бело-золотистым светом ущербной луны, выглянувшей из-за туч. Лишь луна да камыш и черная гладь озера были молчаливыми свидетелями Алпарова малодушия – и только поэтому малыш дал волю слезам, не оглядываясь и не озираясь в поиске насмешливых, укоряющих глаз соплеменников. Ведь волки не должны плакать! Они не ведают слез; их глаза сухи и безжалостны, а клыки всегда готовы сомкнуться на горле врага. Да, и нет разницы – бьется ли волчье сердце под серой шкурой зверя или под тонкой человеческой кожей – назвавший себя бурджаном и боскуртом должен быть достоин своего родового имени!

Быть может, именно поэтому, плач Алпара прекратился столь же быстро, как и начался; мальчуган принялся решительно мусолить покрасневшие влажные глаза грязными ладошками и, наконец, переведя дух, спустился к самой воде. Еще продолжая всхлипывать, мальчик зачерпнул мягкую, ласкающую руки озерную воду и только собрался умыть им лицо, как вдруг остановился будто вкопанный.

– Меч! – только и смог прошептать мальчик. А там, в самой глубине черных вод, сверкала и переливалась волшебная алмазная дуга заветного Уралова клинка, маня и притягивая к себе! Алпар глядел во все глаза, вбирая в себя чудесное видение. Он явственно различал паутину древних рун, врезанных в безукоризненную гладь клинка; изгиб эфеса, похожий на турьи рога, затейливую резьбу на рукояти, выделанной из желтоватой слоновой кости – рукояти, которую в несказанно древние времена сжимала грозная длань могучего Урал-батыра!

Не говоря более ни слова, мальчик бросился в воду, протягивая руки к заветному клинку... и, в этот миг темная корявая тень, похожая на корягу, обросшую водорослями и тиной, стремительно метнулась к нему.

– Тенгри! – в ужасе закричал Алпар, но было поздно – имя небесного бога было уже не в силах отпугнуть нечисть, столь коварно заманившую несмышлениша в свои тенета. В свете луны расширенные от испуга глаза мальчика разглядели страшную косматую голову – казалось, сотни водяных зеленых змей шипя, извиваются подобно дья-

вольскому нимбу над челом демонического существа. В глубине белых, рыбьих зрачков плясали кровавые огоньки, синее как у утопленника, изборожденное морщинами, покрытое бородой мха, старушечье лицо искажала злобная гримаса; острые и мелкие как у щуки зубы в несколько рядов усеивали разверстую хищную слюнявую пасть.

– Хью-эяхе! – воскликнул Алпар, чувствуя, как отнимаются руки и ноги. А злобная водяная старуха уже протягивала к нему свои крючковатые пальцы, каждый из которых венчал изогнутый и острый как бритва коготь. Еще чуть-чуть – и страшилище утащит мальчугана в глубины своего подводного царства...

... Алпар уже почти погрузился в воду, как вдруг сильная рука вырвала его из смертельных объятий водяной и, будто слепого кутенка, швырнула на берег.

– Атай! – отчаянно закричал мальчик, давясь водой и тиной.

А в озере шла отчаянная схватка. Карас-батыр и водяная метались по воде как два вихря; страшные когти демоницы в кровь резали могучее тело богатыря, но его жилистые, вздувшиеся буграми мышцы руки намертво стиснули ее синюшное горло так, что мертвенно-белые глаза вылезли из орбит. Победа была близка!

Алпар и заметить не успел, как заклокотала вода – и из черных глубин колдовского озера на поверхность вынырнула большая плоская башка нового монстра. По обоим бокам пасти, усеянных частоколом зубов, жуткой злобой горели огромные, выпуклые как две огромные лягушачьи икринки, глазища. Стремительный взмах длинной чешуйчатой шеи – и взбудораженная поверхность воды опустела...

– Отец, вернись! – Алпар взывал к окровавленной воде долго, но колдовское озеро молчало, приняв свою жертву. Сурабика, из глаз которой слезы текли непрерывным ручьем, до крови закусил губу и крепче прижала к себе сына.

Старейшина рода Боскурт – величавый, будто вековой клен, Котбий в хвостатой шапке, опушенной мехом выдры, с сочувствием оглядел мальчонку и его безутешную мать.

– Как же тебя угораздило очутиться в озере, дитя? – со вздохом спросил он у осиротевшего малыша.

– Меч, – всхлипывая, промолвил Алпар, – я видел его... Он был там... на дне...

– Эх, малыш, – Котбий покачал головой, – то было отражение луны на водной глади. Злобная и коварная хью-эяхе завлекла тебя в озеро, наслав морок...

– Но я видел его! Это был меч Урала! – отчаянно воскликнул Алпар. Мать еще крепче прижала его к груди, стараясь утихомирить. Котбий покачал головой и отвернулся от проклятого озера. К нему тихо подошел Уралкан-сэсэн.

– Морок то был или нет, – прошептал на ухо бию старый мудрец, – а желание добыть меч уже стоило Алпару слишком дорого. Это знак небес! Повелитель водяных змиев и дэвов Шульган объявил ему войну. Духи предков отвернутся от Алпара, если он не отомстит ему за отца...

– Да будет на все воля Тенгри! – ответил Котбий.

А плачущая Сурабика тщетно пыталась оттащить безутешного Алпара от проклятого озера, укравшего у него отца...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1215 год

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВЕЛИКИЙ ЙЫЙЫН

На берегу могучего Иргиза, несущего свои желтые воды в необъятные просторы Андар-аз-Кыфчак, или Дешта, как говорят в знойном Хорезме, широко раскинулось кочевье рода Тук-Саба. Как и большинство других кыпчакских родов это колено происходило от грозного и могучего в древности племени саков.

Имя саков корнями уходило в глубину веков. Еще Искандер Двурогий не топтал копытами своего черного коня верблюжьих кочек двуречья Окса и Яксарта, а грозные сакские роды уже повергали в трепет и кичливых персов с бородами, крашеными хной и хитроумных ханьцев в шелковых халатах, расшитых золотыми павлинами. А когда пришли войска алчных юнанцев -греков, – отважный Спитамен и его соратник – сак по имени Катен, дали им отпор и имена их загремели в веках, еще более прославив это славное племя.

Славными были и другие древние племена Великой Степи – киммерийцы, что заставили трепетать царей грозной Ниневи, скифы, вынудившие Кира напиток из грязной лужи, массагеты, обезглавившие Дария. А саки востока – усуни, – вместе с грозными хунну преградили путь на запад злобным ханьцам.

Но теперь с той славной поры минуло с лишком полторы тысячи лет. И мало кто из потомков грозных воителей древности мог дать вразумительный ответ – из-за чего же вышел раздор между саками и усуками, как по-другому еще называли усуней? Легенда гласила о ссоре двух братьев – Сака и Усука, повздоривших между собой и проклятых за это матерью. И было это так давно, что никто уже и не пытался докопаться до сути этой ссоры, но межплеменные распри до сих пор раздирали Великую Степь на кровавые части. И хотя надменные хорезмийцы именовали все племена и роды, проживавшие в Деште – от

Иделя и Джайыка и вплоть до Иртыша и золотоносных гор древнего Алтая, на один лад – кыпчаками, – однако не стоило этого говорить в лицо уйсыну или месеуту – потомкам древних усуней и массагетов. Степняки свято чтители память предков...

Война бушевала на степных просторах тысячи лет, но если один из старейшин громогласно объявлял йыйын – собрание всех родов, – стрелы уже не вынимались из сайдака, кинжалы из дамасской стали не покидали голенищ узорчатых сапог, а булатные клинки – нежных объятий берестяных ножен.

И на этот раз мир и покой царили на берегу Иргиза. Хотя вряд ли можно было назвать покоем тот несусветный гвалт, ту пеструю суету и восхитительную несуразицу степного гулянья! Глаза рябило от хорова разноцветных нарядов и костюмов. Здесь, вдали от пышных городов Востока – Багдада, Дамаска, Ургенча, Чача, Афрасиаба, Бухары и даже степного Отрара, – изобилию племен и товаров можно было только подивиться. В толпе виднелись островерхие войлочные кокасаи и малахаи с меховой опушкой на головах степняков, высокие рогатые уборы их жен. Мелькали здесь и атласные, зеленые и алые халаты вездесущих хорезмийцев; важно выступали гордые купцы из Великого Булгара; их сразу можно было узнать по богато изукрашенным камзолам, сапогам тонкой выделки и узорчатым тюбетейкам. Порой, будто лесовик-лось, случайно забредший в стадо степных лошадей-тарпанов, в глаза бросался заезжий гость из Киева или Владимира с русой окладистой бородой и в горлатной бобровой шапке.

Впрочем, ставки степных владык видали и не такое – ведь им не раз приходилось привечать у себя гостей из далеких Бремена, Любека, Брюгге – слава о богатстве и могуществе куманских правителей летела и на восток и на запад – к Последнему Морю.

Повелитель рода Тук-Саба – могущественный бий Муйтан, – не спеша осушил большой тустак пенистого кумыса, поданного ему расторопным аяксы, аккуратно вытер полные, блестящие от бараньего жира губы хорасанским платком тончайшего шелка и обвел всех присутствующих пронзительным взглядом цепких, сощуренных глаз.

Народ, шумевший за войлочным пологом огромной расписной юрты, и не подозревал, что истинной причиной йыйына, созванного сегодня на берегу Иргиза, является тайный съезд – курултай, и прибы-

ли на него бии из всех племен и родов, живущих в Великой Степи – Дешт-и-Кыпчак. Запад именовал их куманами, Хорезм и Персия – кыпчаками, а некоторые персы и арабы, следуя китайской традиции называли их – татары, хотя в самой степи так называли лишь кочевников обитающих к востоку от Алтая и Тарбагатая.

Курултай собрал воедино всех степных владык. На мягких кошамах и бухарских паласах, сидели бок о бок злейшие враги – бии-канглинцы из Приаралья и балаусы – сыновья хана Кансака с берегов далеких отсюда Днепра и Черного моря, месеуты и уйсыны соседствовали с настоящими кыпчаками и потомками кимаков – еланцами, живущими на Иртыше. Еланцы делились на два больших подразделения – бакыр и кыргый-кайсак, кыпчаки – на четыре: карагайцев, кочующих у берегов Иделя и Джайыка, сарысынов, иначе – балаусов из Лукоморья, саксынов, живущих в древних хазарских городах на побережье Каспия, и, наконец, туксабинцев, кочевавших по Тоболу, Ишиму и Иргизу. И при этом, настоящими кыпчаками считали себя лишь карагайцы.

Из всего пестрящего разнообразия лиц и одежд, представленных на курултае, особенно выделялись карагаец Бушман и еланец – кайсак Сыйла-бий, отличавшиеся друг от друга как резвый стригунок, родившийся от степной кобылы и отродье хряка, рожденное на смрадных болотах.

Карагайский бий, прибывший с восточного берега могучего Иделя, был велик ростом, широкоплеч; бычью шею его венчала большая крепкая голова, стриженная наголо и украшенная длинным, черным как смоль оселедцом, спускавшимся до середины спины. С оселедцом в длину соперничали висячие усы, двумя черными волнами окаймлявшие волевой подбородок; орлиный, крупный нос заканчивался тонко очерченными ноздрями, раздувавшимися порой как у яростного дикого жеребца-тарпана. Мочку левого уха оттягивала серебряная серьга, черные глаза сверкали из-под лохматых бровей. Чувствовалось, что он порывается спросить у хозяина о причине столь срочного созыва курултая, и лишь неписанные вековые законы, негласный степной этикет, заставляли его до поры до времени хранить молчание. Ибо курултай по традиции мог открыть лишь тот, кто его созвал.

Однако Муйтан не спешил, переводя пытливый, изучающий взгляд с Бушмана на Сыйла-бия и обратно.

На еланца-кайсака трудно было глядеть без улыбки, однако даже те, кто видел Сыйла-бия впервые, старался воздержаться от этого. Вся

Степь была наслышана о лисьем коварстве и змеиной, расчетливой жестокости этого неповоротливого толстяка, казавшегося таким безобидным и потешным. Его круглую кошачью голову венчал дорогой малахай, отороченный мехом выдры. Широкое, лоснящееся от жира лицо находилось в состоянии постоянной улыбки. И все присутствующие, таким образом, удостаивались особой чести лицезреть два крысиных передних зуба, выдававшиеся над его нижней челюстью, словно у грызуна. Три жировые складки служили Сыйла-бию подбородками и поддерживали его массивный череп снизу, свешиваясь на и без того отвислую грудь, покоившуюся на огромном, словно бурдюк кумыса, живот.

«– Видать не зря про него говорят, что он произошел от брака змеи и кабана, – невольно подумал Муйтан, и будто в подтверждение этой мысли, на глаза ему попались амулеты, блестевшие на груди Сыйла-бия. Амулетами тому действительно служили чеканная фигурка кабана и золоченая змейка, заглатывавшая свой хвост.

«Опасный человек, этот змеепоклонник, – отметил про себя Муйтан, – ему палец в рот не клади, – хитер и свиреп как кабан, а язык у него – как змеиное жало – мед капает с него пополам с ядом.»

И хотя сердцем Муйтан от души восхищался гордым красавцем – батыром Бушманом, но умом понимал он, что лукавый пройдоха Сыйла-бий для него гораздо полезнее. К тому же и кочевья его соседят с восточными владениями самого Муйтана по Ишиму, а Идель – далеко, за Мугоджарами и Джайыком. А самое главное – Сыйла всем сердцем ненавидит Бушмана, а тот, похоже, отвечает ему взаимностью...

Муйтан, наконец, прекратил разглядывать Бушмана и Сыйла-бия, и, крикнув, дабы прочистить горло, поднял руку, призывая к вниманию. Все взгляды присутствующих устремились на него – сидевшего в самом центре юрты, на возвышении, рядом с предводителем рода Уйсын Майкы-бием, месеутским Тамьян-бием и двумя биями-балаусами – внуками славного Кансака. Это было не случайно – пятеро владык являлись самыми могущественными и влиятельными феодалами от Иртыша и Ишима и вплоть до Дона и Днепра. Но что за странные люди сидят с ними рядом? По виду похожи на еланцев, но еще более смуглы, скуласты, раскосы... Все было необычным в их облике – странноватого покроя синие бешметы с широкими нагрудными клапанами, отороченными мехом, головы не бриты, а вместо привычных оселедцев черные, жесткие как конская грива волосы расчесаны на пробор и заплетены в длинные косы.

«Татары, из катаяских степей...», – как вздох пронеслось по рядам собравшихся – и это было нарушением этикета. Впоследствии, когда джиин завершится, это сочтут дурным предзнаменованием...

Однако Муйтан не подал и виду, и, подняв руки ладонями вверх, зычно выкрикнул:

– Имя Тенгри да будет свято! Во исполнение его священной воли, во славу нашей благословенной Земли-Воды, я начинаю этот курултай...

Затаив дыхание, бии слушали речь Муйтана, и с каждым его словом лица их становились все тревожнее. Неведомая сила родилась далеко на востоке, за горными хребтами Тарбагатая и Алтая, а обитатели Дешта, занятые, как и всегда, своими усобицами, и не заметили этого.

– Это – сын покойного хана меркитов Токтабека, царевич Турумтай, – Муйтан учтиво наклонил голову в сторону молодого татарина, одежда которого выглядела более изысканно, чем у его спутников.

– Новый каган монголов и других татарских племен, принявший имя Чингиз, разгромил ставку его отца, самого хана Токтабека убил, а народ его развеял по миру и обрек на рабство и страдания. Ту же долю приняли и найманы. А, как мы все помним, меркиты – наши родичи, хотя и дальние.

– Утка и гусь тоже родичи, но не товарищи, – раздался насмешливый голос из рядов собравшихся биев.

– Тихо! – одернул наглеца Муйтан. – Царевич Турумтай просит курултай о помощи. Он собирает войско, дабы вернуться на восток, на берега великих рек Унана и Керулена, в свою вотчину, и покарать врагов. Что скажете на это, батыры?

– Эй, люди, взгляните! Волки пожаловали!

– Волки? Какие волки?

– Двунogie! Головорезы-бурджане!

Под любопытствующими взглядами, бросаемыми со всех сторон, группа башкир, въехавших на яйлау туксабинцев действительно выглядела стаей волков... Настороженно поблескивающие черные глаза под кустистыми бровями, огромные меховые шапки с волчьими и лисьими хвостами, свисающими до самых седел. Смуглые руки прирожденных воинов крепко держат поводья, а в случае чего готовы молниеносно выхватить засапожный длинный изогнутый нож и делом доказать

свои устрашающие прозвища.

Впрочем, желающих испытать на себе гнев бурджанов не нашлось – ни среди куманов, ни среди сартов-хорезмийцев, ни среди болгар или урусов. Поглазев на незваных гостей, люди расходились по своим делам, и вскоре гвалт, стоявший на степном майдане, возобновился – кричали купцы, зазывая покупателей, те в свою очередь драли глотки, торгуясь и выгадывая каждый медяк; ревели верблюды, блеяли овцы...

...Бурджане и впрямь были незваными гостями на степном джиине. Много столетий подряд башняки, канглинцы, башкорты-бурджане, гузы враждовали с кыпчаками, кимаками, месеутами. И настал роковой час, когда грозные бии – владыки Бала Юза – Малой Сотни Кимакского каганата, развалили это одряхлевшее государство и перевели свои воинственные отряды через Джайык и Идель. И началась неслыханная резня, которой Степь не видала со времен скифов и гуннов. Бурджане-башкиры, а с ними – бала-башняки с боями отступили к отрогам Уральских гор. Седые горы спасли их от неминуемой гибели. А гузы-торки и оло-башняки потеряли степь, собственных ханов и биев и вынуждены были бежать на далекий запад, где и преклонили свои гордые главы перед венгерским королем и киевским князем...

Двести лет минуло с той печальной поры и с тех пор многое утряслось в степи, которую стали называть Дешт-и-Кыпчак. Некоторым канглинским родам даже удалось удержать за собой часть прежних владений на берегах Арала, но вражда между подлинными куманам и башкирами-иштэками, – как стали называть все кочевые племена, осевшие на Урале, – осталась. До сих пор еще удалые кыпчакские егеты совершали лихие наезды на башкирские урочища – похищали девушек, угоняли скот, вытаптывали богатые травой заливные луга. А башкирские храбрецы не оставались в долгу и наведывались к берегам Иргиза, Тобола, Ишима, – древним, утерянным вотчинам, – отнюдь не с добрыми намерениями... Но наступал мирные дни – и в праздник джина, древний, как и сама степь, – все народы забывали о своей вражде и старых родовых обидах. И хотя кыпчаки старались не приглашать своих северных соседей на джиины, никто бы не посмел сегодня на джайляу туксабинцев оскорбить пришельцев словом или действием. И не только потому, что боялись башкирских клинков (а их, разумеется, боялись) и не только из-за мести (а она была бы страшна и беспощадна). Существовал древний неписанный закон, впитавшийся в кровь и плоть каждого еще с молоком матери, – и через него не осмелился бы переступить никто...

– Гнать его в шею!

– Пусть убирается в свои восточные степи! Нам тут своих войн хватает!

– Если одна желтая саранча грызет голову другой, то нам – зеленым кузнечикам, от этого только польза!

Биев было много и юрта была очень велика, однако зоркие глаза Муйтана тут же выхватывали крикунов из толпы и брали на заметку. Лицо его по-прежнему оставалось каменным и лишь губы привычно растягивались в улыбке.

– Эй, зеленые кузнечики! – звонкий густой голос Бушман-бия саблей прорезал застоявшийся спертый воздух, отравляемый миазмами доброй полусотни тучных владык Степи. – Не пора-ли вам вспомнить о том, что когда одна желтая саранча сжирает другую, то успокаивается она ненадолго! А когда она опять ощутит голод – кого она начнет есть?

– Что пользы ей от нас? – насмешливо протянул Сыйла-бий. – Там, на востоке – богатые поля, полные золотого чинского проса и серебристого риса. А у нас тут полынь да ковыль. Нам, зеленым кузнечикам, этого хватает, но где тут прокормиться желтой саранче?

– Не переживай за желтую саранчу, «кузнечик»! – парировал Бушман. – Хотя ты и скромно назвался кузнечиком, а по предкам ты – змея, но на самом-то деле ты – жаба, жирная, раздувшаяся и ядовитая, с зеленой спиной и желтым слизистым брюхом!

Злорадный хохот всех присутствующих был ответом на его слова, а Сыйла побагровел от ярости. Не смеялся лишь Муйтан, который качал головой и прицокивал языком, глядя на молодого горячего бия, который только что нажил себе немалые неприятности. Но Бушману, казалось, все было нипочем. Не обращая внимания ни на смех, ни на злобные взгляды Сыйла-бия, он продолжал свою речь:

– А вы, остальные – кузнечики вы или жабы, – решать вам самим. Жабе кажется, что она настолько сильна, что может сожрать всех кузнечиков на свете, но саранча не будет этого ждать, и пока жаба будет шлепать губами, прогрызет ей брюхо. Она уже отгрызла хвост золотому чинскому дракону, а теперь ее глаза устремлены на запад. Эта саранча настолько жадная, что ей безразлично чем набивать свое брюхо. Она сгрызет всех и вся – жаб, кузнечиков, траву и ковыль, полынь, а потом, дорвавшись до урусской ржи и алманской пшеницы, напиру-

ется вволю и не успокоится до тех пор, пока не превратит мир в пустыню. И не пора ли нам, зеленым кузнечикам, собраться вместе и отгрызть голову этой саранче, пока этого не произошло? Эй, царевич Турумтай! Хватит ли тебе пятиста моих кузнечиков? Пятиста отважных кыпчаков на горячих аргамаках, в стальных кольчугах, с сайдаками, полными каленых стрел и с булатными клинками?

Смуглое лицо меркита оживилось, узкие черные глаза вспыхнули радостью.

– Слышу слова настоящего воина! – воскликнул он. На кыпчакском наречии меркит изъяснялся свободно – лишь некоторые слова выговаривал на восточный лад – гортанно и протяжно.

– Семь долгих лет я мои товарищи скитаемся по свету. С тех пор как нойоны Чингиза разбили войско моего отца, а его голову бросили под девятихвостное знамя, украшенное белым кречетом, – я стал бесприютным бродягой. Уйгуры не захотели меня принять и даже великий гурхан отвернулся от нас. Нам пришлось немало поскитаться по заповедным долинам Алтая, где мы гостили у телесцев и алтай-кижи. А затем мы ушли в тайгу, к берегам великого Кема и кыргызы приютили меня и остатки моего несчастного народа, ныне рассеянного по всему миру. Гордый каган кыргызов вынужден был платить дань проклятым монголам, но сердце его горело жаждой мщения и я сразу же подобрал к нему верный ключ. Я убедил кагана восстать против Чингиза и его своры и он послушался меня. Но нет удачи изгнаннику, горек его хлеб, и даже его отнял у меня безжалостный Темучин и его верные псы – Чжельме, Бурундай и самый злобный из них – Субутай-багатур. Карательное войско возглавляемое ублюдком Яучы, зачатого его потаскухой матерью в плену у моего народа, этой весной настигло город кыргызов. И меркит-полукровка сполна отомстил нам за позор своей матери и свою позорную долю приبلудыша.

Каган кыргызов погиб, государство его рассеялось в прах, и мне с моими верными людьми вновь пришлось бежать. А теперь Яучы стоит на Иртыше и морды коней его воинов глядят на запад. Потому-то столь горько мне слышать от вас, – братьев по крови, – оскорбления и издевательства. Безумие овладело вами, кыпчаки, канглинцы, туксабинцы, месеуты и балаусы! И лишь из уст Бушмана я слышу слова истинного мужа. Да снизойдет на тебя благодать Тенгри! Третью всей добычи от моего будущего похода на восток, будет твоей! А вы, бии, слушайте меня! – меркит поднялся с войлока – довольно высокий, атлетически сложенный молодой человек в нарядной одежде.

– Прошу вас, оставьте свои насмешки до дня победы над Чингизом и его псами! Лишь сидя на костях проклятых монгольских вырожденков, мы сможем смеяться и шутить! А враги сильны и сила их растет с каждым днем. Они разграбили Страну Золотых Драконов и пленные чинские мудрецы научили их своим древним хитростям. А сейчас в войско Яучы влились покоренные кыргызы и другие лесные народы. Это грозный враг! Прошу вас, славные бии Великой Степи, не отвергайте мою просьбу о помощи! Помогите мне, кто чем может, – воинами, деньгами, лошадьми, верблюдами... Каждый из вас получит щедрую долю из моей добычи, в случае победы.

Заметив алчные огоньки, блеснувшие в глазах многих степных феодалов, Турумтай воодушевился еще более и воскликнул:

– Я готов полностью отказаться от своей добычи в вашу пользу – главное – разгромить Чингиза и его хищную свору!

Из толпы биев послышался одобрительный шепот, многие из них, крихтя и почесывая тугие загривки стали уже подсчитывать в уме свои предстоящие расходы и сумму прибыли, которая могла бы их с лихвою покрыть.

– А задаток? – медовый голосок Сыйла-бия был очень тих и вкрадчив, однако его вопрос стал подобен молнии, ударившей в сухое дерево.

– Правильно – кричали бии. – Кормишь нас тут своими байками! А кто тебя знает – сгинешь в своих татарских степях с нашими денежками, людьми и скотом – и ищи свищи... Нет уж, так не пойдет! Раскошеливайся, меркит!

Турумтай побледнел, гнев зарницей полыхнул в его глазах, рука невольно потянулась к рукояти сабли, однако застыла на полпути. И только желваки заиграли на его выпуклых скулах – изгнанному царевичу пришлось вновь проглотить обиду.

– Хорошо, – промолвил Турумтай, когда шум поутих, – хотя я и не могу вам дать многого, но все же отдам самое ценное, что у меня есть. – Он загадочно улыбнулся и с наигранным озорством подмигнул биям, ерзавшим на своих кошмах от нетерпеливой жадности.

– Давай, меркит, хватит уже нас терзать ожиданием! Метай кости на стол! – взвыли наиболее молодые и алчные.

– Это, – торжественно и важно произнес Турумтай, – единственное, что мне удалось спасти при гибели кыргызской столицы – сераль покойного кагана кыргызов! Более ста красавиц мне удалось спасти из лап Яучы и его зверей и увести с собой. И все отныне будут принадлежать вам!

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЧЕЛОВЕК ИЗ ТУРКЕСТАНА

– А сейчас, – провозгласил меркит,ждавшись, пока улягутся оживленные возгласы, вызванные его заявлением, – а сейчас мои красавицы покажут вам, на что они способны!

Турумтай мягко хлопнул в ладоши три раза – и по его сигналу в юрту неслышно проскользнули десять стройных девичьих фигурок, с головы до ног закутанные в шелковые чинские покрывала.

– Это, – самые красивые из жен и наложниц покойного кагана кыргызов! – пояснил меркит, довольный реакцией сластолюбивых куманов на появление его одалисок. Лица у многих горячих степняков уже раскраснелись, глаза масляно блестели, языки облизывали враз пересохшие губы, предвкушая волнующее зрелище.

– Эти девушки достанутся самым влиятельным и могущественным из вас, – заявил Турумтай, и, помедлив, добавил, – конечно, если и помощь моему войску будет соответствовать размерам вашей власти и богатства. И, я не знаю как у вас, но у нас, в Великой Татарии принято предъявлять товар лицом.

Щелчок пальцами – и покрывала слетели наземь, открыв вожделяющим глазам биев десять изящных, полюбнаженных красавиц. Здесь и вправду было на что поглядеть. Черные как смоль волосы, заплетенные в множество косичек, игривыми змейками спускаются на гибкие талии, открытые взору; расписные узорчатые шаровары переливаются дорогим шитьем, а в многочисленных разрезах, маня и будоража мужскую кровь, сверкает нежная девичья плоть. Высокие полные груди томятся в плену ожерелий, монист и чашечек, вышитых бисером; лебединые шеи увивают коралловые нити и золотые тяжелые цепи. Особое очарование кыргызским полонянкам придавали необычные черты лица – по-восточному высокие скулы, полные, яркие, сочные губы, похожие на розовые бутоны; бархатные миндалевидные, чуть приподнятые к вискам глаза полуприкрыты сенью трепещущих стрельчатых ресниц.

Еще один сигнал повелителя – и тоненько зазвенели колокольчики, унизывавшие нежные пальчики полонянок. Танец кыргызских на-

ложниц был необычен – он завораживал своей тягучей томной плавностью и нарочито ленивыми изгибами юных тел, в которых чувствовалась скрытая страсть. Ритмичный перезвон колокольчиков придавал этому танцу еще более сильный экзотический аромат. Дальний Восток, таинственный и многоликий жил и переливался всеми цветами радуги в танцующих кыргызских девах... Там, к восходу, за Иртышом и отрогами Алтая расцветал и рос он на протяжении многих тысячелетий – этот особый мир, – таинственный, волшебный, манящий и пугающий своей неизведанностью... Сама судьба сделала куманов посредниками между двумя мирам. Но многие из них лишь сейчас, глядя на танцующих дев, осознали, что их страна – это ключ, открывающий ворота с обеих сторон – и с Запада и с Востока. И тать, грозивший завладеть ключом, шел именно со стороны восходящего солнца...

...Завороженные чарующим танцем наложниц, бии сразу не сумели осознать, что в кругу танцующих неожиданно появилась новая фигура. Одиннадцатая красавица скинула свое покрывало – и будто яркий факел вспыхнул в центре юрты.

Пышные золотисто-каштановые волосы, схваченные на высоком лбу ошеломляли больше чем восточные прелести остальных наложниц. Но зеленые, сияющие как два изумруда глаза заставляли забыть о волосах – они притягивали к себе взгляды будто магнит, и в каждом из них плескалось по бездонному и таинственному морю...

Неведомая белокожая и златовласая дева не стала танцевать. Заняв место в центре хоровода, который тут же создали вокруг нее изгибающиеся и звенящие колокольчиками наложницы, зеленоокая вскинула вверх белые округлые руки. Полная грудь ее всколыхнулась... и из нее полились чарующие звуки древней, прекрасной песни. Она была печальна, как прощальный крик улетающих к югу птиц, и в то же время разжигала в сердцах огонь, будто порыв свежего ветра.

И когда песня закончилась, бии долго еще сидели, оцепенев как каменные истуканы, которых водрузят в их честь на курганах, после кончины.

– Прекрасная царевна Каныкей, дочь кагана кыргызов, спела песнь о великом Алпе – Манасе Великодушном, о его славной жизни, и смерти от руки предателя, – тихо промолвил Турумтай...

Жаркое майское солнце полыхало над степью, сжигая и без того

выгоревшую траву, не ведая жалости ни к людям, ни к животным, мучимым жаждой.

По кочевью рода Тук-Саба бродили собаки с отяжелевшими от объедков брюхами, свисающими до земли, а их сизые языки изнуренно болтались и едва не путались в ногах. Люди, съехавшиеся на джиин и гомонившие с самого рассвета на майдане, теперь попрятались под сенью юрт и привезенных с собой кибиток или навесов состряпанных на скорую руку из прибрежного тростника и накрытых свежесодранными бараньими шкурами – над ними черными, надоедливо жужжащими роями вились постылые мухи. Алманы и русы больше не бродили по кочевью – укрывшись в шатрах, северяне предавались радостям жизни – оттуда слышались хмельные песни, возбужденные возгласы и изредка – дробный стук игральных костей, высыпаемых на доску из кожаного стаканчика.

Степняки всем хмельным напиткам предпочитали родимый кумыс и, наполнив тустаки пенистым ароматным напитком, нежились в объятиях жен и наложниц, в прохладе устланных кошмами юрт.

Со стороны разноцветных палаток и войлочных кибиток, в которых укрылись хорезмийские и болгарские купцы, слышались протяжные звуки напевной арабской речи – для правоверных наступила пора полуденного намаза.

Молитвы Аллаху возносили и в курени приехавших на джиин канглинцев, однако прочие обитатели Дешта еще предпочитали пребывать в язычестве. Однако многие из них уже знали наизусть слова «бисмилла рахмани – эр – рахим» и сделки свои с хорезмийцами и болгарями закрепляли этой священной формулой. И все же Тенгри и богиня Умай по-прежнему властвовали над Степью – Священной Землей-Водой – как и тысячелетия назад...

...Два тучных, откормленных егета – туксабинца с бычьими загривками, с самого утра маялись у огромного шатра Муйтан-бия, где и происходил курултай. Солнце немилосердно поливало жаром несчастных стражей, закованных в червленую чешую кольчуг багдадской работы; из-под мисюрок, затейливо украшенных серебряной насечкой, обильно стекал пот. А за расшитым золотом нарядным пологом великой юрты до сих пор слышались распаленные возгласы и рассыпчатая кыпчакская брань – бии, похоже, и не помышляли об отдыхе. И стражам поневоле приходилось жариться на солнцепеке, бросая завистливые взоры на стоявшие чуть поодаль юрты своих сородичей, откуда слышались тихие, ласкающие душу звуки домбры и кубыза.

– Эй, Айтуган, и чего им так нейдет? – сонно промычал один из егетов – тот, что был поздоровее и светлее волосами – мать его была полонянкой из сарычинцев-балаусов и была взята туксабинцами во время их набега на лукоморские кочевья.

– Один Тенгри ведает, Котян! – пожал плечами его товарищ – смуглый и черноглазый Айтуган. – Вот если бы я был бием – знал бы чего хотеть. И уж точно не стал бы устаивать хай из-за какой-то там бабы.

– И не говори, – поддакнул Котян, – Уж в бабах-то у них недостатка нету, а тут еще и татарин их понавез...

– Да, но зато та говорят – царевна, а волосы у нее – как солнце и глаза – цвета южного моря Казак. Так-то! – Айтуган на мгновение замолк, призадумавшись, а потом заметил:

– И все же, будь я бием – не стал бы тратить время на грызню из-за бабы, пусть она даже дочка кыргызского кагана!

– Клянусь Аллахом, ты не прав, досточтимый отрок!

Стражи так увлеклись разговором, что не только позабыли о до-
нимавшем их солнце, но также проглядели, что к великой юрте почти вплотную подошел статный чернобородый мусульманин, облаченный в одежды, которые носят восточнее Хорезма – в Коканде, Яркенде, Фергане, Кашгаре – стране, называемой Туркестан. Жители Туркестана издавна слыли добрыми мусульманами, но вот уже более полутора веков ими правили неверные – кара-катаи.

– Мир вам, славные витязи! – чернобородый широко улыбнулся и склонился в поклоне, слегка коснувшись холеной белой рукой, уни-
занной дорогими перстнями, – лба, губ и груди. – Смирный раб Аллаха, купец Махмуд из славного города Алмалыка приветствует вас!

– Эрлик тебя заberi! – недовольно воскликнул Котян и выставил вперед руку, с сжатым в ней копьём. – Иди своей дорогой, мусульманин! Никто из посторонних не должен находиться здесь!

– О, не гневайтесь, отважные воины! – воскликнул назвавшийся Махмудом. – Ибо неотложные дела связывают меня с достопочтенными биями.

Махмуд постоянно улыбался, обнажая белые, как слоновою костью зубы, а его проворные изящные руки так и летали перед лицом, оживленно жестикулируя. Дорогие перстни сверкали на его пальцах, и один из них, как бы невзначай соскользнул со своего места и упал в траву – прямо под сапоги Айтугана. Туксабинец криво ухмыльнулся и, будто случайно наступив на дорогую вещицу, перемигнулся с приятелем. Ответом ему была широкая довольная улыбка Котяна, поскольку рас-

сеянный мусульманин обронил и второй перстень.

– Правоверный, – ты желаешь, чтобы мы пропустили тебя внутрь? – уже мягче осведомился Айтуган. – Но как ты проникнешь туда? Нам всем несдобровать, если тебя заметят. Все, что происходит на курултае – великая тайна...

– Многие великие тайны ведомы Махмуду из Алмалыка! – купец-проньера загадочно усмехнулся. – Нет, дорогой юноша, внутрь заходить я не стану. Я останусь здесь, а твой приятель зайдет внутрь и тихонько позовет уважаемого Сыйла-бия из племени Елан. Пусть он скажет ему, что его дожидается купец Махмуд из Алмалыка. Он меня знает.

Котян с готовностью покинул свой пост и скрылся за спасительной сенью полога шатра. Изнуренный и взмокший Айтуган тоскливо поглядел ему вслед. Повернувшись, он обнаружил, что загадочный купец подносит к его потрескавшимся губам бухарскую узорчатую пиалу, полную ароматного чая.

– Выпей, о достолавный отрок, сей божий напиток, доставленный из далекого Хиндустана! – вкрадчиво предложил Махмуд. – Выпей – и тебе полегчает!

Кыпчак не заставил себя ждать и с жадностью осушил пиалушку, после чего щедрый купец вновь наполнил ее из тыквенной бутылки, которую он извлек из-под полы своего нарядного халата.

– А теперь поведай мне, о, сын степей – правда-ли, что та, кого привез сюда татарский царевич вместе со своими полонянками – и есть та златокудрая дочь покойного кагана кыргызов, по имени Каныкей? – спросил купец у Айтугана, после того, как он наконец-то утолил свою жажду.

– Верно, мусульманин! – напившись чаю, парень и в правду заметно приободрился. – Мы время от времени наблюдали за курултаем через щель в пологе, и все видели и слышали. Ее и вправду зовут Каныкей, и она прекрасна, как утренняя заря в степи!

– О, она чудеснее всех роз Хорезма и Хорасана! – прицелкнул языком купец и томно закатил глаза. – Потому-то я и сказал тебе, что ты не прав, говоря о том, что не стал бы драться ради этой женщины! Многие владыки отдали бы за нее полцарства! О, она достойна только владыки мира, видит Аллах!

– Владыкой мира, говорят, был Двурогий, но он давно умер! – хохотнул кыпчак. – О ком же ты говоришь? Под Вечным Небом много ханов и биев, но ни один из них не достиг еще господства над Вселен-

ной, подобно Двурогому или каганам Десяти Стрел!

– Это я так, ради красного словца! – вновь заулыбался купец. – Так значит, это та самая Каныкей, слава о которой давно затмила ее красоту!...

...Когда наконец Котян вышел в сопровождении тяжело переваливающегося с ноги на ногу, подобно ожиревшей утке, Сыйла-бия, то увидел, что Айтуган дремлет, оперевшись на пику и опустив голову на грудь, а купец стоит рядом и на лице у него такая нехорошая гримаса, что по спине у стражника забегали мурашки. Однако при виде Сыйла-бия он вновь заулыбался.

– Дружок твой совсем с ног валится от жары! – бросил он Котяну на ходу и, потеряв к нему всякий интерес, вплотную приблизился к бию. В руке купца на мгновение блеснул какой-то металлический предмет – и при виде его заплывшие глаза еланского старейшины, к удивлению Котяна, едва не вылезли из орбит. Схватив купца за плечо, бий, крихтя и охая, потащил его прочь от юрты, из которой продолжали раздаваться возгласы сварливых куманских владык.

Когда оба удалились, Котян недоумевающе пожал плечами, и вскоре позабыл о странном поведении подозрительного купца и еланского бия. Воровато оглядевшись, он вытащил из-под шлема перстень и, довольнo хохотнув, подбросил на ладони.

– Славный подарочек – пусть он и получен от подозрительного мусульманина, который шатается по кочевью, в то время как прочие правоверные усердно молятся! – пробормотал он. – На этот камушек можно купить десяток русских полонянок! Эх, заживу! – и, предвкушая предстоящие удовольствия, парень спрятал перстень в самое укромное место – в свои широкие шаровары.

– Эй, Айтуган, а ты чего дрыхнешь на посту, а? – и с этими словами развеселившийся страж с силой толкнул своего сонного товарища кулаком в бок, намереваясь его разбудить. Но Айтуган, вместо того, чтобы вскинуть голову, свалился навзничь – и остался лежать без движения с закатившимися глазами и открытым ртом. Только едва вздымавшаяся грудь указывала на то, что он жив.

– Ай-хай! – Котян сокрушенно покачал головой. – Похоже тебе и впрямь голову напекло!

Неожиданно в голову его пришла какая-то мысль. Хитро заулыбавшись, туксабинец склонился над сонным товарищем. Руки его проворно шарили по неподвижному телу.

– Так и останешься ты без камушка, дружок! – бормотал Котян,

обыскивая Айтугана. – И нечего спать! Все на купца свалю – то-то потехи будет!

– Однако с каждым мигом лицо его становилось все озабоченнее, а движения – все лихорадочнее. Наконец, осознав тщетность своих поисков, кыпчак злобно зарычал по-волчьи и, вскочив, с силой пнул своего ограбленного друга.

– Вставай, тюфяк! – шипел он. – Проспал свое добро! Хитрюга-купец так и забрал свой камень!

Наконец Айтуган открыл красные, ничего не смыслящие глаза и удивленно уставился на друга.

– Ну, чего глазами хлопаешь? – напустился на него вороватый Котян. – Что с тобой сделал этот прощельга – купец? О чем вы с ним говорили?

– Видит Тенгри – ничего не помню... – потерянно пробормотал Айтуган, поднимаясь с земли.

– Видно он колдун, – недовольно проворчал Котян. Айтуган, тем временем, пошатываясь, встал на ноги и, вдруг, схватившись за голову, застонал.

– О, Эрлик! – простонал он. – Видно и солнце в правду напекло мне голову.

Котян поглядел на своего страдающего друга – досада и сочувствие перемешались в его взоре.

– Ладно уж, – мрачно пробурчал он, – так и быть – выручку с перстня поделим на двоих...

– Сейчас Великий каган воюет с чинами и основные его войска – на востоке. Но сын его – Яучы, – разбил свой лагерь на Иртыше, в древней кимакской ставке. Долина Елан, – ведь тебе знакомо это название, о мой дорогой бий? – Махмуд из Алмалыка был очень обаятельным человеком: глаза его блестели под густыми бровями двумя черными маслинами, зубы, обнажаемые в улыбке, светились как жемчужины. Но слова его – вкрадчивые и тихие – производили на собеседника удивительное действие. Могущественный Сыйла-бий прерывисто дышал, заплывшие глаза его таращились и горели лихорадочным огнем, а масляная рожа то белела как мел, то багровела как кровь из вспоротой глотки.

– Мне-ли не слышать об этой долине и этой ставке! – прошептал

Сыйла-бий и зрачки его сузились как у барса, готовящегося к прыжку. – Ведь оттуда мои предки правили всей Степью! Но двести лет назад подлые кыпчаки раскололи каганат и на курултае, подобном этому, отказали кагану в повиновении и увели свои стада далеко на запад. Они бросили своих повелителей, и когда найманы подло напали на нас с востока, никто из кыпчаков не пришел на помощь! Никто! Ставка опустела, а мы – еланцы, потомки грозных кимаков, вынуждены были как зайцы бежать из заповедной долины, бросив там нашу столицу и наши храмы, посвященные Великому Змею!

– У тебя есть возможность сполна отомстить за обиды, причиненные твоим предкам! – заметил Махмуд. – Часть еланских родов – те из них, что покорялись катаяцам и носили имя Кай, – влились в войско Яучы и теперь жаждут отмщения! Они отреклись от гурхана Кучлука! Теперь в Степи новый каган, а в древней кимакской ставке вновь горят огни и подняты знамена. И древний еланский символ, – змея с двумя головами, – воздета на древко рядом с великим белым стягом Священного Чингиза! Дешт-и-Кыпчак должен пасть к его ногам! – торжественно заключил Махмуд.

– Я приложу все усилия для того, чтобы это случилось как можно скорее! – заверил его Сыйла-бий...

... – Вручаю тебе бронзовую пайцзу с головой кабана, – Махмуд торжественно вложил дорогой символ ханской власти в дрожащие руки еланского бия. – Храни ее как зеницу ока, ибо вскоре наступит твой час. А своему приятелю – муйтан-бию передай на словах, что если он соизволит должным образом вспомнить внука великого Хабулхана, – то будет вознагражден.

– Я передам, – покорно закивал Сыйла-бий.

– А теперь перейдем к главному! – Махмуд неожиданно резким движением выхватил из широкого рукава халата дамаскский стилет, сверкнувший холодной волнистой булатной сталью несколько раз ткнул его острием в кошмы, раскиданные по юрте Сыйла-бия, а затем – в войлочный полог. Не обнаружив спрятавшихся соглядатаев, таинственный купец, как ни в чем не бывало убрал оружие и продолжил беседу:

– Курултай решил оказать помощь меркитам?

– Сначала большинство было против, но проклятый Бушман все испортил! Ты не представляешь себе – они боятся собственной тени! Не ведая правды о великом кагане, они страшатся его, но вместо того, чтобы сразиться с ним в открытую, предпочли оказать помощь мерки-

ту, надеясь, что тот разгромит кагана и война не коснется их кочевий.

– Глупцы! – усмехнулся Махмуд. – Турумтай уже раздал им своих кыргызских полонянок? Кому досталась Каныкей?

– В этом-то и загвоздка! – Сыйла-бий ехидно захихикал. – Они там все из-за нее чуть с ума не посходили. Грызлись как цепные собаки! Так что пришлось объявить кыргызскую красавицу главным призом в предстоящей байге. Каждый бий выставит для состязания своего батыра и тот из них, кто возьмет верх – выиграет Каныкей для своего господина! Так-то!

– Это плохо! – Махмуд нахмурился, но тут же просветлел лицом. – Впрочем, это дело поправимое. Я не пожалею денег на то, чтобы выкупить царевну у победителя, но для меня было бы проще, если победителем станешь ты!

– Я постараюсь это уладить! – заулыбался еланец. – Мой батыр будет выступать на заколдованном коне, а сам он заговорен. Великий Змей будет хранить его на ристалище!

– Ну так смотри же! – Махмуд пристально поглядел еланцу прямо в глаза. – Каныкей должна быть доставлена ко двору Великого Кагана. Ибо без нее – прямого потомка богини Гоа-Марал, не сможет пройти ритуал взывания к духам предков Священного Воителя!

– Как-то странно слышать о богинях и духах из уст мусульманина! – усмехнулся Сыйла-бий.

– Аллах велик и един, просто разные народы зовут его по-своему, – ответил Махмуд, – а каган – это могущество божие на земле, и потому предки его – священны!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

БАЙГА

Ближе к вечеру, когда спала жара, и люди сбросили с себя сонную одурь, взревели курнаи, возвещая о начале великого ристалища. Когда к майдану, обуреваемый любопытством, хлынул народ, на середину образовавшегося круга выскочили вестовые – в черных кафтанах и колаксях, отороченных мехом чернубурой лисы. Нещадно охаживая нагайками резвых маленьких степных лошадей, они заставляли их вставать на дыбы, вертеться на месте, и при этом умудрялись истошно, звонко кричать на весь майдан:

– Да милостиво к нам будет Вечное Синее Небо! Люди Великой Степи и ее гости – слушайте! Хозяин джиина, славный бий Муйтан, владетель Тук-Сабы и его кунаки – великие бии с берегов всех куманских рек, – объявляют байгу! Участвуют батыры ото всех степных родов! Победителю достанется награда, достойная хана – кыргызская царевна!

... – Ха-а-ай! А не перевелись еще батыры в степи!

– Знать не все еще ушли в гулямы к хорезмшаху!

– Да если бы молодым дорогу давали – разве уходили бы они из Степи на знойную чужбину?

– Точно! Ведь и сейчас – для кого егеты стараться будут? Для биев!

– Для них, для кого же еще! Ведь та царевна кыргызская, красоты неопикуемой дева – достанется не самому победителю, а его хозяину! И будет она брюхо греть старому бию, вместо того, чтобы нежиться в крепких объятиях молодого батыра!

– Да-а, одна у молодых дорога – в Хорезм!

– А там что – думаете лучше? Там они тоже стоят на страже у дверей гаремов и стерегут чужих дев! Пропадает Степь!

Такие разговоры, полные смешанных воедино восхищения и горечи, слышались в толпе зевак, во все глаза глядевших на будущих участников байги, которые уже оседлали горячих, нетерпеливых аргамаков и ждали лишь сигнала – для того, чтобы свистящими стрелами сорваться с места, вздымая к синему небу клубы пыли.

Если степные богатыри и слышали сетования по поводу своей доли, то виду они не подавали. Мускулистые, широкоплечие, рослые или коренастые, светловолосые и чернявые, узколицы и горбоносые как канглинцы или круглоголовые, румяные, с усами пшеничного цвета как балаусы... Все они были одинаково хороши, подтянуты и полны юных сил. И сожаления о том, что приз в предстоящей байге они будут добывать не для себя, их, казалось, совершенно не трогало. Лица у всех были одинаково каменными как у надкурганых идолов, веки полуприкрыты, а губы неторопливо шептали молитвы Вечному Небу, богу Ырысу, дарующему удачу, мудрому Йол-Тенгри – богу, помогающему тем, кто в дороге и являющемуся заплутавшим путникам под видом белобородого старика Йолчи.

И лишь батыр – еланец, казалось бы никому не молился. На его загорелом лице играла довольная улыбка, толстые сизые губы лоснились от только что съеденного бишбармака – хотя, обычно к ристалищу принято было выезжать натошак. Грузное тело Кара-Кузгуна – так звали еланского наездника, было облачено, под стать имени в черный как смоль елян, ноги – в широкие, черные же шаровары и черные сапоги. И даже конь был подобран в масть – вороной, могучий мерин с белой гривой, белыми бабками и налитыми кровью яблоками глаз. Конь Кара-Кузгуна дико храпел, поводя лоснящимися боками, и на его сытом крупе и тигриной широкой груди волнами играли мускулы, а на сбруе звенели бронзовые подвески, украшенные крохотными фигурками переплетенных змей. Побрякушками подобного рода была увешана и вся одежда еланского батыра. При каждом его движении или дуновении ветра вся эта мишура издавала мелодичный звон.

Глаза Кара-Кузгуна были устремлены к шатру совета – туда, где на возвышении перед ним восседали, ожидая начала ристалища, бии и среди них – его господин, Сыйла-бий. Заметив устремленный на себя взгляд Кара-Кузгуна, еланский старейшина еле заметно подмигнул ему.

Не зря за еланцами в Степи установилась репутация колдунов и ворожеев – знали они толк и в древней скифской магии и в шаманском колдовстве. Но о самой сокровенной тайне колдовского искусства еланских шаманов не ведал никто из простых смертных. Тайна эта корнями уходила в дремотные глубины тысячелетий, под самые замшелые своды времени, когда иными еще были очертания материков и океанов, когда там, где к небу устремляют свои заснеженные пики горные хребты, расстилались выжженные пустыни, а там, где плещутся волны бирюзовых морей, вздымали к небу свои удивительные пор-

фирные башни города и замки загадочных колдовских империй далекого прошлого... У тайны этой был свистящий ныне мертвый язык, на котором некогда разговаривали змееголовые чудовища, умевшие принимать человеческий облик...

И не знали бии и их батыры, уже готовые пустить коней в погоню за призрачной удачей, что все уже решено змеиными божествами, которым поклонялся еланский бий и его приспешники – и победа должна достаться черному коню Кара-Кузгуна...

И сигнал был дан. Выступил вперед сокольничий Муйтан-бия и с руки его, укутанной в кошму, стремительно сорвался и взмыл вверх, к Вечному Синему Небу царственный Ак-Лачин – белый кречет – вестник воли богов. И байга началась.

– Хайт! Хайт! – бешено погоняли своих скакунов батыры, вступившие в отчаянную схватку копыт и ветра, бьющего в грудь.

– Хайт! Хайт! – несло со всех концов майдана. Куманы разных родов силились перекричать друг друга и каждый из них, как мог, ободрял своего наездника.

– Тук-Саба! – вопили хозяева ристалища.

– Сарычин! – орал лукоморцы.

– Итиль! Итиль! – восклицали карагайцы.

– Елан-бабай! – кричали еланцы...

А перед егетами, слившимися в единое целое с туловищами-стрелами скакунов, выскочил вперед специально выпущенный серый волк, – кок-буре. По древнему степному обычаю победить в байге должен был тот, кто первым заарканит волка или перебьет ему хребет на полном скаку, а главное – привезет его обратно в кочевье и предъявит устройствам ристалища.

Волк удирал отчаянно – его поджарое тело несло по степи как серо-бурая молния. Иногда хищник замедлял свой бег и отчаянно озирался на загонщиков, глухо, затравленно рыча и обнажая покрытые пеной желтые кривые клыки...

Юрты кочевья и взбудораженная толпа зрителей давно уже скрылись из виду, а байга все неслась вдоль берегов Иргиза, по степи, тянущейся до желтевших на горизонте Мугоджарских гор. Время, казалось, остановилось для участников погони за волком – была лишь завеса желто-бурой пыли, песок, скрипящий на зубах, вершины холмов, проно-

сящиеся в отдалении и серая спина, маячившая где-то далеко впереди...

Лошади многих егетов уже начали замедлять свой бег, не выдерживая выматывающего темпа погони, как вдруг вперед, заметно опережая остальных вырвался балаус – сарычинец Калтай-батыр. Это был рослый и белокурый егет. Его отороченная мехом выдры шапка давно слетела, и длинный золотистый оселедец вился на ветру как султан хорезмийского шлема. Сделав последний, отчаянный рывок, егет настиг хищника, который заметался под копытами обученного коня как заяц.

– Сарычин! – задорно воскликнул Калтай и занес свой сукмар, дабы перебить хребет серой добыче.

И никто из состязающихся не мог видеть, как Кара-Кузгун, заметно отстававший от остальных и даже и не пытавшийся их догонять, слегка дотронулся до бронзовой змеи с двумя головами, петлю свернувшейся на его бычьей шее. В следующее мгновение возглас удивления вырвался из глоток батыров, – то ли постромка лопнула, то ли конь сарычинца взбесился и сбросил седока... Но как бы там ни было – а Калтай кубарем покатился по земле, оглушенный, обезоруженный и беззащитный, а конь, дико заржав, помчался далее.

А волк, тут же преобразившись из добычи в охотника, сделал роковой прыжок и вонзил кинжалы своих клыков в горло поверженного человека. Новый вопль был криком ужаса, и ему вторило победное рычание зверя, мстившего за свой позор. Однако уже в следующий момент волк опять удирал от настигающих его наездников, бросив на земле растерзанное тело неудачника.

Кровь из вспоротого горла Калтая, казалось, влила новые силы в волка. Ноги его мелькали как ступицы в колесе, и они несли хищника по степи, будто колесницу. Разрыв между волком и загонщиками заметно увеличился – казалось, никто не желал разделить судьбу несчастного Калтая. Обжегшиеся на молоке, дуют на воду, а егеты, не сговариваясь, сменили тактику и решили брать зверя измором. Теперь уже все решала не скорость и ловкость, а лишь выносливость и холодный трезвый расчет. А чтобы серый разбойник не нашел укрытия от погони, затаившись в какой-либо ложбине, россыпи камней или зарослях кустарника, батыры рассеялись по степи, вытянувшись дугой.

Однако проснувшаяся осторожность не спасла загонщиков от новых несчастий. Не успели они проскакать и двух стрелищ от места злосчастной гибели Калтая, как еще один егет свалился навзничь вместе с отчаянно заржавшим конем – скакун сломал ногу, наткнувшись

на валун и падая, в довершение несчастья, насмерть придавил своего хозяина.

Еще через какое-то время пал жеребец третьего участника байги – на этот раз его копыто провалилось в нору суслика-тарбагана. Встряска была столь сильной, что злополучный наездник будто камень из пращи, вылетел из седла, и перевернувшись несколько раз в воздухе, застыл наконец на твердой земле с переломанной шеей.

Суеверный ужас вселился в сердца участников байги.

«– Боги прогневались на нас! – мелькало в голове у каждого, – Уж не священного ли волка мы загоняем?»

И, будто подтверждая их догадку, волк неожиданно застыл как вкопанный, и, подняв голову к вечернему небу – туда, где напротив начинающего розоветь солнца бледным пятном проступала краюха луны, – взвыл, отчаянно и тоскливо, да так, что кровь леденела в жилах. Было ясно – бирюк понял всю тщету своих усилий спасти жизнь от посягавших на нее врагов. Ну что же – в таком случае он заставит дорого заплатить за нее. Оборвав вой, серый хищник глухо заворчал, и, скакнув, занял боевую стойку. Сероватая шерсть встопорщилась на его сгорбившейся холке. Уши, плотно прижатые к голове мелко задрожали, глаза покраснели, как угли, а верхняя губа, сморщившись, вздернулась, обнажая жуткие клыки. Волк был готов к последнему бою в своей жизни.

– Тенгри! – в один голос воскликнули батыры, призывая на помощь силу Неба, и прося его не гневаться на них. Они остановили коней и пригнувшись к гривам, неотрывно наблюдали за каждым движением волка. Было ясно – кто-то из них, – самый отчаянный, – должен выйти на поединок с бирюком, – так гласил неписанный степной закон. Раз уж байга прекратилась – все должно решить единоборство. Но кто?

И в этот миг Кара-Кузгун вновь дотронулся до переплетенных змей на своем талисмане – и лошади егетов, подчиняясь безмолвной команде, взбесились. Заливаясь отчаянным ржанием и дико поводя кровянистыми яблоками сумасшедших глаз, обезумевшие кони метались по степи не вникая окрикам и поводьям своих напуганных хозяев. Одна за другой, лошади уносили их в даль – дальше, дальше от заветного места, где застыл волк, ценою жизни которого была прекрасная царевна. И наедине с ним остался лишь нагло усмехающийся Кара-Кузгун

Еланский наездник грузно вывалился из седла, и, не спеша, в перевалочку, направился к рычащему волку, готовящемуся к прыжку. В следующий момент в вечернем сумеречном воздухе мелькнули две мол-

нии – волк, в своем прыжке вытянувшийся в струну и навстречу ему – быстрая как мысль камча Кара-Кузгуна, единственное оружие, которое он взял с собой для решающего боя. Вслед за этим послышался короткий взвизг волка и еле слышный свист – но это не был свист рассекающей воздух камчи. Волк лишь ценой отчаянного усилия извернулся в воздухе и, изменив траекторию полета, чудом избежал... укуса смертоносного аспида – ибо в руках своих довольно хохочущий Кара-Кузгун сжимал теперь не камчу, а извивающуюся красноглазую змею!

Извивы змеиного тела запечатлелись в изумленных глазах зверя. Зрачки его, расширившиеся поначалу, медленно сузились, – волк, чужая нечисть, глухо зарычал, шерсть на его хребте встала дыбом. А затем грозный хищник начал пятиться, шаг за шагом стремясь отдалиться от колдуна и его шипящего оружия.

Но не тут-то было. Кара-Кузгун хрипло заклекотал – толстое горло его завибрировало как у лягушки, и звуки мертвого языка сорвались с его уст – свистящие, холодные, страшные...

В следующий момент волк очутился в кольце танцующих змей. Шелестя чешуей, одна за другой – гадюки и гюрзы выползали из травы и вливались в шипящий хоровод. Медленно, очень медленно змеиное кольцо сжималось вокруг взъерошенного зверя. Настал последний, отчаянный миг – и волк отчаянно, призывно взвыл, и вою его вторил злорадный хохот еланца. Однако Кара-Кузгун не успел отдать своему змеиному воинству последнюю, роковую команду. Будто это ответило на отчаянный волчий зов – но на этот раз вой издавало человеческое горло. Кара-Кузгун не успел опомниться – и дробный топот раздался за самой его спиной, и в следующий миг тяжелый сукмар обрушился на его череп, оглушая и валя с ног. Соскочивший с маленькой косматой лошади, неизвестный воин в хвостатой шапке, отпихнув прочь от себя обмякшее тело не ожидавшего такого поворота событий колдуна, и не теряя времени бросился на змей. В руке его жарким огнем полыхал факел. Отчаянно выкрикивая что-то на необычном тюркском наречии, воин без устали хлестал извивающихся гадин камчой и жег их факелом. Одна за другой, змеи погибали под его несущими смерть руками. Но большинство из них сочли за благо ретироваться. Вскоре все стихло, и они остались один на один: воин в хвостатой шапке, с вздымающейся как кузнечный мех грудью и горящими взволнованными глазами, и волк – старый, матерый ветеран. И удивительное дело – седой бирюк заурчал, и в его голосе не было угрозы, а лишь

умиротворение. В следующий миг он подошел к воину в хвостатой шапке и, спокойно улегшись у его ног, благодарно лизнул сапоги из мягкой оленьей кожи...

Солнце, лениво жмурясь, покинуло небосвод и, на покрытое блестящими звезд хорезмийское покрывало ночи, выкатилась круглой поджаристой лепешкой луна, а в кочевье Муйтана никто и не думал расходиться по юртам и шатрам. Люди, приехавшие на джиин, так же как и местные жители, жгли костры, дабы хоть немного рассеять ночную мглу, и напряженно, до боли в глазах, вглядывались туда, откуда должен был явиться еще неведомый победитель. Но время шло – а ночь так и не собиралась открывать завесу тайны тех, кто ушел в степь, и до сих пор не возвращался. И было похоже на то, что до самого рассвета о них не будет никаких вестей. И вдруг ... чу! Люди, начавшие было зевать, встрепенулись, услышав в степной дали еле слышные звуки протяжной песни. Куманы, напрягая зрение, вглядывались во тьму, силясь разглядеть поющего, – и, наконец, им это удалось. Но вот незадача, – одинокий всадник, вынырнувший из мрака ночи и выехавший на свет костров, не принадлежал ни к одному из племен, участвовавших в байге!

– Бурджан! – воскликнули куманы. Люди недоуменно переглядывались и пожимали плечами.

– Странно – ведь они уехали с джиина еще в полдень!

– Ну да, – купили себе оружие и ткани и были таковы! А этому что здесь понадобилось?

– Но может быть хотя бы он знает о судьбе наших егетов? Давайте, спросим его!

– Да вы взгляните на его собаку!

– О, Тенгри! Кок-буре!

И это было правдой. Вслед за конем, неторопливой рысцой бежал волк, которого должен был нагнать – и, живого ли, мертвого ли – привезти на суд биев победитель байги.

– Тенгри! Это колдовство, не иначе! – пробормотал Муйтан, впиваясь взглядом в удивительную процессию. – Он приручил волка, этот башкир!

– А я не вижу здесь ничего удивительного! – возразил ему упрямец Бушман. – Ведь про бурджан не зря говорят, что они произошли от волков! Это голос крови!

– Да, все это так... – закивали головами другие би. – Но кого мы

будем считать победителем? Неужто ... его? Но ведь он не участвовал в скачке, и имя его не выкликали глашатаи!

– Подумать только – как можно отдавать красавицу-царевну безродному выродку с каменных гор? – воскликнул багровый от гнева Сыйла-бий.

– Не бывать этому! – поддержал его хор возмущенных голосов. – Он не участник нашей байги! Гнать его в шею!

– Трудное дело! – пробормотал Муйтан, обращаясь к Майке-бию, сидевшему рядом с ним, на возвышении у великой юрты. – По закону предков победить в байге может любой желающий...

– Но ведь мы же не хотим отдавать ему царевну, не правда ли? – улыбнулся ему в ответ старый уйсын.

– На все – воля богов, брат мой! – ответил Муйтан. – Волк покорился ему и следует за его конем как ручной щенок – а ведь с тех пор, как он попался в ловушку, устроенную моими охотниками, его не вывели из клетки – так он был свиреп! Четыре зимы он держал в ужасе наше кочевье. Он перерезал столько овец и был столь неуловим, что люди стали считать его оборотнем!

– А кто его знает – может он и есть оборотень... Небось оба одного роду племени, – криво ухмыльнулся Майка.

– Как бы там ни было, – а я хочу говорить с ним и знать о его помыслах не только с ваших слов, – отрезал Муйтан и, встав во весь рост, зычно прокричал, обращаясь к башкиру:

– Эй, егет! Приветствую тебя на своем кочевье!

– Долгих лет жизни тебе, Муйтан-бий! – откликнулся бурджан. – Позволь мне переночевать у твоих огней! Я и мои товарищи уехали отсюда, когда солнце было еще высоко, но по пути домой, на Урал, я отстал от них, чтобы поохотиться в степи на сайгаков – такого зверья у нас не водится! Так я и встретил этого священного волка, а он позвал меня за собой. Я пошел за ним и вот я снова здесь!

– Как? – оторопел Муйтан, – и ты ничего не знаешь о байге?

– А что – должна быть байга? – оживился северянин. – Ай-хай! Рано мы уехали! Но, может быть она еще не кончилась, и я успею принять в ней участие?

– Нет, воин, – усмехнулся старый бий, – байга уже закончилась.

– Вот незадача! – рассмеялся, нимало не огорчившись, молодой башкир. – Не везет – так не везет! Сайгака упустил, байгу прозевал. Одна удача – встретил вот этого зверя. – он кивнул головой на волка, улегшегося у ног его коня и преданно глядевшего на своего спасите-

ля. – Теперь у меня есть друг! Так позволишь ли ты мне, о, достославный, переночевать здесь? Или твои люди беспокоятся за своих овец?

– Ну что ты, конечно нет! – заулыбался Муйтан, незаметно делая знаки за спиной возмущенным биям. – Оставайся здесь, сын Урала, я окажу тебе свое гостеприимство, разумеется, если только твой серый друг не будет покидать пределов твоей юрты! Да, и поведай же нам скорее свое имя, отважный заклинатель волков!

– Алпар, сын батыра Караса благодарит тебя за радушие, Муйтан-бий! – воскликнул молодой башкир, легко соскакивая с коня.

– Как я и думал – он чист душой и телом! У него нет никаких корыстных и злобных замыслов! Вообразите себе – он сейчас преспокойно спит в юрте, которую я ему отвел для ночлега, а кок-буре сидит у порога и охраняет его сон! – заявил Муйтан биям, вновь собравшимся в великой юрте, хотя было уже далеко за полночь.

– А если он умело притворяется? – хмыкнул Майкы-бий. Этот широколицый старик с вечно смеющимися прищуренными глазами не верил никому – даже своим детям и женам, – так говорила о нем степная молва.

– Это подсыл, его направили иштэкские бии, дабы завладеть Каныкей! – прошипел негодующий Сыйла-бий. Но в спор вмешался Турумтай.

– Чтобы мы не думали, и что бы мы ни говорили об этом человеке – мы все равно не сможем проникнуть под своды его черепа и прочесть его мысли, не сможем, – даже если разорвем ему грудную клетку и вырвем сердце, – узнать чаяний его души. Если священный волк сам, добровольно покорился ему и признал своим хозяином, то быть может, он и есть настоящий победитель? Мое сердце подсказывает мне, что это так. И, все же, мы должны узнать волю богов! Только они могут сказать нам правду!

– Что мы должны делать? – спросил у него Муйтан.

– Немедленно зарежьте черную овцу! – ответил меркит и глаза его загорелись. – Я буду искать ответа у богов!...

– На лужайке у великой юрты, залитой мертвенным светом луны,

творилось шаманское действо. Холопы Муйтана сноровисто закололи овцу черной масти и начали свежевать ее под все нарастающий гул и звон бубнов, увешанных бубенчиками, в которые били разодетые в пестрые тряпки, увешанные амулетами, шаманы из свиты Турумтая. А сам меркитский царевич стоял, скрестив руки, и, сузив глаза, неотрывно наблюдал за действиями рабов и шаманов. И вот, наконец, туша была освежевана, и один из камов, завывая что-то на древнем языке, вертясь волчком и подпрыгивая, приблизился к овце и запустил свои длинные, тощие пальцы в ее разверстую дымящуюся утробу. Истошно закричав, шаман вырвал из овечьего брюха ворох окровавленных кишок и швырнул их на росистую траву, озаряемую светом костров. Трясаясь всем телом, которое враз покрылось испариной, шаман бился в магнетических конвульсиях и колотил в свой бубен окровавленными пальцами – все быстрее и быстрее. Вскоре он затих и лишь голова его дергалась в такт ударам бубнов шаманов-помощников и, – удивительное дело, – его собственный бубен продолжал гудеть, хотя он и выронил его из внезапно окоченевших рук. Казалось, какой-то дух или демон из потустороннего мира наявлялся на бубне колдовскую мелодию!

Наконец и голова кама, дернувшись, остановилась, глаза закатились, пена, пузырясь, потекла с прокушенных до крови губ. Шаман сидел будто одеревенелый и, казалось, корка льда покрывает его не подающее признаков жизни тело, сиявшее в равнодушном свете луны.

Транс продолжался долго, – но вот дыхание, наконец, с шумом вырвалось из оживших легких шамана. Тихо застонав, он опрокинулся навзничь. Его бил озноб. Неожиданно он вскочил и, трясясь, будто припадочный, начал вслепую водить трепещущими пальцами по остывшим кишкам. Хриплый лающий смех вырвался из его горла – зачерпнув потроха в пригоршню, шаман стал исступленно размазывать их по своим губам. А затем, резко вскинув руки, он подбросил их вверх и, выкрикнув что-то – упал, на этот раз окончательно потеряв сознание. Тут же помощники подбежали к нему и, осторожно положив на кошму, бесшумно удалились, унося его прочь.

Напряжение схлынуло с сердец биев, наблюдавших за действием и их вопрошительные взоры устремились на Турумтая. Глаза его блестели. Он поднялся во весь рост.

– Я не ошибся! Тенгри и духи Земли-Воды избрали этого человека победителем! Каныкей должна достаться ему!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВОЛК И ЛАНЬ

Небольшой, но крепкий конь неутомимо трусил по просторам Дешт-и-Кипчака, и каждое новое стрелище удаляло его от, уже выжженных наступающим летом, берегов Иргиза и приближало к зеленеющим лугам и синим вершинам Урала. Мимо пронесился монотонный пейзаж Мугоджарской гряды, холмы которой маячили на горизонте как немые стражи под ярко-синим небом, но одинокий всадник, бережно поддерживавший могучей рукой свою драгоценную ношу, казалось, совершенно не замечал уныния и однообразия, окружавшего его. Внимание путника было всецело захвачено той, кого он вез на луке своего седла, бережно завернув в покрывала, дабы уберечь от пыли и зноя.

Прекрасная же Канькей, столь удивительным образом доставшаяся Алпару крепко спала – перед тем как передать ее счастливчику, предусмотрительные кыпчаки опоили ее сонным зельем – во избежание недовольства, слез и криков, так часто сопровождающих перемены в горькой судьбе невольницы. Казалось бы, что может быть хуже самого полона, когда юная девушка оказывается вдали от родных и близких, от родного очага, реки, водами которой она была вспоена, – и попадает в руки жестоких и грубых чужаков? Но человек привыкает ко всему – даже к рабству, и невольник постепенно свыкается со своей долей, сживаетея с новым господином, порой даже привязывается к нему. И самым страшным для раба оказывается уже не сама неволя, а угроза передачи другому человеку – возможно, еще более холодному, жестокому и бездушному.

Но Алпара – бурджана нельзя было назвать холодным и бездушным...

Сыну Караса – батыра, нашедшего свою гибель в потаенных глинах колдовского озера добрый десяток лет назад, теперь уже минуло шестнадцать, но перенесенные невзгоды и лишения, неизбежно выпадающие на долю безотцовщины, наложили на него свою печать. Он был не по годам плечист, имел широкою выпуклую грудь, и в то же

время – поджарый, как у гончей, торс. Мощную загорелую шею венчала гордо посаженная голова в лихо сдвинутой набекрень хвостатой шапке. Под густыми черными бровями блестели живые карие глаза; и когда Алпар оглядывал свою добычу, в них вспыхивали огоньки восхищения. Иногда задорный ветер игриво срывал с лица спящей Каныкей покрывало и заставлял трепетать ее великолепные золотистые локоны, открывая лицо дивной, почти неземной красоты; и тогда сердце юноши готово было выскочить из груди. Душа его пела, сердце его ликовало. Вернуться со степного йыйына, на который он поехал с десятком других молодых бурджан из праздного любопытства, с такой царской добычей! Вернуться к матери, въехать на землю рода, подобно герою древней легенды с прекрасной царевной на луке седла и в сопровождении священного волка – Боскурта! Похоже, он и вправду отмечен богами!

Каныкей очнулась лишь на привале – распахнув свои прекрасные глаза, она удивленно оглядывалась вокруг. Высоко над ней, в черном небе, горели россыпи летних звезд, на лицо ее падали блики весело гудевшего костра. Слегка приподнявшись на локтях, девушка поняла, что на теле ее нет никаких пут. Она завертела головой, дабы сбросить остатки сонной одури и тут ее взгляд упал на удивительную группу, расположившуюся у костра. Юноша – смуглый, чернобровый, с колючими глазами и решительным лицом, облаченный в одежды лесных северных варваров-тюрков, неподвижно сидел у костра, обхватив ноги крепкими жилистыми руками, и задумчиво глядя на пламя. А у самых ног его непринужденно развалился огромный самец-волк; его серую с подпалинами шкуру уже тронул иней седины; желтые немигающие глаза хищника были так же устремлены на огонь – и отражения костра плясали в непроницаемой загадочной глубине его зрачков. Это было удивительно – волк совсем не боялся огня!

Все это настолько поразило девушку, что из груди ее помимо воли вырвался легкий, еле слышный вздох – человеческое ухо не уловило бы его, но волк тотчас насторожился. В мгновение, недоступное глазу, хищник оказался у ног напуганной царевны, и, тихонько рыча, разглядывал ее своими мудрыми, холодными глазами.

– Не трожь ее, Боскурт! – воскликнул юноша, вскакивая. Он говорил по-тюркски, но не так как кыпчаки; что-то в интонациях и произ-

ношении неуловимо напомнило Каныкей ее родной, хакасский язык.

Через миг уже юноша наклонился над кыргызской полонянкой. Убедившись, что девушка проснулась и с любопытством разглядывает его, Алпар широко и радостно улыбнулся.

– Не бойся, красавица! Ни я, ни Боскурт – мы не причиним тебе вреда!

– Кто ты, молодой батыр? – тихо спросила у него по-кыпчакски Каныкей.

– Алпар, сын Карас-батыра, из рода Боскурт, племени Бурджан! – гордо отвечал юноша, ударяя себя в грудь. – Твои бывшие хозяева почему-то объявили меня победителем байги, хотя я в ней даже и не участвовал и подарили мне тебя!

– Ты хочешь сказать, что теперь я – твоя собственность? – тихо осведомилась Каныкей.

– Выходит, что так! – пожал плечами Алпар, немного смутившись. – Хотя, если честно, я не совсем понимаю – как можно иметь в собственности человека? У меня есть мой собственный конь, есть собственные лук и сукмар... но собственного человека никогда не было!

– Это не важно! – простонала царица. – Ты быстро научись... владеть человеком! О, боги! Когда же закончатся мои мучения?

Девушка в отчаянии схватилась за голову и лишилась чувств, упав прямо на руки встревоженного Алпара...

...Придя в себя, Каныкей почувствовала, что ее новый хозяин настойчиво, но без грубости, пытается разжать ее стиснутые зубы и влить ей в рот немного кумыса из кожаной фляги – сабы, которую дали ему в дорогу кыпчаки. Царица не стала сопротивляться и позволила напоить себя. Утолив жажду, она откинула голову назад и взглянула на Алпара безучастным взглядом.

– Ты чего-нибудь хочешь от меня, господин мой? – холодно осведомилась она.

– Послушай меня, красавица! – Алпар говорил тихо. Но внутренняя сила, пробивавшаяся сквозь каждое его слово, заставляла Каныкей прислушаться.

– Я не господин тебе! Мой народ – башкорт, мое племя – бурджан, – не ведают рабства! Ты свободна, как и в день твоего появления на свет! Но ради Тенгри и богини Умай, ты должна довериться мне! Я не могу отпустить тебя на волю – здесь, в дикой степи, без коня, без воды и пищи ты погибнешь! Я отвезу тебя на Урал, к своему народу, и оттуда, если пожелаешь, ты сможешь вернуться на родину! Я не впра-

ве удерживать тебя у себя против твоей воли!

Легкая улыбка заиграла на вишневых губах Каныкей.

– Спасибо, батыр! За все время, проведенное мной в неволе, я ни разу, ни от кого не слышала таких благородных слов. И я была бы рада воспользоваться свободой, которую ты мне так великодушно даришь, но... видно судьба распорядилась по-иному и мне, наследнице славных кыргызских каганов, суждено жить на чужбине, в далеких западных горах! Теперь я связана с тобой невидимой нитью, – куда ты, туда и я! Так велели боги! Я никогда уже не смогу увидеть мою родину! Путь на восток отрезан, и в развалинах столицы моего отца пируют черные вороны и злобные воины Чингиза хлещут плетьюми мой бедный народ – хакасов. А все знатные роды – кыргызы, – либо истреблены, либо переселены на чужбину, либо насильно загнаны в войско проклятого Яучы! Каганата кыргызов больше нет, и значит отныне я – не царевна, а простая полонянка, такая же, как и сотни и тысячи других несчастных. И увы, – скоро их число увеличится! Увези же меня, отважный Алпар, в свои северные горы, увези подальше – может там, в краю древних Алпов я смогу найти убежище от алчных рук Чингиза и его проклятого шамана Кокэчу!

Каныкей разрыдалась, и, в порыве отчаяния бросилась на грудь ошеломленного Алпара, орошая ее своими горячими слезами.

– Конечно, я увезу тебя! – пробормотал юноша. – Но, ради Тенгри, объясни мне – о чем ты? И откуда, скажи на милость, ты знаешь о племени Алпов? Ведь они и вправду живут в далеких ущельях и затерянных долинах, к северу от наших кочевий! И кто таков Чингиз? Кто таков Кокэчу? Почему они охотятся за тобой? Кто они, эти монголы, разорившие твою страну? И как понимать твое предсказание о близящемся великом горе, о сонмах пленных и обездоленных?

– Я поведаю тебе обо всем, отважный Алпар! – отвечала Каныкей, смахивая слезы со своих прекрасных глаз. – И ты поймешь, какая опасность нависла над всеми землями Запада, и почему главари злобных монголов охотятся за мной!

Миновало уже несколько дней и выжженная кыпчакская степь снова зазеленела. Здесь, севернее, весна наступала позже, а поросшие лесом поймы могучей Агидели простекавшей с уже заметных на горизонте отрогов седых гор Алпов – древнего Урала, и озера, оставлен-

ные здесь усыхавшим век от века внутренним морем, – надежно защищали Башкортостан от южных знойных ветров и смерчей. Мугоджары кончились, незаметно перейдя в гряды холмов, которые, постоянно увеличиваясь в размерах, уходили к загадочному суровому северу, и темная громада исполина Урала теперь постоянно маячила перед глазами путников.

Переправившись через Джайык, путники, наконец, въехали в пределы Страны Башкортвов. Дешт-и-Кыпчак с его бескрайними степями, белыми шатрами кичливых биев и их многочисленными стадами, остался позади. Канькей, день ото дня отходившая от ужасов плена, стала воспринимать все, случившееся с ней, как дурной сон, растаявший без следа. На ее бледные щеки вновь вернулся румянец, изумрудные глаза лучились – похищенная царевна искренне верила, что все ее злоключения остались позади.

Рядом с ней был Алпар – всегда веселый, добродушный, с открытым сердцем, – и одновременно, – безрассудно смелый и надежный, как кремень. Очевидно, в его жилах и в правду текла волчья кровь – по меркам многих стран, лежащих на юге, он был варваром, – но в своем необузданном варварстве юноша был целен как монолит, прост и ясен – как трава, как ветер, как волк, неутомимо бежавший вслед за его конем. Он был неразделимо слит с природой, его окружавшей. И земля, небо, вода давали ему такую волю к жизни, перед которой меркли вся непомерная роскошь и беззастенчивое бесстыдство, которыми окружали себя «цивилизованные» люди.

А энергию свою, похоже, молодой башкир, черпал прямо от солнца, и ее было так много, что он щедро, весело излучал ее вокруг себя. И Канькей, невольно подпав под его обаяние, с каждым днем проникалась его неистощимым оптимизмом и бодростью, его верой в свои силы, его строгой, и в то же время – легкой, необременительной цельностью, и, не отдавая себе в том отчет – восхищалась им все больше и больше...

...Они ночевали под открытым звездным небом – ночи стояли ясные, теплые, – на вершинах холмов или на берегах безымянных речушек, и здесь, сидя у костра, и замороженно наблюдая за отблеском танца огненных саламандр в немигающих глазах Боскурта, Канькей рассказывала Алпару удивительные вещи...

... – Ты хотел знать, Алпар, – откуда у меня, жительницы Востока,

такие светлые, золотистые волосы и зеленые глаза? Откуда я, никогда не бывавшая на Урале, знаю легенды о таинственных Алпах, и какая связь между ними, нами кыргызами и монголами Чингиз-хана? Так слушай же, – молвила Каныкей.

– Это было очень давно – не сто, не пятьсот и даже не тысячу лет назад. Это было еще тогда, когда наш мир, созданный богами из небытия, был еще совсем юн, и в ту непостижимо далекую, загадочную эпоху происходили удивительные события. Это было время могучих богатырей-великанов, прекраснейших дев, грозных, могущественных владык, а также – эра злых чародеев и всевозможных чудовищ – выродков страшного бога-Змея, врага Света и отца Тьмы. В те страшные годы люди прозябали в невежестве и скитались по лесам, как дикие звери, гонимые лютыми ветрами. Они не ведали еще огня и железа, и были беспомощны перед властью грозных и лютых зверобогов и демонов Ночи. Нелюди всех возможных видов заплотняли землю – крылатые великаны-кровососы, козлоногие люди, женщины-птицы, исполинские обезьяны, – разные на вид, они были едины в одном – любили пожирать плоть сынов человеческих и пить их красную горячую кровь. Но хуже всех были любимые дети Старого Змея – змееголовые монстры, какхахи! Наделенные чудовищным, злым разумом какхахи были очень древним народом – гораздо древнее людей или каких-либо других дочеловеческих рас. Они обладали зловещими колдовскими знаниями. Они могли вызывать стихийные бедствия, насыпать порчу, убивать взглядом и жечь молнией! Какхахи поработили диких и беспомощных сынов человеческих и сонмами уводили их в неволю, в свои страшные замки и городища, сооруженные из кроваво-пурпурного камня! Какхахи приносили людей в жертву жутким тварям, которых они вызывали своим колдовством из бездн преисподней, резали их на куски, дабы изучить их плоть и кровь, и на их опыте лечить себе подобных. Дев они обрекали на медленную смерть в бесчисленных оргиях... Так длилось очень долго – но вот с небес спустились боги, похожие на людей, – светлые боги, посланцы великого Солнечного божества Уту! И они подняли человечество с колен, ибо узрели в людях, несмотря на их скотский облик, пусть слабую, но божественную искру. Они повели их на войну со Змеем. Они научили людей добывать огонь и открыли им секрет стали. И хотя боги улетели обратно, в свои заоблачные миры, но они оставили на земле свое могучее семя – из него простекло племя титанов – потомков небожителей и земных дев. Титаны разбили змееголовых и остатки их затаились по отдаленным уголкам мира, тая

в холодных сердцах черную злобу и надежду на месть. Титаны же воцарились на земле, став новыми господами. Они создали грозные могучие государства и положили начало первым царским династиям. Но время – неумолимо, и владычество титанов стало клониться к упадку. Они распались на враждующие кланы и, поддерживаемые различными племенами людей, стали сражаться между собой. Род титанов угасал век от века – их потомки истребляли друг друга в кровопролитных войнах, или, вырождаясь, мельчали, слабели и, погрязшие в роскоши, ничем более не отличались от обычных людей, кроме славы своего происхождения, однако и она со временем рассеивалась как дым... Но часть из них, узрев неминуемое падение своего рода, воспротивились неумолимой судьбе. «Наши праотцы явились с небес сжалившись над бедами людей и дали начало нашему племени, дабы мы неустанно помогали роду человеческому и вели его к вершинам разума и счастья, разя всякую нечисть. Но видно темные века, когда человек жил под властью Змея, не прошли даром. Человек стал коварен и подл, завистлив и льстив, алчен и раболепен. Привыкнув рабски подчиняться змеям, он и нас воспринял как своих новых господ и стал поклоняться нам, безудержно восхвалять, лизать нам ноги. Яд рабства, пропитавший человека, заразил и нас, и эта змеиная отравка медленно, но верно убивает всех нас. Скоро на земле не останется даже и памяти о нашем великом народе, и тогда Они – вернутся. Человек неблагодарен и завистлив – уже сейчас сыны человеческие не желают даже и слышать историю своего спасения от власти Тьмы и только кривят рты. Мы, призванные защищать человека от змеи, стали его заложниками.» – так говорили наиболее прозорливые из титанов. И они решили, что для спасения человека, им нужно быть от него как можно дальше. И они ушли в горы, которые спасли чистоту их крови и верность заветам божественных прародителей. От них-то и пошло племя могучих Алпов.

– Я видел Алпов! – не удержавшись, воскликнул Алпар. Глаза его сверкали. – Они живут в горах, в заповедных долинах. У них есть два колена – белокурое и черноволосое. Они на две-три головы выше обычных людей, и наделены исполинской силой. Они запросто могут вырвать из земли небольшое дерево! У них нет луков, лошадей и доспехов, а оружием им служат огромные мечи и секиры с луновидными лезвиями, кованными, как говорится в древних легендах, из стали, плавленной из тех камней, которыми бросается само Небо! Они дики и неустрашимы!

– И поэтому Уральские горы иногда называют горами Алпов, –

молвила Каныкей. – Черное колено, как ты его называешь, – это Кеме-ры, люди Кема, а белокурые – это Азы или Асиры, как их называли в глубокой древности. Алманы, которые живут далеко на западе, до сих пор считают асиров своими далекими предками и причисляют их к богам. Но они нечистокровные потомки азов, поскольку возникли от смешения асиров и ванов – рыжебородых силачей, с которыми белокурые потомки Алпов долгое время жили бок о бок на далеком севере. Позднее ваны ушли далеко на юг и осели в горах, окружавших великое озеро, которое с тех пор так и называется озером Ван. А большая часть асиров ушла на запад и лишь небольшая часть их до сих пор обитает на Урале и к востоку от него. А кровь черных Алпов – кеме-ров, – течет в жилах многих тюрков, в том числе и в твоих. Но мои-то предки как раз относились к белокурой ветви этого древнего исполинского народа. Итак, слушай же далее, о, Алпар!

Шли годы, перетекавшие в века, века складывались в тысячелетия и потомки титанов, продолжавшие жить на равнинах среди людей, настолько измельчали и выродились, что змеиное воинство вновь зашевелилось. Искусно принимая человеческий облик змеелюди проникали в города, захватывали в них влияние, становились у власти и повсюду насаждали веру в Отца-Змея. И глупые, неразумные люди, забыв о том, что их сотворили Уту и Тенгри по образу и подобию светлых богов-небожителей, поклонялись Владыке Тьмы и называли его своим Создателем. Хаос воцарился на земле. Брат шел войной на брата, отец соблазнял дочь, а мать продавала своего сына в рабство... В раззолоченных дворцах царил неслыханный разврат. По хитрому наущению змееголовых жрецов, прятавшихся под человеческими личинами, придворные – женщины и мужчины, – совокуплялись целыми скопищами, опьяненными вином и парами ядовитого лотоса. Мужчины – с себе подобными, женщины – со своими подругами, и те и другие – с малыми детьми, дряхлыми стариками, уродами, карликами, скотами всевозможных видов, а зачастую – с демонами, которых призывали какхахи из преисподней. И даже цари – потомки титанов, которым богами было завещано огнем и мечом очищать землю от змееголовых, окончательно одурев, предавались разгулу. А всеми делами в их государствах заправляли змеи. И повсюду лилась кровь невинных, приносимых в жертву на алтарях Старого Змея и демонов из его свиты.

И узрев все бесчинства, в которых погрязла земля, светлые боги содрогнулись от омерзения. Тогда разверзлась Небесная Твердь – Кок-Тенгри и страшный потоп обрушился на землю. В волнах потопа ис-

чезли целые царства. Большая часть потомков титанов погибла. И лишь одно могло радовать – мощь змееголовых была подорвана.

Только небольшая часть потомков титанов нашла спасение в неприютных, ледяных горах. Суровая дикая жизнь закалила их дух, очистила их древнюю кровь – и в ней вновь вспыхнули огнем едва тлевшие угли божественного происхождения. И тогда появился Конан – самый великий из богатырей, посещавших этот мир! Не зря монголы и турки до сих пор называют его именем норовистых, могучих жеребцов! Он спустился с ледяных гор – и вознесся на золотой трон. Он был рожден на невыделанных звериных шкурах, а к старости его тело кутали парча и дорогие меха. Но парче и золоту он предпочитал сталь меча и кольчуги. Слишком гордый, чтобы стареть и слишком великий, чтобы умереть, Конан оставил свой престол и отправился в свое последнее путешествие, в конце которого боги спустили ему алмазную дугу, по которой он и взошел на небо. Говорят, именно из этой самой алмазной дуги впоследствии и был выкован заветный меч Урал-батыра...

– Меч! – Алпар вспыхнул как костер, в который вылили целый кувшин масла. Он вскочил на ноги – глаза его полыхали как угли, и Каныкей с изумлением отметила, что его зрачки светятся тем же огнем, что и желтые глаза волка.

– Меч Урала! Что ты знаешь о нем?

– Я знаю лишь, что этот меч сжимали руки самого достойнейшего из потомков Конана и его предков – титанов-Алпов, – чуть помедлив, ответила Каныкей. – Урал-батыр родился в темные века, когда мир был ввергнут в новый хаос. Разрушены были древние государства, люди забыли, что такое сталь и на пепелищах некогда богатых городов ютились жалкие племена дикарей. Человечество было отброшено назад и тогда снова подняли голову всякие демонические отродья. Урал-батыр сражался с ними до конца и умер, сжимая в руках свой алмазный меч. Жаль, что его похитили нелюди. Ведь они боятся его как огня и знают – если меч попадет в руки батыра из человеческого рода – им придет конец.

– Он придет... Он обязательно им придет... – сузив глаза проговорил Алпар, но так тихо, что Каныкей не обратила на его слова внимания и продолжила свой рассказ.

– Твое племя, Алпар, восходит к алпам-кемерам, а твой народ – башкорты – ведет свое происхождение прямо от Урал-батыра. Но мой народ – кыргызы – имеет свою историю, несмотря на то, что в наших жилах течет кровь одних и тех же далеких предков – Алпов.

Одна из древнейших ветвей Алпов правила некогда Великой Степью, но когда на ее просторы с далекого востока хлынули племена, ведущие свое происхождение с материка, погибшего в океане, гиганты отступили и скрылись в древних горах Урала, которые в те времена назывались Рипами. Но некоторые из них остались и перемешались с народом ашинов – они были первыми, кто пришел в степь и оседлал коня, не выдавшего до тех пор седла, стремени и удил. От смешанных браков ашинов и алпов и пошло племя грозных женщин-воительниц. Шли века, возносились грозные, блистательные царства и рушились в одночасье под натиском орд жадных завоевателей... А в потаенной долине, затерявшейся в самом сердце Великой Степи, между выжженной пустыней и горным хребтом, жили своей особой жизнью амазонки – девы-воительницы. Они держали в страхе все окрестные племена и те почитали их как богинь.

В один прекрасный день, из долины амазонок в долгий путь на запад отправился отряд юных дев. Они жаждали подвигов и приключений и страстно желали узреть своими глазами чудеса мира. Долг был их путь и опасен; он был исполнен тревог, лишений и разочарований. В королевствах Запада женщинам-воинам не было места, и везде, куда бы они не пришли, их встречали враждебные взгляды. Мужчины, ожиревшие от своей власти и сытой, безмятежной жизни, не могли простить каким-то бабам, пришедшим невесть откуда, того, что у них есть сила, гордость и воля, – то, чего так не хватало им самим. И тогда амазонки ушли на север и лишь там, среди ледяных пустошей, где жили другие отпрыски алпов – златокудрые асиры, – нашли эти девы почет и уважение. Север уважал силу и отвагу – а девы обладали ими в полной мере, и еще они были так похожи на асиров – у них были такие же золотистые или огненные волосы, голубые и зеленые глаза, белая как снег кожа! Асиры называли их валькириями – девами войны и верили, что они происходят от богов. Валькирии осели в стране азов, но ненадолго – суровые, мрачные зимы были не по душе амазонкам, привыкшим жить в своей долине, цветущей круглый год. И они начали совершать набеги на земли юга. И везде, где бы они не появились, – воцарялись паника и ужас. Но коварство и черное колдовство, столь любимые южанами, все же погубили гордых воительниц. Во время одного из походов валькирии оказались запертыми в ловушке и враги, превосходившие их по числу, с большим трудом, с огромными потерями, но все же смогли перебить грозных женщин. Только их предводительница, – а она была младшей дочерью самой королевы амазонок, – выр-

валась из кольца врагов, и, нещадно погоняя жеребца, оторвалась от преследования. Она скакала долго – пока конь ее не пал замертво, и она упала рядом с ним без чувств – полумертвая, окровавленная, – одна в диком лесу. На счастье ее встретил молодой охотник – славный и храбрый юноша, обитатель тех мест. Почти неземная краса девы покорила его сердце, а ее страдания повергли его в жалость. И тогда он на руках вынес амазонку к своему жилью и выходил ее. А затем между ними вспыхнула любовь – королева валькирий была благодарна своему спасителю, а кроме того она сразу поняла, что этот человек достоин ее объятий – ибо был он горд, смел и умел держать в руках меч. Молодой витязь предложил ей свою руку и сердце, но дева отвергла его предложение, – хотя ей было тяжело это сделать. Но амазонки никогда не выходили замуж – таков был негласный закон. Да в общем и сама любовь к мужчине в царстве амазонок не поощрялась – ведь в потаенной долине представители сильного пола влачили жалкую участь рабов – только в качестве их они могли пребывать рядом с гордыми девами! Но сердцу не прикажешь!

Меж тем сладкие мгновения любви незаметно перетекали в дни, дни – в седмицы, седмицы – в луны. Молодая пара жила безмятежно в небольшом поселке, вдали от людных городов и оживленных караванных путей. Но в сердце амазонки жила мечта о родине – многие годы она не видела дома, и теперь хотела вернуться назад – кто знает, – может быть она чувствовала, что мать ее – королева, – уже лежит на смертном одре и престол Долины пустует? Но рядом был любимый, с которым ей было трудно расстаться, а кроме того... Кроме того, не могла же она пуститься в путь, когда под сердцем ее уже билась новая жизнь?

Известие о беременности вызвало бурную радость юноши, однако сама валькирия становилась грустнее день от дня. Наконец она поведала ему о своих намерениях:

«Милый мой! Как только я произведу на свет дитя, я тут же отправлюсь в путь. Тяжелое предчувствие гнетет меня с давних пор. Вчера я видела сон – моя королева-мать, иссохнув от тоски по потерянной дочери, умерла и тело ее сожгли на погребальном костре. И не успел еще остыть ее царственный пепел, как в королевстве началась грызня – многие желают занять престол Амазонок! Мой долг возвратиться на родину – странствия мои слишком затянулись и кончились не очень весело. Лишь одно утешает меня – встреча с тобой и дитя, которое я ношу под сердцем. Но и в этом мне нет покоя, любимый! Ибо если родится мальчик, я буду вынуждена расстаться с ним – мужчине нет

места в моей стране! Обещай мне, что будешь заботиться о моем сыне и вырастишь из него настоящего воина! Ибо, если родится дочь – я позабочусь о ней сама! Она отправится со мной, в путешествие на восток! Ее ждет великое будущее – будущее наследницы престола...»

И молодые люди пришли к соглашению – мальчик должен был остаться с отцом, а девочка – уехать с матерью. Оставалось лишь ждать – как распорядится судьба.

И настал день – валькирия разрешилась от бремени. Роды были очень тяжелыми, но амазонка не издала ни единого звука. И когда ребенок все же появился на свет, мать его лежала без чувств. Отец принял роды и взял на руки свое дитя. Оно оказалось девочкой – чудным маленьким существом с огненными волосами и зелеными глазами. Появившись на свет это прелестное дитя издало жуткий боевой клич, от которого кровь леденела в жилах и вцепилась ручонками в бороду отца, из которой вырвала изрядный клоч. Отец понял, что на свет появилась великая воительница. Она была так прекрасна и так сильно похожа на свою мать, что молодой человек понял – он не сможет расстаться с дочерью. И тогда он пустился на хитрость.

Когда амазонка пришла в себя и попросила показать ей ребенка, молодой воин подал ей мальчика, рожденного женщиной из соседнего дома в ту же самую ночь. Гордая дева оттолкнула ребенка от себя и отвернувшись, заявила, что не желает его знать. И едва оправившись от родов, валькирия оседлала коня, и распрощалась со своим возлюбленным навсегда. Теперь она считала себя полностью свободной – и, подавляя в себе мысли о любимом человеке, полностью предалась мечте о возвращении на родину.

Но ее надеждам не суждено было сбыться – злобные враги выследили ее, едва она очутилась в цивилизованных землях – и убили ее, – подло, предательски, во сне. Когда весть об этом достигла ушей молодого витязя, то он возблагодарил богов, что они надумили его оставить девочку у себя, – ведь в противном случае, ее бы тоже убили – настолько силен был страх перед племенем амазонок!

И отец глядел на свою подрастающую дочь и вспоминал погибшую возлюбленную. Он назвал девочку Карелой...

Прошли годы... Карела выросла и превратилась в прекрасную девушку. Многие мужчины заглядывались на нее уже в то время, когда она была еще девочкой-подростком. Но стоило любому из них познакомиться поближе с юной чаровницей, как все они очень быстро убежились, что под прелестной, соблазнительной оболочкой кроется су-

щая дьяволица. Она в полной мере унаследовала тяжелый нрав и неумную гордость своей матери-амазонки. Но до поры до времени она не ведала, даже и не подозревала о том, что также унаследовала от своего отца большое страстное сердце, способное пламенно любить – любить до погребального костра...

Когда Кареле исполнилось пятнадцать, умер ее отец. Теперь ее окружали чужие, злобные люди, – и если самые «безобидные» из них всего лишь домогались ее прекрасного тела, то были и такие, которые желали поработить и ее душу. Судьба забросила девушку-сироту на чужбину, и в диких горах с ней случилось чудо: грозная богиня – покровительница женщин-воинов осенила ее своим небесным пламенем, сделав своей избранницей на земле. И теперь ее гордыня поистине не ведала пределов. Отныне Карела стала называть себя не иначе как Рыжим Ястребом.

В выжженных зноем степях встретила она шайку разбойников и скоро возглавила их – и слава о кровавых деяниях Рыжего Ястреба прокатилась далеко. Карела купалась в лучах славы – она была сильна, горда, умна и хитра как демон, могущественна как богиня – казалось бы, как ни одна другая женщина. Но повстречался ей на пути бродяга-варвар из северных стран – синеглазый, бесшабашный гуляка и грозный богатырь. Это и был Конан, ибо боги распорядились так, что Карела родилась в ту же эпоху, что и он. И рухнула крепостная стена, и женщина-воин, гордая как дьявол, которая могла уложить на месте десяток отъявленных головорезов, вдруг ощутила свою слабость. Оказывается, она была всего лишь женщиной – но разве дано было ей понять, в чем заключается женское счастье? Она боролась против своей любви всеми силами души. Неоднократно она пыталась убить варвара, ибо не ведала, что творила – но северянин с легкостью выпутывался из всех ловушек. И тогда она, устыдившись своей слабости, бежала прочь, без оглядки, боясь признаться себе в том, что ради Конана готова даже на смерть.

Она скиталась по разным странам, верховодила самыми отъявленными негодьями, немало мужчин делили с ней ложе – люди в то далекое время не любили отягощать себя условностями. Но в душе ее продолжал жить образ Конана – и вот судьба наконец-то свела их вновь. Он как раз вернулся с севера, из края древних Рипейских гор. В то далекое время эти горы, к которым мы сейчас держим путь, были выше и неприступнее, и волны большого моря плескались о его гранитные утесы...

– О каком море ты говоришь, красавица? – со смехом воскликнул

Алпар. – Море лежит далеко на юге, и чтобы до него добраться, надо провести в пути немало дней и ночей. Море у нас, на Урале? В это нельзя поверить!

– А ты вспомни, – продолжила Канькей, все так же невозмутимо, – не находили ли люди вашего рода белые от времени раковины морских бесхребетных животных или кости огромных рыб?

– Было дело, – кивнул Алпар, немного подумав, – но старики говорили, что это остатки рыб от того времени, когда дэвы устроили здесь потоп, который осушил Урал-батыр.

– Ага, значит в потоп ты все-таки веришь! – торжествующе воскликнула царевна. – Поэтому все же согласишься со мной – когда-то горы Алпов омывались водами внутреннего моря. И по ним, спасаясь от врагов, Конан и приплыл в страну Рипейских гор. Там он вступил в схватку со змееголовым выродком, который мечтал повернуть время вспять. Почти на самом краю земли Конан одолел грозную праматерь всех змеев, вступил в дружбу с небожителями и оставил свое могучее семя, от которого впоследствии и родился великий Урал-батыр.

Возвращаясь на юг Конан столкнулся с Карелой, которую он не видел больше десяти лет. Между ними вновь вспыхнула любовь, но длилась она недолго – увы! Двум орлам было тесно в одном гнезде! Конана соблазнила прекрасная и ветреная царица небольшой южной страны – сама память о ней и название государства давно стерлись из людской памяти, но в свое время это был цветущий оазис в сердце выжженных песков. И северянин вступил с царицей в связь, не взирая на страдания Карелы. Но гордый Рыжий Ястреб не мог стерпеть такого унижения. И тогда ей повстречался сын степей – голова его поседела раньше времени от перенесенных испытаний и поэтому его называли Седым Волком. Карела покинула Конана и, затаив свою боль, пересекла великое внутреннее море и вместе с Седым Волком стала править народом степей. Седой Волк стал каганом – люди называли его Борте-Чино. А его прекрасную и гордую жену – Карелу, степняки прозвали Прекрасной Ланью – Гоа-Марал.

Карела родила Серому Волку первенца, которого нарекли именем Бату-Чиган, но через год, когда у нее родилась девочка, Гоа-Марал взяла ее с собой и бросила своего царственного супруга, скрывшись в бескрайних степях. Она подчинялась зову своего сердца и сердце привело ее на родину предков – в Долину Амазонок. Девы-воительницы узнали в Гоа-Марал дочь давно исчезнувшей правительницы. Так Карела Рыжий Ястреб стала царицей...

Прошли сотни и тысячи лет – много тысячелетий. Светлокудрые потомки Бату-Чигана стали называться богами или моголами. Со временем в памяти людей стерлись имена былых царств, героев и богов и предания стариков о чудесных древних временах стали восприниматься как небылицы. И лишь в названии реки Керулен сохранился намек на имя Карелы – грозной и великой амазонки. А монголы до сих пор чтят память о своих божественных прародителях – седом волке Бортэ-Чиино и Прекрасной Лани – Гоа-Марал...

– Да, но причем здесь кыргызы? – в недоумении спросил Алпар. – И причем здесь ты?

– С течением времени иссякла вода в долине Амазонок. Плодоносящие рощи и сады выжгло беспощадное солнце и страну начал заносить песок. Девы-воительницы потеряли свою древнюю родину и вынуждены были скитаться по степям как бесприютные бродяги. Многие из них тогда были вынуждены примкнуть к мужчинам степных племен. Но даже рядом с мужчинами они не сразу утратили свой боевой дух – и еще на протяжении многих веков потомки грозных амазонок сражались бок обок со своими мужьями. Сакская царица Томирис, засунувшая голову ненасытного Кира в бурдюк с кровью, была из их рода. А последняя царица амазонок, говорят, ездила на свидание к Искандеру Двурогому, когда он стоял со своими войсками в разоренной столице персов.

А народ кыргызов образовался от того, что однажды, на берегу великого озера Иссык-Куль, сорок юношей-кочевников встретили сорок прекрасных светлокудрых дев, которые беззаботно плескались в воде, подобно белым лебедям. Хитроумные юнцы спрятали их одежды и девы, дабы избежать позора были вынуждены принять их условия и вышли замуж за степных удалцов. И народ, возникший от брака юношей из племени хакас и дев из рода амазонок, стал называться кырыккыз – то есть кыргыз.

– Сорок девушек! Ну конечно! – воскликнул Алпар. В черных глазах его плясали огоньки пламени, и было в них еще что-то необычное, особенное. Он, сам того не замечая, не отводил горящего взора от Каныкей и девушка, потупившись, неожиданно зарделась. Или это отсвет пламени лег на ее прекрасное лицо?

– Темучин, назвавшийся Чингиз-ханом в честь великого внутреннего моря Тенгиз, из-за которого в незапамятные времена приплыли его прародители, знает о том, что я – последний, прямой потомок славной Гоа-Марал. Бесноватый шаман Кокэчу, называющий себя Теб-Тенгри, то есть толкователь небесной воли, возомнил себя великим

кудесником и собирается провести обряд взывания к духам Бортэ-Чино и Гоа-Марал. Для этого он требует, чтобы моя кровь пролилась на жертвенный камень.

– Тебя хотят принести в жертву? – лицо Алпара вспыхнуло гневом.

– О нет, что ты! – усмехнулась Каныкей. – Ведь тогда моих убийц настигнет гнев Гоа-Марал. Им будет достаточно одной капли моей крови. Моя кровь будет смешана с кровью Чингиз-хана, и тогда духи Бортэ-Чино и Гоа-Марал восстанут из тьмы веков. Им будут принесены грандиозные жертвы и тогда, возможно, они даруют Чингизу то, о чем он так давно мечтает.

– И о чем же он мечтает?

– О власти! О власти над всем подлунным миром! Он желает дойти не только до внутреннего моря Тенгиз, но и до Последнего Моря – Моря Запада. А бесноватый, но дьявольски умный Кокэчу подбивает его идти еще дальше – плыть на запад, к берегам никем не виданного, таинственного материка, куда отправился Конан в последние годы своих земных странствий. Немногие в нашем мире знают о существовании этой земли – только горстка избранных жрецов – именно они научили меня древним знаниям. Кокэчу в молодости обучался секретам мироздания у древней касты мудрецов, но его изгнали за дерзость и властолюбие, поэтому его оккультные знания отрывочны и беспорядочны – но их хватило, чтобы вскружить голову Темучину. И теперь Чингиз не знает – плыть ему к таинственной земле от берегов Запада или же с Востока, минуя далекий остров Сипан...

– Опять ты толкуешь о странных вещах! – Алпар недовольно потрянул головой, будто пытаясь стряхнуть с себя оцепенение. – Как можно достичь земли, лежащей на западе, плывя на восток ?

– О, Алпар, но ведь наш мир – это огромная сфера! Когда маленький жучок ползет по огромному хрустальному шару, ему кажется, что он преодолевает необъятную равнину, которой нет конца и края. То же происходит и с людьми. Далеко отсюда, в заснеженном Тибете в таинственной Шамбале, где я обучалась оккультным знаниям, мудрые наставники показали мне карту нашего мира, вытисненную на поверхности огромного бронзового шара. Только там знают, что если долго плыть на запад, то можно приплыть на восток...

– На все есть воля Тенгри, – пробормотал Алпар, и было не понятно – удовлетворился он подобным объяснением или же остался при своем мнении. – Скажу лишь одно – никогда я еще не встречал такой умной женщины!

– Девушки, Алпар, – мягко поправила его Каныкей и вновь вспыхнула как утренняя заря.

– Мой бывший господин берег меня как зеницу ока и поэтому я до сих пор девственна, хотя, похоже на то, что люди Чингиза, которые охотятся за мной, не придают этому значения. А зря...

Каныкей усмехнулась и в ее зеленых глазах полыхнули бесовские искры. – Безумцы! Разве ведомы недоучке Кокэчу истинные тайны древних колдовских искусств? Для ритуала им нужна кровь девственницы! Кровь женщины, познавшей мужчину будет им совершенно бесполезна! Но они и не догадываются об этом. Глупцы!

Каныкей рассмеялась – будто тысячи хрустальных колокольчиков зазвенели в ушах Алпара. Кровь вскипела в его жилах – его трясло как в лихорадке. Язык прилип к небу, спина взмокла и будто во сне он наблюдал за кыргызской царевной.

А Каныкей медленно, очень медленно поднялась во весь рост – на ее пунцовых губах блуждала загадочная улыбка, полная грудь часто, взволнованно вздымалась. Белые округлые руки метнулись к горлу – и в следующее мгновение, застывшее в горячем воздухе, как зарница перед раскатом грома, – в росистую траву, блеснув на прощание, упала алмазная застежка, а вслед ей, прошелестев прохладным шелком, к ногам легло платье...

Каныкей стояла перед Алпаром, – нагая, прекрасная как богиня и ее тело светилось словно статуя, изваянная из слоновой кости. Ветер, налетевший из степи растрепал ее золотистые локоны и они разлетелись по сахарным плечам, волнуясь как морские волны, легли на великолепные чаши ее небольших, крепких грудей, украшенных драгоценными агатами алых, затвердевших от проснувшегося желания сосков. На тонкой гибкой талии, волнуя и маня еще больше, поблескивал пояс из золотых звеньев, оттеняя мраморные округлости бедер и таинственный полумрак лона. Изящные полукружья икр, сводящие с ума своей притягательной силой, шевельнулись – и Алпару, в голове которого с каждым мгновением все сильнее стучала взбудораженная кровь, показалось, что сама богиня Умай идет к нему, едва касаясь земли изящными маленькими ступнями.

– Не быть Чингиз-хану владыкой мира! – воскликнула Каныкей, вплотную подходя к юноше и обвивая его могучую шею белоснежными руками. – Ты – мой волк, а я – твоя прекрасная лань... – проговорила она чуть тише. В следующий миг Алпар сжал ее нежное тело в жарких объятиях. Их пламенеющие уста слились...

ГЛАВА ПЯТАЯ

КОЛОДЕЦ СУДЬБЫ

Знойный ветер не ведал жалости – он дул без устали, завывая, будто жестокий и неутомимый дух пустыни, швырялся в воспаленное, покрытое кровоподтеками лицо сотнями раскаленных игл-песчинок. О, боги! Песок был повсюду. Сотни батманов давили ему на грудь, на плечи, наваливались, вгрызались в его почти захороненное тело, а сверху – бушевала песчаная буря, обдувая его несчастную голову – единственное, что оставалось снаружи. Но зыбучая пустыня свое дело знала – и с каждым мигом шея и голова его медленно, но верно – тонули в песчаной бездне...

«– Скорее бы уж!», – мелькнуло в изможденном, измученном, иссушенном мозгу. Распухший язык, забывший о влаге, перекатился в воспаленном рту, с трудом вывалился меж посеребривших губ и прошелся по ним, – все равно, что наждак по лезвию меча...

Его схватили утром...

...Голодная Степь – одно из самых гиблых мест в мире. Необозримые пространства заполняет однообразное уныние белых солончаков, да барханы зыбучих песков. Некоторые из них порой возвышаются как горные пики – и неведомо что они скрывают под своей равнодушной толщей. Да и была ли вообще здесь когда-нибудь жизнь?

Черноликие налетчики вылетели из-за такого холма – тепе, как называют их хорезмийцы, – и застали его врасплох – шатающегося как последний пропойца, истощенного бессонницей, голодом, жаждой и невероятной, многодневной усталостью. Сотни, тысячи стрелищ пролегли на его скорбном пути от родных уральских урочищ – и вот его погоня оборвалась здесь – в Голодной Степи, – горько, неожиданно и бесславно...

Все промчалось и исчезло как сон – долгая дорога на Родину и возвращение к своему народу, к согбенной матери – Сурабике, которая не скрывала слез радости и гордости за сына, который не только вернулся целым и невредимым из далекого странствия, но и привез прекрасную невесту... Прошла неделя, не больше. Алпар с матерью и аныкей и еще несколько семейств из его рода откочевали почти к самым истокам Агидели и разбили яйляу у отрогов величественной горы Иремель. И дернули же нечистые духи его отправиться на охоту! Один день и одну ночь в одиночку бродил он по лесам у подножия Иремели, неустанно выслеживая почти легендарную серебряную кунцу. И он добыл чудо-зверя! Добыл, и пустился в обратный путь, чтобы поскорее преподнести возлюбленной свой дар...

...Острый запах гари и тяжелый аромат крови и гниющей человеческой плоти, втопанной в раскисшую, изрытую безжалостными копытами вражеских лошадей землю, били в голову очумевшего от горя юноши. Как безумный стоял он над трупом матери, рот которой застыл в предсмертном крике, не в силах отвести глаз от кровавой полосы, пролегшей от левого уха до правого плеча... С трудом он перевел взгляд на еле вздрагивающее окровавленное тело Боскурта, зубы которого так и не разомкнулись, намертво впившись в глотку побелевшего от жуткого предсмертного страха налетчика в кипчакской одежде. С ненавистью отпихнув труп в сторону, Алпар опустился на колени перед телом друга. Волк, судя по всему, издыхал, но сердце его еще продолжало судорожно колотиться под истерзанной шкурой.

– Эх, ты... – с легкой укоризной шепнул ему юноша, – а ведь я оставил тебя стеречь мой дом... моих мать и жену... Прости меня, друг! И должен бы я тебя выходить, с руки тебя поить, но мне надо спешить. Я должен догнать их!!!

Крик Алпара перешел в почти звериный вой и оборвался, уносясь к равнодушному небу, молча взиравшему на кровавый погром – все, что осталось от цветущего джайляу после визита неожиданных гостей с юга... Из последних сил Боскурт поднял тяжелую косматую голову и лизнул руку обезумевшего от горя друга, пытаясь как-то ободрить его...

...Алпар натер раны Боскурта куньим жиром и кашицей, приготовленной из целебных трав, оставил ему большой запас воды и, предав земле тела своей матери и родичей, отправился в дальний путь – за украденной Каныкей...

...Никогда ему не забыть жирной рожи проклятого еланца Сыйла-бия! Когда его, Алпара, – избитого, окровавленного, – налетчики приволокли и бросили к его ногам, толстяк тоненько и довольно хихикнув, слегка ткнул его – прямо в разбитое лицо, – загнутым носком своего узорчатого сафьянового сапога.

– Хе-хе, – осклабился еланец. – На ловца и зверь бежит! Долго же ты шел по нашим следам! Уж так хотел встретиться со мной, уж так хотел! Только не обессудь, дорогой кунак – кумыса я тебе не дам, – пустыня все-таки! Приберегу его для певчей птички, которая очень скоро будет уже в Мавераннахре! Не дело златоперому соловью петь в северных пустошах для волков, медведей и лосей!

Негодующее рычание вырвалось из груди Алпара и взгляд, – исполненный такой лютой ненависти, что казалось, еще чуть-чуть – и волна раскаленного воздуха обдаст самодовольную физиономию мерзавца-бия – и жир закипит на ней, плавясь, будто на сковороде. Этот взгляд стоил Алпару хлесткого удара камчи – наискось, по правой щеке, на которой тут же вздулась багровая полоса.

– Так-то, парень, – удовлетворенно произнес еланец, поигрывая камчой. – Мы теперь – люди пресветлого хорезмшаха Мухаммеда и охраняем северные рубежи его достойного государства. А ты, иштэк, – вторгся в пределы великого Хорезма и будешь наказан за это.

– А кто накажет вас, вторгшихся в Страну Башкортгов – подло, предательски? Кто покарает грабителей, умыкнувших мою невесту и убивших мою мать?

– Во всяком случае ты, парень, уже никого в этой жизни не покараешь, – криво усмехнулся Сыйла-бий. – Считай, что ты уже покойник. Если бы здесь был убитый тобою Кара-Кузгун, – ты бы умер страшной смертью, в холодных объятьях змей, которых ты так не любишь. Но поскольку его нет с нами, то я предоставляю право выбрать способ твоей казни нашему глубокоуважаемому Махмуду из Алмалыка. Ведь благодаря ему я и мои люди приняты в пограничную охрану Хорезма.

– Много болтаешь, бий! – резкий, холодный голос звучал негромко, но тем не менее заставил умолкнуть кичливого еланца – толстяк весь как-то съежился и втянул свою круглую кошачью голову в рыхлые бабьи плечи.

Невысокий, средних лет чернобородый мужчина, одетый в черный мавераннахрский халат, с головой, повязанной для защиты от ветра

шелковым платком, не спеша подошел к бию со спины. Холодные серые глаза изучающе рассматривали истерзанного Алпара – так глядят на редкостного зверя, загнанного в ловчую яму.

– Воистину, прав был Ибн-Фадлан, сказавший, что башкорты – самые свирепые из всех тюрков, – пробормотал он вполголоса.

– Господин Махмуд, – что будем делать с этим дерьмом? – услужливо обратился к нему еланец. Странно было видеть, как надменный степной феодал, владеец тысяч голов скота и сотен холопов, пресмыкается перед никому не ведомым хорезмийским купчишкой. Но в глазах и в голосе купца Махмуда было что-то такое, от чего мороз зябко покалывал по коже...

– Будь он дерьмом, – я поступил бы с ним так, как поступают с нечистотами – вырыл бы яму поглубже, и зарыл, чтобы не воняло, – помедлив, проговорил Махмуд, – но поскольку мне не кажется, что этот башкорт – дерьмо, – поступите с ним как с человеком – голову оставьте на поверхности, чтобы он мог дышать.

– Воистину, мудрости твоей нет предела, о, достославный Махмуд! – воскликнул еланец. Подобие улыбки тронуло тонкие губы алмалыкца.

– В моем родном Туркестане так поступают с самыми лютыми и опасными врагами. И я считаю, что это достойно их. В древнем Руме, например, головы зарытых в землю косили железной самодвижущейся косой на потеху праздной черни. Это наверное, напоминало сбор арбузов – их особенно много родится под городом Таразом... Забавно! – Махмуд рассмеялся и, потеряв всякий интерес к пленнику, повернулся к нему спиной и зашагал к юрте, стоявшей поодаль. Алпар скрипнул зубами – каждой клеточкой своей измученной кожи он чувствовал, что Каныкей там – совсем рядом!

...После того как проворные еланцы – по уверению Сыйла-бия, ставшие наемными воинами хорезмшаха, – врыли Алпара по шею в раскаленный песок, – Сыйла-бий и Махмуд из Алмалыка, которые, судя по всему, возглавляли отряд грабителей, прикрывавшихся званием пограничников, – долго еще не сворачивали лагерь. Мимо Алпара, совершенно не обращая на него внимания, туда и сюда сновали воины... А один раз ему почудились в завывании ветра звуки женского плача...

– Каныкей! – хотел было закричать он, но голоса не было...

Солнце уже садилось, и пустыню постепенно охватывала ночная стужа, когда из шатра вновь вышли Махмуд и Сыйла-бий. Остановившись в полусотне шагов от обреченного на смерть, негодяи вели ожив-

ленную беседу. До чуткого уха Алпара доносились обрывки их разговора:

– Турумтай повел свое войско на восток...

– Ничего... Великий каган узнает об этом раньше, чем копыта меркитских коней ступят на перевалы Тарбагатай... И тогда воины Чингиза двинутся на запад...

Воистину, странные речи вели люди, называвшие себя преданными слугами хорезмшаха Мухаммеда!

Вяло подивившись этому, Алпар наконец впал в спасительное забытие. А когда очнулся – его окружала черная мгла, напоенная ледяным, пронизывающим ветром и гробовым молчанием. Отряд Махмуда и Сыйла-бия снялся с места и ушел. Ушел, увозя с собой Каныккой...

Сколько времени прошло с тех пор? Он осознавал лишь, что минула ледяная ночь, когда его волосы сковал иней... Утро выкатило на горизонт белое солнце и его голова покрылась испариной; он пытался слизать стекающую по губам влагу – но у нее был горький вкус пота и крови...

А затем наступило страшное – барханы надвинулись на него со всех сторон – песок наступал неумолимо – и глаза его наконец погрузились во тьму...

Но Алпар не умер, задохнувшись в песке – вопреки всему. Неожиданно очнувшись, он ощутил, что грудь его дышит в полную силу и на нее не давит более огромная тяжесть. Казалось, он находился в темном, узком склепе – но как бы там ни было, он был жив!

Постепенно он стал осознавать происходящее. Ему повезло, повезло невероятно! На самом деле не песок засосал его в свою ненасытную утробу, – а он сам, вместе с его толщей провалился в какое-то неведомое подземелье... Пустыня – капризна, и, порой, огромные массы песка начинают двигаться, образуя огромные холмы или наоборот – проваливаются внутрь, в таинственные темные бездны, скрывающиеся в глубинах земли.

Однако в тот же момент Алпар осознал, что путь вверх – отрезан. Песок провалился вместе с ним в подземелье, но новые его массы за-

полнили провал и занесли его наглухо. Впрочем, воздух каким-то образом наступал сюда – а стало быть... Стало быть есть надежда выбраться отсюда! Как бы там ни было – Алпар не унывал...

...Когда глаза его немного привыкли к темноте, он сделал осторожную попытку продвинуться вперед. Вытянув руки, он потихоньку поднялся – как выяснилось, он лежал на каменном полу, мощеном плитами – если бы не песок, узником которого он был, и капризу которого он оказался обязан своему освобождению, – при падении ему бы неминуемо переломало все кости. Но опять таки, проклятый песок спас его еще раз, смягчив падение не хуже пуховой перины. Впрочем, Алпар не стал пускаться в рассуждения по поводу превратностей судьбы. Жив – и хвала Тенгри! Страхнув с себя изрядно поднадоевший прах пустыни, он встал и довольно уверенно двинулся вперед, сетуя лишь на отсутствие огня.

Все его попытки взобраться наверх по каменным стенам, и, каким-то образом пробиться к свету, не увенчались успехом – холодные своды, казалось, никогда не видевшие лучей солнца, были скользкими как стекло. Прекратив бесплодные попытки, Алпар с удвоенным рвением пустился вперед, вытянув перед собой руки и с замиранием сердца ожидая того, что они натолкнутся на глухой камень, и это будет означать, что он заперт навечно в подземной ловушке...

Но боги были милостивы к нему – после долгих поисков, Алпар наконец нашел выход из склепа, и не колеблясь отправился в путь – вдоль по мрачному коридору, по бокам которого смутно угадывались угрюмые своды глухих, могучих стен.

Путь его был долог. Алпар бродил по хитросплетению ходов, коридоров и склепов, то и дело натываясь на холодные стены, и проклиная отсутствие огня. Ни один, хотя бы маленький луч солнца, не проникал сюда, в это царство спящего камня, похороненного под толщами песка. Кто, когда, в какие времена выстроил здесь, в этом гиблом месте весь этот причудливый лабиринт? Был-ли это дворец древнего царя, подобного тем, о которых рассказывал ему в детстве ныне покойный старик Уралкан? Или то был величественный храм, посвященный давно забытым богам? А может это был город мертвецов – и здесь, в каждой стене, лежат замурованные останки тех, кто жил в этой забытой людьми стране сотни или тысячи лет назад? Но кто мог поведать

ему о том? Порой под его ногами что-то хрустело, и тогда он был почти уверен, что путь его устилают кости... Сон, вековой сон, если не сама смерть, – царили здесь.

Наконец, окончательно выбившись из сил. Алпар опустился на пол, прислонив израненную голову к холодной стене. И тотчас же на него нахлынули боль, усталость, голод – и жажда. Она выворачивала его нутро, жгла его каленым железом. Юноша попытался глотнуть – но ни капли слюны не было в его рту, шершавом и воспаленном. Пройдет не так уж и много времени – и он прекратит свой путь, упав, чтобы уже больше не встать...

...Негромкое попискивание раздавшееся почти у самого уха, вывело его из забытья. Звук казался безобидным – но волосы зашевелились на затылке Алпара, когда во тьме неожиданно стали вспыхивать небольшие, но зловещие красные огоньки. Крысы!!! Враждебная тьма глядела на него вечно голодными, алчными глазами дьявольски жестоких, хитрых и умных созданий.

– Тенгри! – воскликнул юноша – и в следующий миг был атакован целым полчищем серых грызунов...

Алпар истекал кровью – десятки лютых от вечного голода, уставших грызть кости мертвецов, взалкавших свежего мяса, живой плоти, крыс наседали на него – а он мог отбиваться от них лишь голыми руками и ногами. Но у него была волчья хватка. Изю всех сил стараясь не подпустить грызунов к горлу, и не обращая внимания на боль от укусов, он остервенело метался во тьме, нещадно топчая серую рать ногами, хватая руками ненавистную мразь, – и душил их, рвал на части, преодолевая отвращение и подкатывающую к горлу рвоту, впивался зубами в глотки врагам. О, боги! Он бы все отдал сейчас за свет! За огонь небольшого факела, который означал бы для него жизнь... Жизнь! Он сражался за нее отчаянно, яростно, самозабвенно, не помня себя. Он не мог умереть сейчас, просто не имел права! Ведь он должен был вызволить Каныкей! А еще – он просто обязан был добыть заветный меч Урала и добраться до гнездовья змееголовых дэвов, чтобы отомстить им за смерть отца. Меч!

В тот миг, когда осатанелая крысиная орда, наконец свалила юношу с ног и седой злобный вожак метнулся к его горлу – казалось отблеск волшебного меча лег на древние своды, забрызганные кровью.

И все переменялось в мгновение ока.

Свет – живой, яркий, пульсирующий, – заметался по стенам, высеченная древнюю кладку, украшенную угловатыми рунами, затянутыми паутиной, – и крыс, отчаянно улепетывающих прочь, – дальше, дальше от слепящего огня.

Алпар был еле жив – кровь текла ручьем из многочисленных укусов, терзавших его тело, наполнявших его ядом отвратительной крысиной слюны. Но там, в конце коридора вспыхивал и манил синевато-красный свет. И Алпар, едва не плача от нахлынувшей радости, пополз – на животе, обдирая свою и без того превратившуюся в лохмотья кожу, – пополз, оставляя за собой кровавый след – к свету...

...И он достиг своей цели – по-пластунски, теряя силы, извиваясь всем телом как червяк – вкатился наконец в большое, просторное, ярко освещенное помещение, в центре которого пульсировал, разгораясь все ярче и ярче, источник спасительного света.

Это был огромный зал с высоким сводчатым потолком – целый лес стрельчатых, изящных колонн возносил к нему свои каменные кроны. Алпар был сыном Севера – Севера, где не ведали иных жилищ, кроме бревенчатых срубов и войлочных юрт. Единственная роскошь, виденная молодым башкиром до сих пор, – была роскошь гигантских шатров кипчакских биев тканых из белоснежной верблюжьей шерсти. В степи царила роскошь войлока, шерсти и кожи, украшенной бисером и золотым тиснением. Алпару не доводилось лицезреть чудес Востока – гордых минаретов Хорезма, высоко взметнувших свои золотые главы в ярко-синее небо, арабских чудес Багдада и Дамаска, мавританской роскоши Кордовы и Гранады. Конечно же, он не мог знать, что в ажурной резьбе, украшающей колонны, слились воедино архитектурные школы древней Эллады, Персии, Индии – и с ними удивительно гармонично переплетались степные, тюркские мотивы. Это чувствовалось во всем – в потолке, куполом уходившем в запредельную высь, так что на узоры, украшавшие его приходилось наблюдать задрав голову, и удивительно напоминающем своды юрты, и в орнаменте – сочном, зеленом и синем, в радующем глаз сочетании малахита, бирюзы и золотого кружева.

Но Алпар не в силах был подмечать такие тонкости – его неискушенный глаз был настолько поражен увиденным великолепием что он даже не сразу разглядел того, кто сидел в центре всех этих архитектурных чудес, на троне из резной яшмы. Это был статный седовласый муж с пронзительными черными глазами – но в глубине их плясали

янтарно-желтые огоньки, которые заволаживали, властно притягивая к себе. На широкие могучие плечи незнакомца был легко накинут плащ, подбитый богатым мехом – рысьим, куньим или горностаевым... Незнакомый мужчина, облаченный в царственные одежды, держал в вытянутой перед собой смуглой сухощавой руке огромный драгоценный камень. В его неограненной, прозрачной глубине как раз и вспыхивал тот самый огонь, что спас Алпар от гибели.

– Это – волшебный адамант Канга! – сочным, бархатистым голосом промолвил величественный муж и Алпар, вздрогнув от неожиданности, уставился прямо на него. А седовласый незнакомец, казалось, не замечая его удивления, продолжал, задумчиво глядя на сияющую драгоценность немигающими желтыми зрачками:

– Да – талисман великой и славной державы, канувшей в небытие. Некогда Канг – Страна Ста Крепостей, – был славен на западе и востоке, на юге и на севере. Аланы платили ему дань лесными мехами, добытыми в горах Алпов... Ханьцы слали в его столицу своих послов в шелковых, расписных халатах... Хунну и тюрки уважали Канг, заключали с ним договора – их тексты до сих пор еще можно прочесть на каменных столбах, которыми пестрят зеленые степи. Когда-то зеленел и Канг... Зеленел – пока не пришла пустыня...

Незнакомец, наконец, оторвал свой магнетический взор от драгоценности и, легко встав со своего престола, подошел к Алпару, немо застывшему у самого входа в чудесный зал и бережно поднял его из пыли.

– Приветствую тебя, о, сын Урала в моем обиталище. Твое тело покрыто ранами, твоя душа истерзана болью, жажда и голод сводят тебя с ума. Но наберись терпения, о, достойный отрок – и все твои невзгоды растут как дым...

– Кто ты? – начал было Алпар, но странный незнакомец сделал упреждающий жест, как бы намекая на то, что расспросы неуместны.

– Теперь я – никто, о, достославный юноша! – печально усмехнулся незнакомец. – Ныне я – всего лишь бестелесный дух, обреченный на вечные скитания по холодной и пустой Вселенной.

– Но я ощущаю тепло твоей ладони! – воскликнул пораженный Алпар. – Ты жив – так же как и я!

– Благодаря адаманту Канга! – улыбнулся удивительный призрак. – Все, что ты видишь здесь – существует лишь благодаря волшебному свету талисмана. И царственная приемная зала выглядит так, как она выглядела много веков назад – тогда, когда последний из

владык этого государства рухнул у трона, сраженный врагами. Его звали Боскурт... – Оживший призрак, перехватив удивленный взгляд Алпара, понимающе кивнул ему.

– Ты удивлен, друг мой, ибо Боскуртом предания твоего рода именуют человека, положившего ему начало. Именно поэтому ты назвал так своего друга – волка. И это не случайно. Потому что последний владыка Канга и был родоначальником башкирского рода Бурджан. – Он усмехнулся. – Люди говорили, что Боскурт родился от женщины, в жилах которой текла волчья кровь, и что он сам умел превращаться в волка. Ведь существует и такое предание – о том, что Боскурт не погиб, а обратившись волком бежал от преследователей в вольную степь... Как бы там ни было – а Канг рухнул – и то, что не успела погубить засуха, подорвавшая силы страны – довершили безжалостные, лютые вороги. Народ Канга – роды Бурджан, Башкорд, Баджнак, Канглы – разметало по свету. Бывшие садоводы, искусные ремесленники, ювелиры, ткачи – мастера, которым и в подметки не годятся нынешние жители Хорезма, – были вынуждены скитаться по степи. Они стали кочевниками, какими были когда-то их предки – но горе кочевникам, у которых нет ни лошадей, ни скота. Сытые соседи с востока, обладавшие бесчисленными стадами, нещадно теснили их. Часть народа Канга бежала на далекий запад, где сгинула бесследно, канглинцы подчинились кипчакам и хорезмийцам, а бурджане и башкорды нашли пристанище в долинах седого Урала. И земля предков приняла и спасла своих правнуков. Ведь все мы исходим от великого Урала-батыра... И его кровь я вижу в тебе, славный Алпар. Адамант Канга зажегся здесь, впервые за несколько веков – долгое время он лежал во тьме, сокрытый от алчных глаз. Но ты – потомок царей древнего Кангюя явился сюда – и он, узнав твою кровь, вспыхнул, чтобы спасти тебя. Я – дух талисмана, и я пробудился ото сна, дабы вывести тебя к свету. Ты не погибнешь, Алпар! Твоя жизнь еще только начинается. Тебя ждут великие дела! Встань, Алпар, сын Караса из рода Бурджан! Я вижу твое будущее – Тенгри, богиня Умай и духи Земли-Воды вложат в твои руки заветный меч Урала и ты покараешь змееголовых вырожденков, которые затаились и ждут своего часа, чтобы выползти наружу и снова, как в древности, заполнить мир. Но не бывать этому! И если два потопа почти смыли их с лица земли, то третьего не понадобится! У них уже не та хватка. Однако это не означает, что с ними будет легко справиться – у них еще есть зубы и они точат их в надежде на последний, решающий бой. Так что будь осторожен, Алпар! И, прежде чем

выйти к свету – очисти свою душу в прохладных водах!!!

В тот же миг величественный призрак, осенив чело потрясенного юноши мимолетным поцелуем, исчез, а талисман вспыхнул нестерпимо ярко – казалось, он взорвался тысячами хрустальных брызг. И едва Алпар осознал это, как почувствовал, что целый водопад обрушился на него... Несказанное блаженство охватило его целиком, наполнив и душу и тело. И он, зажмурив глаза, расслабив свою истерзанную плоть, полностью отдался освежающей, ласковой стихии, чувствуя, что растворяется в ней, погружаясь в блаженное небытие...

Хотя и молод был болгарский купец Нурулла из славного города Джукетау, но его опыту мог бы позавидовать любой старец, всю жизнь проведший безвылазно за бревенчатым тыном своего селенья. Недавно ему стукнуло двадцать пять – а он уже в седьмой раз меряет караванную дорогу между Великим Булгаром и сияющей Бухарой. В Хорезм и Мавераннахр он вез тонко выделанную болгарскую юфть, изящные сафьяновые женские сапожки, мужские сапоги с гнутыми носами, мягкие, облегающие ступню туфли, драгоценное, украшенное богатой чеканкой оружие, меха, которые привозят в Джукетау, Ашлы и Великий Булгар отчаянные уртаки, промышляющие «немой» торговлей с северными народами... Обрато он ехал, доверху нагрузив верблюдов индийскими благовониями, разноцветными шелками, нарядными, вышитыми золотой нитью бухарскими тюбетейками, белоснежным сартским сахаром, ароматными пряностями, которые добывают почти на самом краю света, на далеких островах Востока. Нурулла твердо верил в свою удачу, а сейчас – особенно. Семь – счастливое число...

Но удача – удачей, – однако молодой уртак был не из тех, кто беспечно упоает на свое везенье. Ведь путь его лежал через зловещую пустыню, которую издавна зовут Голодной Степью. Ха! Хороша Степь! Мертвые, белые пятна солончаков, песчаные барханы да глиняные холмы – тепе, – и полное безводье, на протяжении нескольких дней пути. И если хочешь выбраться живым из этого выжженного ада и увидеть цветущую маками степь Дешт-и-Кыпчак – не пожалей денег, закупи побольше воды, – хоть и дорого она стоит здесь, в Хорезме, где каждая капля драгоценной влаги добыта кропотливым трудом дехкан.

Нурулла ни разу еще не отошел от мудрости, которую он в юности накрепко усвоил у выдавшего виды отца: «Скупой платит дважды». И

старая купеческая мудрость не подводила его – в седьмой раз переезжая через Голодную Степь и видя на обочине караванной тропы выбеленные солнцем кости менее удачливых спутников и их животных, он вновь и вновь благодарил Аллаха за то, что между горбами его верблюдов плавно покачиваются и обнадеживающе, успокаивающе побулькивают бурдюки с водой. В них был залог его успешного возвращения на родину, удачные сделки, большие барыши, которые начнутся уже в Великой Степи, у первых же кипчакских кочевий...

И все же – все же жажда давала о себе знать. Молодой купец то и дело промокал свое смуглое, с тонкими чертами, лицо шелковым бухарским платком – пустыня выжимала из тела всю влагу. Бывали мгновения, когда сладостная мелодия побулькивающих бурдюков превращалась в пытку. Но Нурулла был непреклонен – бурдюки открывались только на привале. И хотя он был предводителем, хозяином каравана – себе он никогда не делал ни одной поблажки. Прояви он малодушие хотя бы раз – и что подумают о нем охранники и погонщики, терпеливо выносящие наравне с ним все тяготы пути? Какими глазами на него посмотрит старый караванбаши – Тимер-Казык? Сам он был родом из Мерва – почти черный, будто просмоленный, провяленный солнцем насквозь, пожилой хорезмиец с дубленой кожей и суровым взором. Он был вынослив как верблюд, а в пустыне знал каждую пядь караванного пути. Долгие годы он водил караваны знаменитого уртака Батбая – и теперь он продолжал работать с его сыном, – когда отец удалился на заслуженный покой. Этому человеку можно было доверять безгранично – но и уронить себя в его глазах, проявить слабость – которую, за долгие годы ни разу не допустил его отец, – было недопустимо. И Нурулла ехал вперед, стараясь пропускать мимо ушей перекатывание воды в бурдюках и не обращать внимания на то и дело возникающие на горизонте миражи.

Проклятые песчаные джинны – что-что, а морок напускать они умеют, изводя путников, показывая им их самые вожаделенные мечты. В ярко-синем небе то и дело возникали зеленеющие сады, пальмы, фонтаны, рассыпающие вокруг мириады сверкающих брызг, воздушные аркады и пилястры белоснежных дворцов, ажурные минареты... Иногда мерещилось такое, что в пору было только удивиться изобретательности пустынной нечисти. В прошлом году весь караван Нуруллы раскрыв рты долго наблюдал за тем, как по барханам величаво шествует огромный серый слон – с позолоченными бивнями, с узорчатым кокетливым шлемом на могучем лбу и с изящной резной башенкой на спине.

В башенке сидела черноокая красавица в ярко-красном сари. В руках у нее была пышная роза. Зрелище было столь дивным и таким манящим, что Нурулле стоило огромного труда удержать своих людей, которые готовы были броситься прямо в дикие пески, чтобы догнать чудесную гурию, уплывающую вдаль на спине серого великана. Но купец знал – стоит произнести заветные слова молитвы – и наваждения Шайтана рассеются как дым. Правда один звездочет, с которым он случайно познакомился в бухарской чайхане, поведал ему, что вроде бы происки лукавого тут ни при чем. И сады и дворцы и фонтаны существуют на самом деле, но они так далеко, что до них невозможно добраться. А раскаленный воздух пустыни обладает свойством что-то там преломлять... и, в результате бедные путники вынуждены лицезреть недостижимые ими чудеса. Стало быть и та красавица, что ехала на слоне – и впрямь живет себе в своем далеком Хиндустане. Эх, вот бы ее отыскать!

Нурулла невольно рассмеялся. Вот бы и в правду поехать в Индию за эдакой красоткой! Но куда уж там! До Индии такой дальний путь, что мало кто из хорезмийцев – не то что болгар, – добирался туда. Да и вообще, наверное то была дочь какого-нибудь владыки. Ах, Хиндустан, волшебная страна!...

Так-так – и чем же его на этот раз подивит этот самый преломленный воздух? Бухарский звездочет долго ему что-то втолковывал в тот вечер, но очевидно, поскольку ими при этом было выпито чересчур много вина, из всех его рассуждений, Нурулла уяснил для себя одно – нечистые духи все же прикладывают к этому свои грязные лапы. Видать они-то и преломляют этот самый воздух, кто же еще? И поэтому он уже приготовился читать молитву – испытанное средство от миражей, которое ни разу его не подводило.

На этот раз пустыня показала путникам что-то совсем уж необычное – среди барханов сверкал, переливаясь голубой водой большой колодец и рядом с ним неподвижно лежал окровавленный юноша, у ног которого сидел огромный седой волк.

«Ля-иллахи-иль-алла», – пробормотал Нурулла – но странное дело – колодец, юноша и волк оставались на прежнем месте. Нурулла в недоумении оглянулся на Тимер-Казыка, но то лишь пожал плечами в ответ. Все было ясно без слов – молодой купец прекрасно понимал, что хотел передать ему бывалый караванбаши – на всем протяжении Голодной Степи нет ни одного колодца. Не говоря уже о волках... А как же быть с юношей?

Караван все приближался к удивительной группе – а колодец, юноша и волк даже и не собирались рассеиваться в воздухе. Наконец, Нурулла не выдержал – выхватив из колчана стрелу и наложив его на тетиву взятого наизготовку лука, он погнал своего верблюда прямо к колодцу. Он был отличным стрелком и не сомневался, что попадет волку прямо в глаз с первого же выстрела. Однако едва он приблизился к нему на расстояние одного полета стрелы, как волк, угрожающе заворчал и, показав ему на прощание желтые клыки размером с добрый кинжал, покинул свое место у ног неподвижного юноши и неспешно потрусил прочь. Оглянувшись, он смерил купца пронзительным взглядом своих почти по человечески умных, янтарно-черных глаз и, не оборачиваясь более, пустился крупной рысью, отмахивая огромные скачки – и вскоре окончательно скрылся среди барханов. Только после этого Нурулла наконец спешился и подошел вплотную к окровавленному юноше.

Парень в изодранной меховой одежде северного тюрка был еще жив. Его грудь редко, размеренно вздымалась и из нее исходил прерывистый хрип. Юноша был очень бледен, несмотря на природную смуглость – было видно, что он немало хлебнул за последние дни.

– И странно – как это волк его не загрыз? – пробормотал Нурулла, нагибаясь над несчастным. Тем временем, подоспели Темир-Казык и остальные люди. Нурулла сделал повелительный знак – и ему подали флягу, – но не с водой, а с вином – драгоценным, виноградным, которое берегли как зеницу ока. Стряхнув по мусульманской традиции первую каплю на песок, болгар поднес к губам бесчувственного страдальца горлышко и, с трудом разжав его стиснутые зубы, влил ему в глотку живительную влагу.

Юноша застонал и открыл черные глаза. Придя в себя, он забормотал что-то на наречии, которое довольно сильно напоминало родной язык болгара, однако незнакомец употреблял какие-то особенные слова, а общеизвестные выговаривал на свой лад.

«– Башкорт» – догадался Нурулла и, вспоминая башкирскую речь, которую ему не раз доводилось слышать на болгарских торжищах, спросил его:

– Как тебя величать? Каким ветром занесло тебя в эти гиблые места? Почитаешь ли ты единого Аллаха или же ты язычник?

– Я верую в Тенгри и богиню Умай, – хрипло ответил юноша, – меня зовут Алпар, сын Караса из рода Бурджан. А занес меня сюда плохой ветер. Лихие люди разорили мое кочевье, убили мою мать, ук-

рали мою невесту... Я пустился за ними в погоню, но черноликие оказались хитрее...

– Так значит, это они тебя так отделали? – с сочувствием в голосе спросил Нурулла. – А я-то думал, что на тебя напал волк! Хотя, может быть, я успел вовремя и отогнал хищника от тебя!

– Волк?! – юноша порывисто поднялся, несмотря на то, что дрожащие ноги еле держали его. – Боскурт! Неужели он был здесь?! Невероятно! – неожиданно он тихо рассмеялся и ударил себя кулаком в лоб. – Ах, я дурень! Ну конечно! Ведь это же был он!

Нурулла посмотрел на бормочущего юношу с некоторой опаской – уж не рехнулся ли тот случаем, от перенесенных бед? Однако он не стал высказывать своих сомнений вслух, а терпеливо продолжил беседу:

– Пару дней тому назад мимо нас проскакал отряд кипчаков. С ними ехал хорезмийский купец и он вез с собой девушку, с головой укрытую покрывалом. Уж не это ли твои враги?

– Каныкей! – хрипло выкрикнул Алпар. Повернувшись к удивленному Нурулле, он порывисто, горячо заговорил, сжав его руку:

– Купец, скажи мне – в какую сторону они поехали. О, боги, прошло целых два дня! Но может быть я еще успею догнать их? Заклинаю тебя всем, что есть святого в этом мире, заклинаю тебя твоим Аллахом, – одолжи мне коня, или на худой конец, верблюда! Клянусь Тенгри, – я отплачу долг сторицей!

– Даже если я и исполню твою просьбу, ты не догонишь их, – грустно покачал головой Нурулла. – Увы, друг мой, время упущено и твоя невеста очень далеко отсюда, на пути в Мавераннахр. А туда не дотягиваются даже длинные руки хорезмшаха Мухаммеда. Ведь там правят неверные – кара-катаи, а наместница города Алмалыка – та вообще близкая родственница самого царя монголов... Прости, Алпар, но я не могу отпустить тебя в погоню. В любом случае тебя ждет смерть. Тебе не выжить в одиночку в этой пустыне, с твоими ранами...

– Проклятье! – в отчаянии прохрипел Алпар и, пошатнувшись, вновь потерял сознание – подоспевший Тимер-Казык едва успел подхватить его на руки. Покачав головой, он сокрушенно вздохнул:

– Ва-ай, совсем плохой!

– Скорее разбей шатер и положи его в тень. Мы должны выходить парня. Этот башкорт – знамение божье на нашем пути. Я спас его, и теперь мой долг – вернуть его к жизни, а мой обет – склонить его душу к светлой вере пророка...

Был уже поздний вечер, когда Нурулла зашел проведать больного. Алпар – омытый в воде удивительного, не весть откуда взявшегося колодца и переодетый во все чистое, – тем не менее, все никак не мог прийти в себя. Со стонами он метался на постели в бреду – многодневные страдания и укусы мерзких грызунов повергли его в лихорадку. Сокрушенно покачав головой, Нурулла вопросительно взглянул на Тимер-Казыка, который неотлучно находился рядом с больным. Молодой купец знал, что старый караванбаши кроме всего прочего был и заправским лекарем и всегда возил с собой целебные травы и всевозможные снадобья, которыми он сейчас и отпаивал мечущегося в горячке Алпара.

– Выживет, – пробормотал старик, – у него сильная кровь. Настой из трав выгонит лихорадку и он выкарабкается. А кроме того, его, по всей видимости оберегает вот это... – и Тимер-Казык подал хозяину матово поблескивающий крупный неограненый алмаз. В самой сердцевине драгоценного камня казалось, тлел небольшой синеватый огонек.

– Я нашел это в ладанке, у него на груди.

– О, Аллах! – только и смог выдохнуть Нурулла. – Алмаза, подобного этому, мне не еще не приходилось встречать! Откуда он у этого бедолаги? И почему его не отобрали налетчики, похитившие его невесту? Странно все это!

– Уж куда как странно, господин! – старик выразительно посмотрел на купца. – Откуда взялся посреди пустыни этот колодец? Этот камень? А волк? Ведь он, судя по всему, и не собирался на него нападать! Он охранял его, и когда увидел, что люди смогут позаботиться о юноше – исчез... Так-то!

– Во всем этом виден промысел божий! – пробормотал Нурулла. Несколько мгновений он задумчиво любовался драгоценностью, а затем, без колебаний, вложил алмаз в ладанку и осторожно повесил ее на грудь Алпара. Едва ладанка вернулась на свое место, как больному стало лучше – он затих. То ли подействовал настой целебных трав, то ли Тимер-Казык был прав – и талисман хранил своего хозяина... Как бы там ни было – ни у Нуруллы, ни у старого хорезмийца даже и не возникло мысли прикарманить чужое сокровище. Один из них был начинающим купцом, второй – бывалым караванбаши. И ни один из не был вором...

Переночевав у колодца, отряд Нуруллы двинулся в путь, увозя с собой Алпара. Ночью его бред прошел, как и предсказывал старик и теперь юноша спал крепким сном выздоравливающего. Специально для него из кожи, меха и перекладин, положенных между горбами двух верблюдов, устроили удобную постель, укрытую от жгучего солнца непроницаемым навесом. Перед тем как отправиться в путь, Нурулла долго глядел в лицо спящего юноши. Затем улыбнулся и, потрепав его по покрытому испариной лбу, тихо шепнул:

– Ничего, Алпар! Скоро ты выздоровеешь! Я увезу тебя в Великий Булгар и ты своими глазами узришь красу мечети Джамиг, мощь крепостных стен, многолюдье базаров. Скорее же приходи в себя – мне не терпится услышать прямо из твоих уст рассказ обо всем, что с тобой приключилось...

Когда отряд отъехал на довольно приличное расстояние от места ночевки, внимание Нуруллы привлек возглас удивления. Он исходил из уст Тимер-Казыка. Вытаращив свои старческие глаза с голубоватыми белками, караванщик указывал кнутовищем туда, откуда они недавно отъехали:

– Колодец исчез!

И в правду – там, где совсем недавно плескалась прохладная вода, теперь ничего не было, кроме белых пятен солончаков... Все было так, как и всегда – солончаки, барханы да угрюмая громада тепе, под толщей которого – о том не ведали люди, взиравшие на него – лежали руины древнего города. На какой-то миг Нурулле показалось, что на вершине холма мелькнула серая волчья фигура...

– На все есть воля Аллаха! – прошептал Нурулла и поворотил верблюда. Уже через миг караван двинулся дальше – в долгий путь через пески и степи, туда, где у берегов величественной Идели вздыбил свои башни и минареты Великий Булгар. А вслед каравану с вершины тепе, не отрываясь, глядели янтарные немигающие глаза того, кто четыреста лет назад был последним ханом древнего Кангюя...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1216 год

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЧЕРЕПКИ

Протяжный, напевный глас муэдзина прорезал черный бархат хорезмийской ночи – азан призывал правоверных оставить все мирские дела и, сотворив омовение и намаз, отойти к праведному сну. Тени минаретов и ажурных башен падишахского дворца ложились на залитую лунным светом сухую и твердую как кремь землю, утопанную сотнями и тысячами ног, копыт и колес. Сколько их прошло и проехало здесь за те тысячи лет, с тех пор как взметнулись к небу золотые города Хорезма? Один Аллах ведает... Благодатна была эта кажущаяся суровой земля – однако как женщина строгая и крепкая, требовала верности и любви к себе – и в ответ дарила чудесные плоды и цветы, щедро орошенные водой из арыков, паутиной прорезавших всю знойную страну, – и обильно политую потом и слезами дехкан... Ежедневный, ежечасный, кропотливый труд – от зари до зари – был их уделом, и узловатые, мозолистые, почерневшие, растрескавшиеся, похожие на корневища высохших деревьев руки не знали покоя – орудовали кетменями, погоняли ишаков и волов, выкладывали дно тандыров узорными лепешками, терпеливо вытягивали из пасти гончарного круга жерла кувшинов... Так шло из поколения в поколение – из глубины веков... Их сожженные лица были похожи на спекшуюся глину их земли, глиной была окружена вся их жизнь, в ту же глину их вводила смерть. А под ногами пешеходов, копытами ослов и быков, колесами арбы постоянно трескались, ломались и крошились в мелкие черепки кувшины, горшки, пиалы, покрытые затейливым и испокон веку неизменным узором – и трудно было понять – сколько им лет, этим черепкам – пять, десять, сто, а может две, три тысячи? Люди шли вперед, небрежно отпинывая их на обочину и никто из них не задумывался над

тем, о чем так сокрушался когда-то великий Хайям... Дехкане шли и ваптывали в прах черепки, бывшие некогда плотью царей... Да и что было с них взять – забитых, изнуренных каждодневной непосильной работой крестьян? А ведь когда-то и само слово «дехканин» носило другой смысл. Было время – и так называли гордых феодалов, которые проносились на резвых иноходцах во главе свиты по дороге к своим неприступным замкам – и что был им царь или даже шахиншах? Как коварно бывает порою время...

Но вот замолкли последние звуки ночного азана – и труженики Хорезма погрузились наконец в долгожданный сон, а за неприступными белыми стенами своей грозной цитадели почивал хорезмшах Мухаммед – и покой его неусыпно стерегли грозные гулямы – гвардия наемников-степняков, закованных в стальные латы...

Этим, похоже, все было трын-трава. Часовые неторопливо прохаживались по стенам, держа наизготовку дамасские булатные сабли, а в караульных помещениях их товарищи, которым выпали свободные часы, коротали время за выпивкой, игрой в кости и нарды и досужими беседами. Дети Великой Степи по праву рождения, на деле они оказались ее пасынками – старейшинам их родов не нужна была буйная, непоседливая молодежь – лишние рты, да и помеха изрядная их одряхлевшей патриархальной власти. Всеми силами они стремились изгнать непокорных юнцов на чужбину – мол, там, в тридевятых странах и золото и женщины и слава и невиданные чудеса... А самое главное – в большой цене богатырская удадь, которой никогда было не занимать обитателям Дешт-и-Кипчака, – гораздо в большей, чем в самой Степи. Уж такие настали времена – потомки грозных каганов хотели сытой и тихой жизни, и – долой нарушителей спокойствия! Так и тянулись они – молодые балаусы, канглинцы, туксабинцы, еланцы – прочь из степей на юг – вербоваться в отряды хорезмшаха, царей Грузии и Армении, к никейским грекам и франкам, не так давно завоевавшим древнюю византийскую твердыню – Константинополь... Но особенно много их было в войсках тщеславного Мухаммеда. Оторванные от корней, заброшенные неласковой судьбой на чужбину, эти парни были теперь одинаково далеки и от своей родины, которая с каждым днем становилась все больше похожей на сон, и от нужд и обычаев хорезмийского люда... Гулямы презирали дехкан, те же их тихо ненавидели. А ведь среди земледельческого и ремесленного люда Хорезма было много тюрок по крови – потомков чиков, ягма, чигилей, огузов и других племен, осевших здесь еще со времен Караханидов, а то и раньше. Но дехкане

давно забыли о своих беспокойных, воинственных предках и новые пришельцы из Великой Степи были им чужды. Однако в руках чужаков были пики и сабли; на них держалась власть новоявленного «Искандера Зуулькарнайна», как любил именовать себя Мухаммед, – и потому гулямы могли считать себя хозяевами здесь, в этой древней стране. И они бездумно коротали свои жизни в ночных вахтах, играх и солдатском веселье...

...Но чу? Что за тревожный женский, грудной голос каждую ночь выводит одну и ту же мелодию – печальную и тягучую? Неведомая певица заточена в одной из башен падишахского дворца – вот уже несколько месяцев не дает она покоя бравым воинам своими песнями. Ее песни лишают их блаженного покоя хорезмийской ночи, ее волшебный голос будто выхватывает их из сытой вони привычных казарм и швыряет навстречу пьянящему степному ветру, напоенному ароматами ковыля и полыни, а в душах вновь вспыхивают уже почти угасшие воспоминания... Барымта, ночная скачка по степи в отчаянном, надрывающем сердце коня ритме, с угнанной отарой испуганно блеющих овец и бесчувственной девицей, кинутой на луку седла; бубен кама, гулко стучащий в древнем капище перед ликами старых, полузабытых богов, мелодия тростниковой дудочки – волшебного курая, завораживающе плывущей над зеленеющими просторами к речной долине по которой неспешно бредут вдаль пасущиеся стада... Ай-хай, совсем лишила сна удалых егетов неведомая полонянка из хорезмшахова гарема... Но кто же она?

– Это та кыргызская царевна-язычница, которую год назад везли через Хорезм в Мавераннахр, чтобы продать татарам. Да только попались купцам на дороге люди шаха, услышали ее прекрасные песни и сразу же донесли о том владыке. А великий шах велел – не слушая никаких возражений, доставить полонянку к нему во дворец. Так эта соловушка и попала в золотую клетку. Ох, тоскует – и на нас тоску навевает... – так шептались между собой лишенные покоя гулямы...

Резкий, острый запах гари шибал прямо в нос, возбуждая обоняние людей и животных – бронзоволицые монгольские воины в треухах-малахаях раздували ноздри, а их косматые кони нервно прядали, устало поводя боками, раздутыми от только что выпитой горькой воды Иргиза. Долгая погоня по степи Дешт-и-Кипчак – от самых перевалов

Тарбагатая, завершилась здесь, на берегах вольного Иргиза, у Мугджарских предгорий последней решающей схваткой...

...Будто огненный смерч пронесся по Дешту – как первая волна разрушения и смерти, перед неотвратимо надвигающимся ураганом вселенской катастрофы. Монголы действовали быстро, хладнокровно и беспощадно – гнали разбитых меркитов как гончие псы, наступая им на пятки, оставляя за собой сожженные кочевья кыпчакских родов, которые имели неосторожность за несколько часов до этого поить своей водой взмыленных меркитских лошадей. Разжиревшая, облепившаяся за последние привольные годы, степь вздрогнула в ужасе, взвизгнула от жгучей боли, как разомлевшая на солнцепеке псина, нежданно вытянутая кнутом. Паника прокатилась по Дешту – и вскоре до самых берегов Иделя всем стало известно о том, что ждет тех, кто дает кров беглецам от мести беспощадных воинов Субутай-багатура. Степь затаилась, расступившись перед лютыми монгольскими псами, и лишь молчаливо наблюдала за расправой со стороны. Пройдет еще немного времени – и в сторону Хан-Балыка и Каракорума потянутся караваны, груженные дарами кыпчакских биев... А пока перед воинами одного из лучших туменов Субутая, правого крыла Чингизова войска, руководимого его первенцем Яучы, – простиралось последнее пепелище, усеянное окровавленными трупами. Меркиты разбили свой лагерь здесь, еще не ведая, что враг уже совсем рядом, что преследователи уже настигли их – и когда степь до того лениво колыхающая ковыль под дуновениями ветерка, внезапно ожила вскочившими с земли монголами, участь беглецов была предрешена. И лишь одно омрачало триумф верного ординарца прославленного Субутая, нукера Нохая – проклятый выродок Токтабека, подлый Турумтай вновь скрылся от возмездия! Сотник Кучук уверял, что лично преследовал врага до самого берега Иргиза и видел, как тот бросился в воду и волны сомкнулись над его головой. И хотя вслед ему был пущен целый град стрел, Нохай был мрачен – даже погибнув, кровный враг не должен был избежать возмездия – ибо голова его должна была быть брошена к девятиножному знамени с белым кречетом, а затем – отдана на съедение псам. Таков был закон Чингиза, этого требовала священная Яса.

– Твоя сотня отыщет Турумтая – мертвого или живого. Найдешь мерзавца, – догонишь нас по дороге на восток. Ну, а если меркит уйдет от нашей мести – твоя сотня быстро станет десятком. И попробуй угадать, кого в этом десятке избегших казни счастливичиков не поставят десятником... – будто высеченное из камня, покрытое шрамами лицо

Нохая немного оживило бледное подобие кривой ухмылки. На этом разговор его с неудачливым Кучуком закончился.

Вскоре воители, возглавляемые нукером, повернули морды коней вспять – к восходу. Нохай, старая лиса, опасался неожиданного удара. Молчание Степи настораживало, а силы его тысячи с небольшим воинов были рассчитаны лишь на один стремительный, неожиданный удар. И хотя разведка боем прошла успешно, и несмотря на то, что никогда еще монголы не заходили так далеко на запад, тем не менее, голова Нохая была очень далека от головокружения, которое приносит легкий успех. Ведь владыки Дешта могли оправиться от неожиданного натиска и бросить на пришельцев огромные силы. А для монгольского военачальника смерть от собственного кинжала лучше нежели единственное поражение. Поэтому воины Нохая ушли, растворившись в степных просторах – все, кроме Кучука и его сотни, задача которых была пожалуй посложнее, чем найти илу в стогу сена. Как же найти тело утопленника на дне Иргиза? А если его унесло течением? И это еще полбеды – случись так, что Турумтай все же выплыл и скрылся – как найти его в этих необъятных просторах? Однако молодой сотник не унывал...

...Сотня удалцов во главе с Кучуком переплыла Иргиз на бурдюках и приступила к поискам. Обойдя все побережье и обшарив длинными баграми все отмели, они так и не смогли найти вождя мертвеца. Оставалось два выхода – продвигаться к югу, по течению не оставляя поисков и надежды или плюнуть на все и раствориться в просторах Запада, благополучно забыв о своем происхождении и долге. Но для монгольского служака смерть была ба предпочтительнее такого позора. О предательстве не могло быть и речи... Да и знал сотник – от карающей десницы Небесного Воителя трудно укрыться.

Однако боги были благосклонны к нему – позволив ему упустить врага, они, тем не менее, дали надежду его найти. Почти под самый вечер один из следопытов наткнулся на цепочку окровавленных следов, уводивших от Иргиза на запад. Меркит был жив!

– Далеко не уйдет! – ухмыльнулся сотник. Будто гора с плеч свалилась. То ли дело – вместо того чтобы искать утопленника в большой реке, – догонять живого, раненого, безлошадного беглеца в необъятной, голой степи! Турумтай, конечно же, был опытным воином и впол-

не мог схорониться где-нибудь на дне балки или среди россыпи валунов. Да только где уж ему уйти от сотни опытных загонщиков! Приказав четверке бывалых следопытов, вести след, Кучук стал разбивать лагерь...

...Ближе к рассвету следопыты вернулись – взбудораженные и разгоряченные.

– Следы пропали! – поведали они нахмурившемуся Кучуку. Но рядом с тем местом, где они оборвались, можно разглядеть следы конских копыт! Меркит исчез!

– Неужели он раздобыл лошадь? – воскликнул в недоумении Кучук. – Но откуда? Здесь что-то нечисто!

– Разумеется! – понизив голос, проговорил один из следопытов. – Не он раздобыл лошадь, а тот, кто был на лошади, раздобыл меркита!

– Но кто же этот дерзновенный?! – взревел Кучук. Его крутые бронзовые скулы заиграли желваками, раскосые глаза налились кровью от закипающего гнева.

– Кипчак! – пробормотал следопыт. – Больше не кому! А скорее всего – много кипчаков!

– Как – вы видели их и не отбили у них врага?! – зарычал Кучук, хватаясь за рукоять камчи.

– Не гневайся, сотник! – пробормотал следопыт – его звали Толой. Его поседевшую голову усеивали мелкие шрамы, похожие на насечки ритуальной татуировки. Толой воевал в туменах Чингиз-хана еще со времен легендарной битвы при Далан-балчжутах, когда молодой Темучин одолел своего бывшего побратима Чжамуху...

– Мы бы растерзали кипчаков в клочья, не будь их слишком много... Дело в том, что совсем недалеко от места, где потерялись следы меркита, мы увидели...

– Что вы увидели, безмозглые шакалы? – взорвался, потеряв терпение Кучук.

– Лагерь! Огромный лагерь кипчаков – около тридцати-сорока юрт, стоящих кругом, и меж них мы увидели целую толпу кипчакских воинов. Мы подкрались к лагерю в темноте и отчетливо видели как блестят в свете костров их шлемы и кольчуги, слышали звон оружия, их смех и разговоры. Их там больше сотни. Мы не осмелились пробраться вглубь лагеря и вернулись, чтобы предупредить тебя... А меркит – он, скорее всего, скрывается у них.

– Ах, вот оно что! – протянул сотник, нехорошо улыбаясь. – Значит, кипчаки опять дерзнули оказать помощь нашему кровнику! Ну,

так они заплатят за это! Мы выступаем немедленно!

Уже под самое утро отряд монголов бесшумно (Кучук приказал обмотать копыта коней рогожей), подобрался почти вплотную к кипчакскому кочевью. Кипчаки были, судя по всему, совершенно не готовы к отпору – большинство из воинов, о которых рассказывал Толой, вероятно безмятежно спали в юртах, а дозорные – их можно было различить, несмотря на предрассветный туман, смешивавшийся с дымом, – безмятежно трапезничали, сидя у костров. Момент для нападения был самый удачный...

Кипчаки разбили свой лагерь в небольшой ложинке между трех поросших ковылем холмов, вершину каждого из которых украшал потемневший от времени каменный идол. Кучуку приходилось видеть такие на Орхоне и в Саянских урочищах. Он даже догадался: наверняка эти холмы – ни что иное, как курганы, таящие под собой могилы древних степных богатырей. Монголы называли такие курганы – «корум».

Видимо кипчаки надеялись, что духи предков уберегут их от любой напасти. И совершенно напрасно. Кучук не верил в защитную силу каменных изваяний – ведь не помогли же они ни теленгитам, ни алтайцам, ни кыргызам, так же, как изваяния Будд не спасли от разгрома тангутов, чжурчженей и кара-катаев.

И Кучук с легким сердцем, уверенный в молниеносной победе, выхватил из ножен свою кривую дамасскую саблю и первым ворвался в сонное кочевье, огласив его диким воплем –

– Ура-а-а-гх! – Древний клич подхватила вся боевая дружина.

А кипчаки, судя по всему, были настолько ошеломлены нападением, что были не в силах сопротивляться. Кучук уже ясно различал их фигуры, испуганно застывшие у костров. Трапеза была в самом разгаре – у одного из часовых в руках была баранья ножка, у другого – тустак, полный кумыса, третий сжимал в руках домбру...

– Хай, славные монголы! – закричал Кучук. – Что нам стоит порубить этих жирных лентяев! – и, хохоча, на полном скаку, наотмашь рубанул саблей первого, попавшегося под руку кумана.

Круглая голова в лисьем малахае описала полукруг в воздухе и, упав, тем не менее, не покатилась по траве, орошая ее кровью, а по какой-то причине, рассыпалась на сотни мелких черепков. Но Кучуку

и его воинам не было до этого никакого дела – войдя в раж, они азартно рубили дозорных, надеясь сонными повязать всех тех, кто так и не удосужился вылезти на шум из безмолвных юрт – видно настолько сильно их одолел хмель...

А дозорные, пожалуй, тоже порядочно перебрали – вместо того, чтобы поднимать крик и в панике разбежаться от несущих смерть всадников, они продолжали сидеть тупо и безмолвно, без единого звука, подставляя шеи под острые монгольские сабли.

И лишь когда десятый или одиннадцатый кипчак рассыпался в черепки под мощными ударами бывалого рубаки-сотника, его разгоряченная голова начала мало-помалу остывать. Он резко остановил коня и сделал знак воинам прекратить сечу. Остальные, понимая, что здесь что-то не так, медленно опустили сабли.

Кучук снял шлем с потной головы и настороженно огляделся – у костров лежали кучи черепков – все, что осталось от кипчакских «дозорных», которых чей-то коварный ум и искусные руки мастерски вылепили из глины и заботливо вырядили в еляны и малахаи.

Охваченный яростью, Кучук соскочил с коня и, подбежав к ближайшей юрте, с силой рванул полог – пусто... Плюнув с досады, сотник хотел было развернуться и уйти, как вдруг с женской половины раздался жалобный плач младенца. Приглядевшись, Кучук увидел зыбку, плетеную из ивовых прутьев – малютка, лежавший в ней, надрылся от плача – судя по всему, он умирал от голода. Повинуясь безотчетному порыву, монгол подскочил к колыбели и, осторожно приоткрыл пеленки... и на месте младенца узрел деревянную куклу, которая щерила искусно вырезанные зубы в издевательской усмешке. Кучук понял, что круг замкнулся... Теперь он искренне пожалел о том, что не придал значения каменным идолам на вершинах холмов. Древние статуи и сделанные кипчаками куклы заманили монголов в коварную ловушку... Кучук бросился к выходу – предупредить воинов об опасности. Но было уже поздно – снаружи уже доносились стоны и проклятья монголов, свист стрел и торжествующие вопли кипчаков, которые, выйдя из засады, полностью окружили лагерь-обманку, на которую словно на дешевую наживку купились отважные воины Чингиз-хана. Кучук, схватился за саблю и, приготовившись к последнему в своей жизни бою, ринулся к выходу, но тут сзади его чем-то сильно оглушили, а затем на него навалилось что-то живое, теплое и невероятно тяжелое. В довершение всех бед, в нос ему ударило невыносимое зловоние и он потерял сознание...

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРОБУЖДЕНИЕ СПЯЩИХ

Каюк очнулся от того, что кто-то, тоненько хихикая, лил ему прямо в лицо пенистую, шипучую, прохладную, неуловимо знакомую жидкость.

«– Кумыс», – смекнул пришедший в себя монгол, слизнув каплю льющегося на нос напитка. Что ж, кипчакский кумыс был не хуже того, который взбивают монгольские женщины на раздольях Халхи, а по терпкости и аромату даже превосходил его...

Кучук с трудом размежил глаза. Затылок нещадно ломило от давешнего удара. Наконец пелена спала с его глаз, и он обнаружил себя лежащим прямо в степи, на голой земле со связанными руками и ногами. Солнце уже клонилось к закату – похоже, сотник почти целый день провалялся без сознания... Вроде бы даже и луна уже выкатилась из-за горизонта... Хотя нет – какая же эта луна? Круглая, лоснящаяся от жира и, нахально ухмыляющаяся отталкивающая рожа наклонялась над ним. Скосив глаза, Кучук попытался разглядеть того, чью отъевшуюся ряху он сослепу принял за полную луну. «Луноликий» был весьма тучен – его обширное брюхо туго обтягивал шелковый бухарский халат – и само чрево, и то, что облекало его, говорило о зажиточности и знатности толстяка. Но, несмотря на это, жирный богатея всем своим обликом напоминал откормленного грызуна, и это сходство усиливали два выдававшихся вперед передних зуба, которых малоприятный незнакомец щерил в фальшивой улыбке. Толстяк, похихикивая, щедро поливал поверженного пленника кумысом из объемистого бурдюка.

– Кто ты? – по-уйгурски спросил Кучук у жирного незнакомца.

– Кто я? – незнакомец заулыбался еще шире. Он говорил на одном из восточных кипчакских диалектов, но язык этот не слишком сильно разнился от наречия уйгуров и Кучук понимал его без особого труда.

– Я – сам Сыйла-бий из грозного племени Елан, потомок великого Кимак-хана! Я – близкий друг могущественного бия Муйтана, владыки рода Тук-Саба, которому принадлежат земли к северу от этого ме-

ста. А здесь, за Иргизом, начинаются мои кочевья – от берегов этой реки они идут к югу до самого моря Казак, туда, где много сайгаков, верблюдов и диких лошадей, и где из степи можно увидеть золотые минареты Хорезма. А к северу они тянутся вдоль берегов Иртыша, Тобола и Ишима – только иштэки – охотники за головами, живут севернее, а дальше за ними – дикие племена алпов и маджар. Но поскольку я считаю себя подданным великого хорезмшаха Мухаммеда и по своему долгу вассала несу пограничную службу на северных рубежах его владений, то ты будешь наказан не только за вторжение в мою вотчину, но также и за вторжение в пределы Великого Хорезма! Как смели вы, безродные кара-кайтские рабы, нарушить границы могущественного государства? Как хватило у вас дерзости переплыть Ир-гиз? Вам нечего делать здесь, желтые собаки! Убирайтесь прочь и жрите падаль кара-катаев и чинов! А награбленное вами золото скоро все равно перекочет на хорезмийские рынки. На что вам золото, дикари? За бесконечными войнами вы совсем забыли о своих стадах! Ваши овцы тощат и околевают без должного присмотра. Ничего, вот когда пресытитесь кровью и опомнитесь – тогда уже будет поздно! Вы будете называть себя владыками мира, но без войны, которая вознесла вас, вы будете никем! И она, эта война, так высоко поднявшая вас к славе и власти, она же вас и погубит – легко и безоглядно, ибо она – коварная женщина... Ваши жены и дети иссохнут от голода, напрасно дожидаясь обещанных богатств, а вы, сами, всю жизнь проводившие в походах на старости лет останетесь одни – нищие, больные, никому не нужные. С горечью будете вы смотреть на то, как в созданном вами государстве вся власть и сила постепенно перейдут к покоренным вами людям – грамотным, сведущим в ремесле, торговле и политике. Вы еще проклянете детей и внуков вашего хана, когда они, поправ заветы предков, окружат себя чужестранцами, напялят на себя их пестрые, пышные наряды и станут поклоняться чужим богам! Так оно и будет, дикарь! Но только тебе, я думаю, до этих дней не дожить, так что возблаговари свою милосердную судьбу, вовремя дарующую тебе избавление от дальнейших страданий! – и Сыйла-бий завершил свое странное и пугающее пророчество злорадным смехом.

В ответ Кучук молча напряг все свои мышцы, слясь порвать путы и, набросившись на мерзавца, перегрызть ему глотку. Веревки, однако же, были крепки, а вокруг Сыйла-бия стояло около сотни удалых кипчакских егетов – в серебристых наборных кольчугах и остроконечных шлемах, с которых соскальзывала сабля, и отскакивал меч.

«— Пожалуй, эти доспехи будут лучше катаяских лат», — отметил про себя Кучук и, здраво оценив ситуацию, прекратил всякие попытки освободиться. Взглянув еланцу прямо в глаза, он презрительно улыбнулся. Но и этого оказалось достаточно, чтобы ввергнуть бия в припадок гнева. Голосом, сорвавшимся в визг, он заорал:

— Что ты скалишься, желтый пес? — Ты хочешь сказать, что не бийшь меня и моих витязей? Но я еще увижу страх в твоих глазах! Смотри! — и, схватив Кучука за волосы, он приподнял его голову и указал на смутно белеющий в отдалении холм, казалось бы наваленный из валежника, покрытого различным тряпьем. Но, приглядевшись, Кучук с ужасом осознал, что это — ни что иное, как груда безжалостно изрубленных тел удальцов из его сотни. Головы их лежали отдельно, аккуратно собранные в пирамиду — и над этим зловещим зиккуратом уже вились воронье и коршуны.

Вне себя от ярости, Кучук плюнул прямо в жирное лицо Сыйлабия. Воцарилась гнетущая тишина. Кипчакские витязи схватились за сабли, и один из них уже занес свой клинок, намереваясь отсечь монголу голову. Но Сыйла перехватил его руку и, спокойно утеревшись, недобро улыбнулся:

— Подожди, Тимербулат! Ты окажешь большую услугу этому выродку, если мгновенно лишишь его жизни своим благородным клинком. Зачем марать об него сталь? Ведь он об этом только и мечтает! Для этой своры фанатиков нет лучшей участи, чем умереть в бою, за своего кагана! Нет! Будет гораздо лучше, если мы принесем его в жертву изваяниям предков! Если даже их духи побрезгуют твоей вонючей плотью, то тобой поживятся курганские волки — из тех, что охраняют изваяния. А еще есть двуногие волки...

— Ты прав, бий, — ответил Тимербулат, пряча саблю в ножны. — Иштэки где-то неподалеку — наши люди видели следы их лазутчиков у Иргиза.

— Надеюсь, что они украсят твоим обглоданным волками черепом верх своей юрты! — прошипел Сыйла-бий и наотмашь ударил монгола по лицу. Кучук упал на землю, но очень скоро почувствовал, сплевывая соленую кровь, как его подхватили сильные руки.

Кипчаки действовали сноровисто — в центре небольшой лощины между тремя идолами, врыли в землю столб и намертво прикрутили к нему монгола. Но на этом его мытарства не окончились — Кучук едва не взвыл от боли, почуяв, как холодная сталь гвоздей впивается в его ладони и ступни... Распятый, брошенный на верную гибель, едва не

теряя сознание от нестерпимой боли и отчаяния, несчастный вскоре услышал дробный стук удаляющихся копыт – еланцы покидали место кровавой сечи – их путь лежал на юг – в сторону моря Казак и хорезмийской границы...

...Смеркалось... Последние лучи багрового солнца лизнули разбитое лицо изувеченного монгола, и светило скрылось за горизонтом, уходя в сторону Последнего Моря – куда так неукротимо стремилась мечта Небесного Воителя. Взошла луна, и ее мертвенный свет выхватил из тьмы каменные, суровые лики изваяний, беспристрастно взиравших на кровавую тризну, устроенную в их честь. Коршуны непрерывно вились над грудой окровавленных тел, и Кучук знал, что скоро к ним присоединятся наземные охотники за мертвечиной. Также он понимал, что именно изобилие трупов пока еще позволяет ему избежать страшной, медленной смерти от острых, железных клювов пожирателей падали...

Монгол скрипнул зубами и выгнулся дугой на проклятом столбе, сясь вытащить из сухого дерева вбитые гвозди. Однако только кровь сильнее хлынула из его ран и заструилась вниз, натекая в большую багровую лужу. Ветер дул непрерывно, но к счастью, не в сторону пиршества, которое устроили стервятники и присоединившиеся к ним степные шакалы – мерзкие, твякающие, вечно голодные существа – иначе запах свежей крови привлек бы их внимание. Ветер дул в сторону изваяний и монгол молил духов священных прародителей – Бортэ-Чино и Гоа-Марал, чтобы они не допустили перемены ветра. Теперь он висел тихо, пытаясь слиться с гладью столба и не привлечь внимания хищников, увлеченно поглощающих останки монгольского воинства. Но он прекрасно понимал, что это лишь продлит его агонию.

И неожиданно что-то переменялось. Сделав усилие над собой, монгол стряхнул с глаз заволакивающую их пелену пота и крови, с тревогой уставился на каменные лики статуй. А перемены происходили именно с ними. Вот один из идолов шевельнулся – или это только показалось, померещилось воспаленному взору Кучука? О, боги, – каменные изваяния оживали, оживали прямо у него на глазах! Одно из них шевельнуло каменными усами и раздуло отверстия и без того широких ноздрей, будто принюхиваясь к ветру. Да, ветер все же сыграл злую шутку с монголом – без всякого сомнения, запах свежей живой чело-

веческой крови разбудил древних, высеченных в камне воинов от их тысячелетнего сна.

Зловещие желтые огоньки вспыхнули в глубине недавно еще неподвижных зрачков. В следующий миг со страшным треском три идола, будто сговорившись, тронулись с места и покинули вершины курганов, оставив за собой зияющие ямы.

– Бортэ-Чино, спаси! – в ужасе захрипел монгол, отчаянно забившись на гвоздях, совершенно не задумываясь о том, что тем самым он лишь расширяет свои раны, заставляя кровь литься ручьем, что еще больше раззадоривало оживших каменных мертвецов.

Гибель была неминуемой. Казалось, само время застыло в ужасе, безмолвно взирая на жуткое действие желтым оком луны. Коршуны разлетелись и шакалы попрятались в свои норы, поджав куцые хвосты и побросав кровавые ошметки. А Кучук остался один на один с тремя каменными монстрами, которые молча и неумолимо надвигались на него...

Волчий вой прорезал тишину, как удар булатного клинка разрубает медный щит и на мгновение остановил идолов. Неуклюже повернув свои каменные головы, изваяния слепо вытаращились на вырисовывающийся в лунном свете белесый силуэт волка, внезапно возникший на одном из покинутых ими курганов.

Смутная надежда на спасение затеплилась в груди монгола, однако тут же сменилась страхом. Вначале ему почудилось, что это сам легендарный Бортэ-Чино явился к нему в волчьем обличье, дабы спасти своего потомка от неминуемой гибели. Однако он тут же отбросил эту мысль – здесь, за тысячи стрелищ от берегов Керулена, это мог быть вовсе не он, а напротив, – один из тех курганных волков, о которых давеча толковал Сыйла-бий. А стало быть... стало быть, и этот серый хищник пришел по его душу.

Однако в следующее мгновение волк исчез, столь же внезапно, как и появился – будто растворился в ночной мгле – и изваяния все так же равнодушно развернулись и, переваливаясь на каменных ногах, невозмутимо двинулись дальше, протягивая корявые руки к жертве.

Остановившимися от ужаса глазами Кучук взирал на то, как монстры подобрались к нему вплотную – и вот холодные как лед каменные пальцы стиснули его окровавленное тело безжалостными тисками. Острая боль пронзила его конечности в тот момент, когда ожившие каменюки играючи выдрали его тело из пут и гвоздей и подняли вверх, дабы разодрать на части и сожрать...

Неожиданно сильный удар сотряс одного из кровожадной троицы и уже приготовившийся к смерти монгол с изумлением увидел, что каменное туловище прорезала длинная и глубокая трещина. Содрогнувшись, идол разжал пальцы и монгол свалился навзничь, прямо на землю и, не взирая на ужасную боль, терзавшую его, поспешил отползти на безопасное расстояние. А вынырнувший из темноты странный воин в хвостатой шапке продолжал охаживать каменных людоедов тяжелым сукмаром, отчаянно ругаясь.

– Айт, проклятые! – кричал он по-тюркски. – Убирайтесь назад, к своим местам и угомонитесь! Тысячу лет спали – и спите дальше, а я лучше принесу вам в жертву жирного барана!

Но ожившие воины явно предпочитали баранине человека (хотя, вероятно, при жизни они поступили бы наоборот) и потому все так же невозмутимо и упрямо атаковали новый объект, не взирая на град ударов, сыпавшихся на их громоздкие туловища.

Кучук с огромной радостью ринулся бы на подмогу своему неожиданному спасителю, но настолько ослаб от потери крови, что едва ли мог даже пошевелиться и вынужден был беспомощно взирать на бой, который неведомый батыр вел с тремя древними чудовищами. А ему приходилось несладко, однако он и не думал отступать. И все же силы были слишком неравны, и неизвестно чем бы окончилась эта схватка, если бы из тьмы не показалась белая, будто выточенная из слоновой кости рука, схватившая молодого воина за плечо, как бы останавливая его.

– Боскурт! – только и воскликнул воин в хвостатой шапке, при виде высокого, белокожего и черноглазого незнакомца в развевающейся горностаевой мантии. Величавый мужчина, не говоря в ответ ни слова, вышел вперед, и, не выказывая страха, спокойно нагнулся и начертил на земле куском светящегося зеленого мела странные, доселе еще не виденные монголом руны, по всей видимости, очень древние. Судорога исказила каменные лики идолов – и через миг они уже застыли, скособочившись и не подавая ни единого признака своей демонической, призрачной жизни. А удивительный волшебник, по-прежнему молча скрылся в темноте – один взмах горностаевого плаща – и он будто растворился в воздухе.

– Да уж, будет мне работенка, – перетаскивать этих оглоедов на прежнее место! – проворчал воин в хвостатой шапке, переводя дух. Но монгол уже не слышал его, ибо погрузился в бездну черного спасительного забвения...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

МСТИТЕЛЬ

Монгол метался в бреду довольно долгое время; в краткие периоды просветления багровая пелена неохотно сползала с его воспаленных глаз – и каждый раз над ним нависало одно и то же лицо, будто высеченное резцом из цельного куска гранита. Кучук успел разглядеть и запомнить кустистые брови и сверкающий взгляд черных, колючих, пытливых глаз. А затем дергающая, нестерпимая боль в пробитых запястьях и лодыжках вновь давала о себе знать, и тогда единственным спасением было только вновь погрузиться в мир горячечных грез. И изувеченный воин Чингиз-хана, истекая кровью и холодным потом, стонал и ворочался, а черноглазый упорно сидел у его изголовья, терпеливо прикладывая к горячему лбу мокрую тряпицу, и, время от времени, поднося к обметанным губам бурдюк с кумысом...

И наконец наступил тот час, когда Кучук, подчиняясь зову природных часов, сбросил с себя влажную тряпицу и, с трудом, но все же поднялся со своего ложа. Неуверенно, будто мертвец, поднятый из глубин царства Эрлика неким колдуном, он осмотрел свое тело, проснувшееся к жизни: раны продолжали ныть, однако это было уже вполне терпимо. Запястья и щиколотки были аккуратно перевязаны кусками чистой сухой материи, по всей видимости, смазанной неким целебным снадобьем. Довольно хмыкнув, сотник с любопытством огляделся. И хотя перед глазами его еще стоял туман, однако, это не помешало ему увидеть, что находится он в юрте, где из всего обихода только и было, что две травяные подстилки, деревянная посуда, очаг, сложенный из дикого камня, а на крюке висел сайдак, полный отличных длинных прекрасно оперенных стрел.

Давешнего незнакомца нигде не было видно, однако в очаге теплились дрова, – а стало быть, он был где-то совсем рядом. Монгол ух-

мыльнулся – что ж, одиночество ему было совсем не в тягость. Кто знает – какие помыслы у чужака, с какой целью он выхаживал его все эти дни? Неужто из чистого сострадания? Если бы это был соплеменник, все было бы ясно, но ведь оба они принадлежали к народам, которых в обычные времена разделяли тысячи стрелищ... Как бы там ни было, а отсутствие хозяина было только на руку. Монгол сделал над собой усилие и, преодолевая боль и слабость в суставах, поднялся. Покачнувшись, он все же сохранил равновесие и, победно улыбнувшись, сделал шаг вперед. Почувствовав, что вполне может передвигаться самостоятельно, Кучук решительно направился к выходу, намереваясь не терять времени даром и, воспользовавшись случаем, ретироваться, не утруждая себя беседой с хозяином. Он был уже почти у самого полога, как неожиданно его цепкий взор прирожденного мэргэна упал на стрелы, висевшие в сайдаке. Охваченный любопытством, он выхватил одну из них и начал внимательно изучать ее. В скором времени он нашел то, что искал. Стрелу украшало клеймо владельца. Это была искусно вытравленная руническая надпись, своими знаками почти не отличавшаяся от тех, которыми писали кыргызы и уйгуры.

Кучук общался и с теми и другими, знал их языки и их письмо. Теперь он почти без затруднения прочел надпись, которая представляла собой имя владельца стрел и юрты. Она гласила:

Алпар-мститель

Кучук медленно отвел глаза от интригующей надписи и... столкнулся взглядом с давешним незнакомцем в хвостатой шапке, который стоял на пороге юрты и в упор смотрел на него.

– Алпар-мститель – это я и есть! – усмехнувшись, проговорил черноглазый, первым прервав установившееся неловкое молчание. Он говорил на языке кыргызов, что было довольно странным для местного жителя. Будто прочитав мысли продолжающего хранить молчание монгола, Алпар пояснил:

– Я знал одного человека из кыргызов. И он отзывался довольно неласково о вашем народе...

Монгол пропустил мимо ушей последние слова и, наконец, заговорил:

– И кому же ты собираешься мстить, Алпар?

– Человеку, которому обязательно постараться отомстить ты сам! – криво улыбнулся Алпар. – Хотя он и далеко не первый в списке моих врагов. Но все остальные из рода нелюдей. Впрочем, я почти уверен, что и сам Сыйла-бий из их числа. Слишком уж мало в нем от человека, в этом выродке!

– Полностью с тобой согласен! – прорычал монгол, кидая хмурый взгляд на свои изувеченные запястья. – Но давай на время забудем этого негодяя и поговорим о нас. Меня зовут Кучук, а родом я из монгольского племени Сальют. Нами правит великий Небесный Каган, будущий владыка мира. А к какому народу принадлежишь ты?

– Я – башкорт! – отвечал Алпар с видимой гордостью. – Башкорт из племени Бурджан!

– Так это вас называют двуногими волками! – с любопытством протянул Кучук. – Прошлой ночью я и впрямь поверил, что это так! Благодарю тебя – если бы не ты и не твой покровитель, которого ты назвал Боскуртом – мне бы ни за что не выбраться из лап этих каменных уродов!

– С тех пор как я и Боскурт вытащили тебя из их лап, минуло уже три ночи! – рассмеялся башкир. – Я уже думал, что ты и не выкарабкаешься! Но ты крепкий парень!

– Ну и в странную же землю я попал! – пробормотал Кучук. – Люди на глазах превращаются в глиняных болванов и деревянных кукол, каменные изваяния оживают, почуяв запах крови, а волки обращаются людьми и останавливают их с помощью древних заклинаний! В жизни не видел столько чудес за такое короткое время! Даже в Стране Золотых Драконов, славящейся своими колдунами, я не встречал столько ведовства!

– Добро пожаловать в Дешт-и-Кипчак, монгол! – усмехнулся Алпар. – В здешних краях полно демонов и людей, которые с ними на короткой ноге! Проклятый Сыйла-бий – один из них. Это он навел морок на твое войско, подсунув вам вместо воинов глиняных и деревянных кукол. Я думаю, что и пробуждение изваяний не обошлось без его участия. Есть легенда о том, что по ночам духи воинов, в честь которых в древности ставили изваяния, посещают свои каменные образы и справляют мертвецкие тризны. Человеку, заставшему их за этим занятием, может прийти худо... Также есть предание, что если принести идолам человеческую жертву, то на следующее утро они оживут. Но все же я слышал, что только настоящему шаману под силу пробудить мертвецов, спящих под каменными памятниками в древних курганах...

– А как же Боскурт? Кто он – волк или человек? И неужто тут тоже замешан Сыйла-бий?

– Да нет, тут обошлось без него! Боскурту не меньше четырех сотен лет и я сам еще не могу разобраться, кто он – дух, волк или человек! Как бы там ни было – он мой предок и божественный покровитель...

– В его осанке есть что-то, напоминающее мне нашего кагана, – пробормотал монгол, невольно поежившись. – Кем он был при жизни, этот дух?

– Он был последним каганом древнего государства Канг, из которого происходит мой народ... Боскурт пал, защищая от врагов свой престол. С тех пор у нас никогда уже не было кагана...

– Это печально, – сочувственно закивал головой Кучук, – народ без кагана – что стадо без пастуха.

– Наш народ – не стадо! – спокойно ответил ему башкир и Кучук запнулся на полуслове, сообразив, что ляпнул что-то не то.

– Башкиры – свободный народ, – продолжал Алпар, – Мы не подчиняемся никому, кроме Вечного Неба и законов предков. Нами правят самые мудрые из числа родовичей, которые собираются на йыйын и решают все дела сообща.

– Но почему вы не выберете себе одного правителя? – продолжал недоумевать монгол.

– После того как пал Канг, на смену мудрым каганам древности пришли ханы – жирные, ленивые, тупые, жестокие и жадные. Они нещадно обирали и притесняли народ. Последний из них называл себя гордым именем Огуз-хан, но люди прозвали его Угез, то есть Бык. Его сверг один из потомков Боскурта.

– Ну-ка, расскажи мне эту историю! – оживился монгол. Он так увлекся беседой со своим спасителем, что вовсе позабыл о своем намерении убраться прочь.

– Обязательно расскажу... если ты останешься моим гостем... хотя бы до тех пор, пока не поправишься окончательно! А пока – возвращайся-ка в свою постель – ты еще не окреп настолько, чтобы разгуливать пешком по степи. Ложись, ложись, – а я пойду приготовлю обед. Я только что подстрелил здоровущего зайца...

Алпар с улыбкой смотрел на то, как изрядно оголодавший монгол уплетает жареную дичь, обжигаясь и с наслаждением причмокивая.

Когда Кучук наконец покончил с трапезой, молодой башкир подал ему тустак кумыса и монгол осушил его залпом.

– Давно так не ел, – признался он своему гостеприимному хозяину, – в наших походах мы питались одной вяленой кониной и коротом.

– Стоит ли подвергать себя таким лишениям? Во имя чего?

– Во имя великого будущего! – порывисто воскликнул монгол. Глаза его засверкали – казалось, он даже позабыл о своих ранах. – То, что мы питаемся солониной и спим, завернувшись в попону, положив голову на жесткое седло – сущая ерунда! Придет время – и каждый монгол облачит своих жен в шелка и куньи меха. Когда война закончится, и мы дойдем до Последнего моря, то наш народ станет править всем миром. Уж тогда-то мы будем богаты как никогда и никто! А пока – пока можно и потерпеть...

– Стало быть, во имя своего будущего вы не щадите ни себя, ни других?

– Так угодно Великому кагану! – нимало не смутившись, ответил монгол.

– Мне кажется, что в свое время ваш каган хлебнул немало горя, если теперь, ради своего величия готов потопить в крови весь мир... – покачав головой, заметил Алпар и осекся. Глаза Кучука полыхали гневом.

– Не смей оскорблять нашего Священного Правителя, чужеземец! И знай, что только то, что ты выручил меня из беды, спасет тебя от смерти! – воскликнул он. В следующий момент он повалился наземь, корчась от приступа нахлынувшей боли. Алпар, ни слова не говоря, бережно приподнял его и уложил на постель.

– Ладно, забудем. Я не хотел оскорблять ни тебя, ни твоего кагана! И все же мне жаль перерезанных вами меркитов! – проговорил башкир.

– А моих воинов разве тебе не жаль? – спросил у него Кучук.

– Их мне тоже жаль, хотя, если честно, они получили по заслугам. Вы ведь явились сюда как захватчики! Воистину, род людской охвачен безумием! Змея по-прежнему правит миром, как и тысячелетия назад, и люди приносят друг друга в кровавые жертвы ей на потеху! – с горечью отвечал Алпар.

– О какой Змее ты говоришь? – монгол подался вперед.

– О той самой, что кольцом опоясала весь мир и держит его будто в тисках, – отвечал Алпар, задумчиво глядя на огонь. – Век за веком древнее чудище усиливает свою хватку, дабы раздавить Землю, будто гнилой арбуз. И она давно бы это сделала, если бы время от времени

смелые люди не вонзали в ее тело меч... Теперь вновь пришла пора для решающей схватки.

– Змея, свернувшаяся кольцом и кусающая свой хвост, – прошептал Кучук, – с недавнего времени ее символ появился и в ставке нашего кагана. Змеепоклонники из племени Кай и кара-катаи насаждают этот культ среди монголов. И наш каган не перечит им, ибо считает, что все религии угодны Небу...

– Но только не змеиный культ! – рассмеялся Алпар. – Ваш каган совершает большую ошибку. Иначе он никогда бы не допустил в ряды своих соглядатаев такого негодяя как Сыйла-бий...

– Что?! – монгол не верил своим ушам. – Сыйла-бий служит Чингиз-хану? Чуть!

– Но тем не менее, это – правда! – тихо ответил Алпар и монгол понял, что он не врет.

– Пусть так – но зачем ему понадобилось убивать всех моих воинов? – воскликнул изумленный Кучук. – Ведь перед тем как бросить меня на погибель, он все уши прожужжал о том, что защищает северные границы Хорезма!

– Нет пределов коварству сильных мира сего! Сыйла-бий – наймит вашего кагана и был им еще год назад, – ухмыльнулся Алпар. – Это благодаря ему и еще одному негодяю из Мавераннахра окончилось неудачей наступление меркитов. В тот день, когда я услышал их беседу мне было совсем не до войны на востоке – меня эти мерзавцы закопали в песок по уши, но слова «хорезмийских пограничников» о скорой победе Чингиз-хана тем не менее запали мне в душу. А уничтожая твой отряд, Сыйла-бий по всей видимости, исполнял всего лишь еще один приказ Чингиз-хана. Очевидно, ему понадобился повод для нападения на Хорезм... А угробить ради такого дела сотню-другую своих воинов для вашего кагана, по всей видимости, все равно что осушить тустак кумыса. А Сыйла-бий не спроста оставил тебя недобитым – на тот случай, если ты все же выживешь и доберешься до своих, то ты должен будешь обязательно поведать им о нападении хорезмийцев. Так-то вот, сотник Кучук! Хорошенько подумай о своем кагане прежде чем возвращаться к нему!

Монгол молчал. Некоторое время он лежал неподвижно, напряженно размышляя. Наконец он заговорил:

– Если Чингиз-хан решил так – значит так было угодно Небу и я не вправе осуждать его. Как бы там ни было – а мои воины погибли не зря, а во имя нашего государства и его грядущего величия. Это их

долг и его они выполнили до конца. Но если я встречу проклятого змеепоклонника на прямой дорожке – то пощады ему не будет!

– Вот уже второй человек из тех, кого я знаю, желает смерти этому ублюдку! – усмехнулся Алпар. – Думаешь зря что – ли я покинул свои родные края и бродил как бесприютный пес по диким степям? Я неустанно выслеживал Сыйла-бия, с тех пор как вернулся из страны Булгар...

– Что же ты не отправился вслед за ним? Из-за меня что ли? – полубопытствовал монгол.

Алпар неопределенно хмыкнул и, пробормотав что-то невнятное, нагнулся, чтобы подбросить в огонь хвороста. Наконец, повернувшись к ожидающему ответа монголу, он улыбнулся и промолвил:

– Ну не мог же я бросить тебя здесь умирать...

Однако по его глазам Кучук понял, что башкир сказал ему далеко не все...

Для выздоравливающего Кучука, дни, проводимые в юрте Алпара, разбитой на пустынном берегу Иргиза, тянулись мучительно долго. Монгол изнывал от вынужденного безделья, маясь от скуки, в то время как его гостеприимный хозяин целыми днями пропадал в степи и приходил только под вечер и всегда не с пустыми руками. Он был умелым охотником и свежее мясо шло на пользу выздоравливающему. Однако подлинным лекарством для тоскующего сотника были длинные ночные беседы с Алпаром, которые они вели, сидя у догорающего костра. Теперь он неплохо изучил своего спасителя и искренне жалел, что этот молодой, полный сил отчаянный парень, немало хлебнувший лиха – не монгол. Да, Алпар был достоин того, чтобы стать воином Священного Правителя! Как порой бывает несправедлива судьба. Стоило ему родиться на несколько тысяч стрелищ восточнее, на берегах Онона или Керулена, – и тогда, возможно, они были бы боевыми товарищами.

Кучук искренне сожалел о горькой судьбе Алпара, узнав о том, как безжалостный рок и злобные налетчики разлучили его с любимой, а иногда взирал на своего нового товарища с суеверным почтением, особенно когда разговор заходил о таинственном покровителе молодого башкира – Боскурте. Поводов для недоверия у Кучука не было – ибо ему довелось узреть загадочного призрака своими глазами...

В один из вечеров, Алпар исполнил свое обещание и поведал монголу старинную легенду о юноше, которому его народ был обязан своим избавлением от тирании злобных ханов.

– В тяжкое лихолетье нашим народом правил Огуз-хан, прозванный Угезом. Никто не ведал – почему его так называли, однако ходили слухи о том, что так воскликнула старая повитуха, принимавшая роды у его матери. Впрочем, глупая баба поплатилась за свой длинный язык – в ту же ночь ей отрубили голову. А народу было объявлено о том, чтобы никто не смел, – под страхом смерти произносить прилюдно это прозвище. Шли годы, Огуз вырос и стал ханом. Его дед и отец славились своим тяжелым, крутым нравом, но этот правитель намного превзошел их. Он был кровожаден как взбесившаяся гиена-сыртлан, алчен как песок и похотлив как боров. Его любимым развлечением было засылать в народ соглядатаев, которые высматривали – не готовится ли где свадьба? И если невеста была хороша собой, то черноликые наемники похищали девушку и доставляли ее на потеху царственному сластолюбцу.

Не стерпев горя несчастные женихи и родители опозоренных невест в гневе проклинали при всем народе Угеза – Хана Бешеного Быка! Но на следующий же день эти люди исчезали бесследно...

Страх и ужас воцарились в народе, наложив печать молчания на их уста. Люди согласны были терпеть издевательства, лишь бы остаться в живых. И когда казалось, что нет никакой надежды на избавление от тирана, объявился этот мальчишка-пастушок. Его звали Курай – почему, никто не ведал; история этого имени уходила во тьму веков. Юноша жил на берегу реки Идель в бедной хижине со своей старухой-матерью. Но, несмотря на свою бедность, был он весел и смел. Он прилюдно поклялся на майдане, что вызнает тайну прозвища Быка-хана.

И скоро ему предоставился такой шанс. На рассвете следующего дня за ним прибыли стражники и велели ему собираться в дорогу. А к тому времени в доме у пастушка не осталось никакой еды, кроме единственной лепешки из лебеды, которую его мать замесила на собственном молоке. Ее-то и дала она в дорогу своему сыну, которого уже и не чаяла больше увидеть...

Курая привели в ханский дворец. Угез-хан встретил его, восседая на золотом троне, разодетый в пышные, богатые одежды. Это был огромный, тучный человек со злобным, тяжелым взглядом налитых кровью глаз – совсем как у настоящего быка... При виде юноши он рассмехался и сказал, точнее, проревел, ибо голос его был также подобен

бычьему:

– Я слышал, что ты мечтаешь узнать о том, почему меня называют Быком? Что ж, ты узнаешь мою тайну... как и другие дерзновенные... Смотри же, малай! – с этими словами хан снял с ног свои расписные сапоги, а с огромной будто казан головы высокую бобровую шапку, украшенную драгоценными камнями (с ней он не расставался ни днем ни ночью). И Курай застыл, пораженный.

Кривые ноги хана поросли густой пегой шерстью и вместо ступней заканчивались безобразными копытами, а его низкий, сморщенный лоб украшала пара рогов, настоящих бычьих рогов.

– Теперь ты знаешь мою тайну, Курай. – невесело усмехнулся хан-рогносец. – И, поскольку тебе все равно суждено принять лютую смерть, то я расскажу тебе свою печальную историю...

Старый Кара-хан, мой предшественник, был большим нечестивцем и всю свою юность провел в объятиях блудниц. Он настолько погряз в разврате, что боги прогневались на него и наказали его бесплодием... Настали дни, когда жизнь хана стала клониться к закату, и стало ясно, что государству нужен наследник – любой ценой. Тогда отчаявшийся хан послал свою молодую жену (она была седьмой по счету, остальных он свел в могилу своим самодурством) в священную рощу, посвященную Эрлику – богу подземного царства. В тот день в его честь было устроено грандиозное жертвоприношение. Было зарезано десять тысяч быков. Разрубленные части их туш развесили по деревьям в роще, и здесь же моя мать заночевала, в полном одиночестве... Посреди ночи ее разбудил страшный рев. Огромный бык с огненными глазами набросился на нее и овладел ею. С той ночи ханша понесла... Родился, как ты уже догадываешься я – несчастный урод, жертва капризных богов. Мои родители обращались к помощи сотен знахарей и шаманов, но никто из них не помог. Лишь один из них, самый мудрый поведал о том, что Эрлик остался недоволен жертвами. Надо было резать не быков, а десять тысяч людей. Шаман посоветовал постоянно приносить в жертву людей – быть может, тогда суровый бог смилуется, и я стану нормальным человеком. С тех пор я только и делаю, что убиваю людей, пытаюсь умиловать моего злобного отца... А теперь и для тебя, Курай, настала пора прощаться с жизнью... Но перед смертью я исполню любое твое пожелание. Говори прямо – желаешь ли ты красивых женщин, обильного пиршества, дорогих заморских вин? Я все исполню, ибо при моем дворе воля смертника – закон. Кто знает, быть может, твоя смерть смягчит Эрлика и я, нако-

нец, избавлюсь от уродства...

– Мне ничего от тебя не надо, – отвечал юноша, – дозвожь только перед смертью в последний раз отведачь материнской лепешки...

– Что за странное желание! – рассмеялся хан. – Но если ты настаиваешь на этом – пожалуйста! Но только дай и мне кусочек – я хочу отведачь еды, ради которой ты отказался от изысканных яств с моего стола.

И хан разделил трапезу Курая и восхитился необыкновенным вкусом лепешки.

– В жизни не ел ничего вкуснее! – воскликнул Угез. – Поведай же мне скорее, из чего твоя мать испекла ее?

– Испекла ее она из лебеды, замесив на своем собственном молоке, – отвечал юноша.

– Проклятье! – взревел хан. – Теперь я не могу убить тебя, поскольку мы – молочные братья. Но ради всех богов – поклянись мне сердцем своей матери, что никому не выдашь моей страшной тайны! И тогда я отпущу тебя на свободу!

Юноша поклялся. Хан отпустил его на свободу, однако, поскольку он все же не доверял ему, то поступил подло и жестоко со своим молочным братом. Нукеры Угеца отвезли юношу в далекую безлюдную местность и бросили его там, на произвол судьбы... Это была очень красивая страна, где были величественные горы, раздольные зеленые луга, тенистые рощи, реки и озера с чистой, хрустальной водой. Но не было в ней ни единой живой души, с которой можно было бы перемолвиться хотя бы словом. Много дней бродил юноша один-одинешенек, проливая горькие слезы. Поскольку не мог он охотиться из-за отсутствия оружия, то питался он лишь одной лесной ягодой, которую так и называют с тех пор ягодой Курая. И в одну ночь набрел он на луг, где рос необычный поющий тростник. Потрясенный юноша как зачарованный слушал песни тростника и вспоминал своих родных, близких, свою мать... Затем, подчиняясь зову сердца, он вырезал из тростника дудочку и принялся наигрывать на ней прекрасные мелодии.

И случилось чудо – на звуки поющего тростника из леса вышел белый волк, который преклонил голову перед Кураем, а затем вывел его прямо на родину. Вернувшись к своим, юноша принялся наигрывать на дудке – и в тот же миг людям все стало ясно.

– У хана бычьи рога! Он ублюдок темного Эрлика, а не сын нашего старого Кара-хана! Он не имеет права занимать престол! – в один голос воскликнули люди. Так тайное стало явным, хотя Курай и не ска-

зал прямо о тайне своего названного брата. В тот же день проклятый Угез-хан был свергнут с престола разгневанным народом и изгнан из пределов страны.

Однако и сами люди не захотели больше оставаться в земле, где им довелось испытать столько горя. Они решили – старая династия оборвалась, а нового хана над ними больше не будет, и зажили свободной жизнью. А затем Курай увел свой народ в Страну Поющего Тростника, где было так много сочной травы для скота, чистой воды, сладкого меда в дуплах деревьев. А из поющего тростника с тех пор делают дудки и называют их кураем... – молодой башкир умолк и, не говоря более ни слова, отпил большой глоток кумыса. Воцарилась тишина. Монгол зачарованно глядел на пламя, по-прежнему находясь под обаянием древней легенды. И в этот миг до слуха компаньонов донесся еле слышный стон. Сомнений не было – где-то в степи находился человек, и человек этот взывал о помощи. Не прошло и пол-вздоха, а Алпар уже был на ногах. Молниеносно схватив колчан и лук, приторочив к поясу тяжелый сукмар, он бросился к выходу из юрты.

– Жди меня здесь! – бросил он монголу и растворился в ночном мраке...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В СТРАНУ ПОЮЩЕГО ТРОСТНИКА

– Нашел дурака! – негодуяще фыркнул Кучук, вскакивая со своей постели. – Неужто он и в правду думает, что я буду тут сидеть как трусливая баба! Ну, уж нет! – пошарив глазами по юрте, он нашел насапожный нож впопыхах оставленный Алпаром и, заткнув его за голенище, решительно направился к выходу из юрты...

Высочив наружу, он огляделся по сторонам – Алпара уже не было видно. Лошади, однако спокойно паслись у юрты, расседланные и стреноженные – стало быть башкир ушел пешком. Да ведь и возглас раздался совсем рядом. Но куда же он делся?

Неожиданно зоркий глаз монгола выхватил из тьмы яркую точку огня, похожую на крупного светляка. Без всякого сомнения, это и был Алпар, освещавший себе путь факелом. И двигался он вдоль заросшего густым камышом берега. Монгол устремился за ним. Факела он решил не брать, полностью полагаясь на свою рысью зоркость. И она не подвела его.

Кучук быстро шел вдоль берега следом за удаляющимся огоньком, уверенно, будто при свете дня. Глаза его выхватывали из тьмы даже следы Алпара, глубоко врезавшиеся в илистый берег и на всякий случай монгол старался ступать точно на их отпечатки. Неожиданно стена камышей резко оборвалась и перед монголом предстала удивительная картина:

Прямо на берегу Иргиза, на небольшой лужайке меж камышей стоял небольшой шалаш. У самого входа в него лежал человек, который то и издавал стоны. Приглядевшись к нему, монгол едва не вскрикнул от неожиданности – это был Турумтай, проклятый меркит, весь израненный, но живой, тот самый Турумтай, чье бегство едва не стоило ему, Кучуку, жизни!

Однако не только это остановило Кучука и заставило его замереть на месте, слившись с камышами в единое целое. На луговине шла схватка. Сражались Алпар и неведомое существо, облепленное болот-

ной тиной и, время от времени издававшее невнятное, злобное мычание. Существо в действительности напоминало корову, точнее быка – на ум Кучуку тут же пришел Угез-хан.

Будто по странному совпадению с легендой, на лбу твари торчали изогнутые рога, голова и торс походили на человеческий, но кривые, поросшие шерстью и оканчивающиеся раздвоенными копытами ноги, а также длинный хвост с кисточкой, не оставляли никаких сомнений: то был нелюдь, демонический обитатель прибрежных камышей.

Монстр, свирепо вращая налитыми кровью глазами, пытался пробуравить противника своими острыми, как бритва, рогами, но гораздо более поворотливый Алпар с легкостью уворачивался от его неуклюжих выпадов и тут же охаживал чудище хорошим ударом сукмара по сторбленной спине или же обжигал его факелом. Демон, тем не менее, довольно легко выдерживал удары, каждый из которых оказался бы смертельным, будь на его месте человек. У этого же уroda шкура гудела как барабан, – только и всего. Но вот с огнем было сложнее – чудовище явно не переносило его и каждый новый ожог, наносимый ловкими руками Алпара, встречало тоскливым воем. Наконец трусость одержала верх над злобой и болотный монстр, поджав хвост, с шумом и треском ломая камыши, бросился наутек. Вслед ему несся залиvistый победный свист Алпара. Сплюнув в сторону бежавшего врага, башкир повернулся к раненому меркиту, и нагнулся над ним. Монгол с досадой увидел на лице недавнего собеседника выражение тревоги и участия по отношению к своему лютому врагу.

– Проклятый Угез-хан! – пробормотал башкир, с легкостью поднимая на руки довольно здорового мужчину. – Не к добру я его помянул, – вот он и пожаловал за своей жертвой! – с этими словами он втащил полубесчувственного меркита в шалаш. В следующий миг монгол бесшумной тенью метнулся к шалашу и, разыскав отверстие в его ветвистом остоле, прильнул к нему, обратясь во слух.

А внутри шалаша Алпар хлопотал вокруг раненого меркита. Наконец Турумтай прекратил стонать и, тяжело дыша, проговорил:

– Ты вовремя подоспел, Алпар! Этот урод уже волок меня в свое логово, чтобы попировать мною! И все из-за этого проклятого монгола! (при этих словах Кучук, сидевший в своем укрытии, яростно оскалится).

– Обхаживаешь его, а лучше бы прикончил на месте, этого желтого пса!

– Но он такой же раненый, как и ты! – возразил ему Алпар.

– Ты пригрел змею за пазухой! – упорствовал меркит. – Монголы упрямы и жестоки! Они очень опасны! Не зря говорят у нас, на Востоке: «Пусти монгола в дом – и он ограбит тебя до нитки; сделай его своим другом – и он потребует твою жизнь». Они и до вас доберутся, помани мое слово!

– Может быть, ты и прав, Турумтай, – отвечал Алпар, – но я не мог бросить его умирать, не мог оставить его на съедение каменным идолам! И, согласишься, глупо убивать человека, которому ты спас жизнь!

– Оказать милосердие монголу – то же, что и сохранить жизнь ядовитой змее, – не унимался Турумтай, – ты, верно, не слыхал притчу о человеке, спасшем змею от гибели? Так вот, эта самая змея в знак благодарности ужалила его и искренне считала, что оказала ему этим большую честь!

– Он – монгол, но прежде всего он – человек, – невозмутимо промолвил башкир, – человек, а не змея. Люди должны забыть о своей вражде и стать друг другу братьями, – а иначе Змея действительно зажалит нас всех до смерти...

– В этом ты прав, – наконец-то согласился Турумтай. – Змеи наступают на наш мир, стальной хваткой сжимая нам, людям, горло. Пришла пора вновь братья за меч.

– Меч Урала? – понизив голос, прошептал башкир.

– Он самый! – кивнул меркит. – Нам необходимо завтра же, с утра отправляться в путь!

– Но ты еще слишком слаб! – возразил Алпар. Однако меркит был непреклонен.

– Я выдержу, не сомневайся! А если я и умру, то останется карта – карта Древних, на которой указан путь в Подводное Царство Змеелюдей. Я не зря берег ее как зеницу ока – будто чуял, что она рано или поздно пригодится мне! Мой несчастный отец, Токтабек, передал ее мне, прежде чем отправиться в бой, ставший для него последним... Гадание не обмануло меня – ты действительно избранник Тенгри и достоин того, чтобы поднять Меч!

– Но сначала его надо добыть! – воскликнул Алпар.

– Я не сомневаюсь в тебе! – слабо улыбнулся меркит. – Ну, так как – мы выезжаем или нет? Или ты собираешься и дальше зализывать раны этому монгольскому псу?

– Он уже достаточно здоров, чтобы позаботиться о себе, – отвечал Алпар. – Твои раны оказались серьезнее, но и они, надеюсь, скоро затянутся! Да, конечно – мы выступаем на рассвете!

Когда Алпар вернулся в свою юрту, то увидел, что монгол мирно дремлет, прикорнув у теплого очага. При звуке шагов он лениво поднял голову и нехотя протянул:

– Долго же ты ходил! Кто там был?

– Угез-хан! – рассмеялся башкир. – Знать, не к добру я припомнил его имя, вот он и вылез из своей берлоги. Я не успел рассказать тебе о том, что когда Угез-хана изгнали из дворца долой с человеческих глаз, то он нашел себе пристанище в зарослях тростника на речном побережье. Там он окончательно одичал, озверел, однако до сих пор надеется, что его отец смилуется над ним и потому убивает и пожирает людей при первой же возможности. А чтобы привлечь к себе внимание, он частенько подделывает голос. То женщиной прикинется, то ребенком заплутавшим, или воином раненым...

– Да неужели он до сих пор жив, этот нелюдь? – удивился Кучук. – Сколько лет минуло с той поры, как его изгнали?

– Лет двести, а то и более, – отвечал Алпар, – но не забывай, что он сын Эрлика, а стало быть и сам что-то вроде мелкого божка. Кровавого и зловерного. Но я быстро прогнал его восвосяси...

– Не сомневаюсь, – буркнул монгол, однако ничего не подозревающий Алпар не заметил иронии, промелькнувшей в голосе его гостя.

– Давай-ка спать! – предложил он, широко зевая. – Намаюсь я за день! Надо выспаться! Завтра с утра выступаем в путь!

– Это куда же?

– Кто куда, – усмехнулся башкир. – Ты, если желаешь, вернешься к своим, а если нет – то поезжай на запад. Там немало всяких чудес, много богатых и веселых городов. Там живут самые разные народы... А я – уж не обессудь, – возвращаюсь на родину!

– А именно? – поинтересовался монгол.

– В Страну Поющего Тростника – в Башкортостан! – ответил ему Алпар...

На следующее утро – едва рассвет окрасил багрянцем воды Ирги-за, – башкир и монгол уже засобирались в путь. Юрта была свернута и приторочена к седлу запасной лошади Алпара. Третью свою лошадь юноша отдал монголу. Два воина обнялись на прощание – Алпар со-

вершено искренне и по-дружески прижал монгола к груди. Воин Чингиз-хана ответил ему тем же, однако, в глубине его прищуренных глаз таились огоньки недоверия и тщательно скрываемой обиды.

– Поедешь к своим? – полюбопытствовал башкир.

– Да, пожалуй, – отвечал Кучук. Алпар покачал головой.

– А может тебе все же стоит отправиться на Запад?

– Я еще побываю там! Недолго осталось ждать... – многозначительно ухмыльнулся монгол и, повернув коня на восток, поскакал прочь, не оборачиваясь. Алпар же долго глядел ему вслед...

Весело щебетали птицы и березы уже оделись в нежно-зеленый наряд, вербы опушили свои ветви в долине Агидели – весной, цветущей юной весной встречал Башкортостан Алпара и его спутника. По неволе юноше вспомнилось, как год назад, вот такой же весной он вез к себе на родину прекрасную суженую... Как теперь распорядится с ним судьба? Не крадется ли снова по его пятам коварный и злобный враг?

Именно поэтому Алпар был особенно осторожен – каждую ночь, на привале, когда выздоравливающий меркит забывался сном, он подолгу сидел у костра, напряженно вглядываясь в темноту. Но чернеющая темнота хранила молчание, лишь изредка напоминая о себе хрустом валежника под оленьими копытами, хриплым мяуканьем охотящейся рыси, не осмеливающейся выйти на свет костра, или отдаленным волчьим воем. Тогда уходили прочь мысли об опасностях, таящихся во тьме, и на память приходил Боскурт – величественный и таинственный дух, воплотивший в себе всю память о поколениях могущественных предков... Алпар свято верил в то, что теперь, когда его хранит добытый дорогой ценой талисман – адамант Канга, и Боскурт, вновь обретший свой дар перевоплощаться в человека – ему не страшен никакой враг. И бережно поглаживая ладанку с зашитой в нее драгоценностью, юноша, наконец, отдавался дреме, отходя ко сну здесь же, на земле у догорающего костра. И ночь глядела на него звездными глазами Каныкей – такой далекой и желанной...

...Приблизившись к главному Уральскому хребту, странники не

стали выезжать к становищам башкирских родов, кочующих поблизости, а углубились в поросшие лесными чащобами горы, туда, где в дремотной тишине вековых елей таилась древняя дорога Конгур-Буги – Пегой Коровы. Это была дорога предков. Тысячелетия назад по этой дороге везли на юг и на запад золото, медь и сталь из потаенных зауральских рудников, которые, согласно древним легендам, сторожили птицеглавые безмолвные львы, чудовища, и с которыми вели нескончаемую войну могучие великаны Алпы... Со временем караванные пути переместились к западу, и дорога Конгур-Буги осталась в забвении. Однако старики знали – только этим путем можно достичь заветной страны Алпов, среди бесконечных ущелий и скал которой и таилась заветная пещера, через которую Алпар намеревался попасть в Подводное Царство владыки змееголовых нелюдей Шульгана.

Теперь он точно знал – само Вечное Небо направило их стопы друг к другу – его и меркитского царевича, наследника погибшей страны. Совсем не случайно именно он вручил ему бесценный дар – прекрасную Каныкей и теперь поведал ему об этой карте Древних. Это был обрывок полуистлевшего пергамента из фолианта несказанно древней эпохи. Токтабек, покойный отец Турумтая, получил его от своего шамана. Умирая, старик сказал следующее своему владыке:

«– Я много пострадал по свету и собрал много чудесных и удивительных вещей. Но этот обрывок карты – самый дорогой из них. Я добыл его на берегу далекой отсюда Яшиль-Огюз – Великой Желтой Реки, что протекает по землям чинов. Почти тысячу лет назад змеепоклонники из народа Хэлянь жили в тех местах, строили там свои храмы, в которых поклонялись Великому Змею. Там, у алтаря они хранили свои самые бесценные реликвии, дошедшие до них от их предков – древних жрецов, в незапамятные времена изгнанных из знойной Страны Каменных Курганов. Среди них была и эта карта. Но пришел час – и враг одолел их столь внезапно, что змеепоклонники бежали, побросав все свои святыни. Храм Змея был разорен, но кое-что уцелело и хранилось в местном буддийском монастыре. У одного из таких монахов – бритоголовых, облаченных в длинные желтые одеяния, оторванных от мирских забот, я и выменял клочок этой карты на часть берцовой кости самого царевича Гаутамы, который я приобрел в Тибете. Очевидно поклонник Будды с помощью этого осколка надеялся приблизиться к нирване в своей следующей жизни... Как бы там ни было, а у меня в руках – небольшая часть целой змеиной империи, сохранившийся с той эпохи, когда змееголовые еще правили нашим

миром. Там, на северо-западе, в горах Алпов, в глубине пещер, в подземной бездне Апсу, из которой некогда вышла праматерь всех змей и драконов Тиамат, и таится последнее прибежище змеелюдей. Повелитель этих нелюдей хранит в своем царстве волшебный алмазный меч, похищенный им у людей в незапамятные времена. Согласно древним предсказаниям этот меч когда-нибудь покончит со змееголовыми навсегда... Храни же сей пергамент, о, владыка, как зеницу ока и старайся не допустить того, чтобы он попал в руки змеепоклонников...»

Такую удивительную историю поведал Алпару Турумтай после того, как юный башкир рассказал ему о своей заветной мечте – добыть Меч Урала и отомстить нелюдям. Это было настоящее чудо, когда Турумтай показал Алпару карту, на которой был указан самый прямой путь в Царство Шульгана!

Воистину само Небо – Тенгри вело его прямо туда! Таков был второй дар меркита – и теперь-то уж Алпар был совсем не намерен потерять его. Путешественники с каждым днем приближались все ближе к цели своего путешествия, удаляясь все дальше и дальше от людских поселений и углубляясь в такие дебри, в которые опасались забредать даже самые отчаянные охотники-следопыты. Где-то здесь, в этих лесных горных долинах уже начинались владения Алпов...

ГЛАВА ПЯТАЯ

ТЕ, ЧТО ПРИХОДЯТ НОЧЬЮ

Турумтай постепенно поправлялся. Несмотря на дальнюю дорогу и тяжелые раны, он теперь уже не лежал безвольно на седле своего коня, привязанный для надежности к стремянам, а гордо восседал на нем, как и подобает благородному меркитскому царевичу. И пусть государство его отца погибло, равно как и весь его народ – но последний из меркитов хранил присутствие духа. На лицо его еще не вернулся румянец, но раны уже затягивались. Вероятно живительный уральский воздух действовал на него благотворно. А самому Турумтаю места по которым он ехал, были явно по душе. Привольные зеленые луга, дремучие леса, живописные горные речушки, в которых плескалась серебристая форель – смотреть было на что.

– Благословенный край! – однажды не сдержавшись, воскликнул меркит. – Я и не думал, что когда-нибудь мне удастся узреть подобную красоту.

– Еще бы! – улыбаясь, ответил Алпар. – Ведь это же Страна Поющего Тростника! Это моя родина!

– Только вот самого-то поющего тростника я еще и не встречал! – со смехом отвечал ему меркит. – И мне уже начинает казаться, что все это – не более чем небылица!

– Ничего, еще увидишь, – пообещал ему башкир, – и услышишь...

Той же ночью, разбив юрту у берега очередной речушки, катившей свои шумные воды меж седых утесов, Алпар вместо того чтобы лечь спать, повел Турумтая смотреть на поющий тростник. Он привел его на ночной луг и меркит с удивлением заметил, что от слегка колышущихся под легким дуновением ветра семиглавых венчиков стройных растений, исходит еле заметное серебристое сияние. Вышла полная луна и заросли курая засветились еще сильнее – Турумтай смог разглядеть даже хрустальные капельки росы, застывшие на их листьях. Ветер подул сильнее – и тростник действительно запел! Щемящая сердце мелодия, напоминающая одновременно дружное жужжание

пчел, собирающих взятки с липовых цветов по весне и прощальную осеннюю песнь журавлей, улетающих на юг, казалось исходила из самого сердца растений. И меркит с замирающей от восторга душой слушал их песню.

Возвращались в свой лагерь Алпар и Турумтай молча. Меркит еще находился под впечатлением песни тростника и его спутник, догадываясь о том, что в душе Турумтая бушует целый ураган различных чувств, тактично не заводил разговора. Впрочем, через некоторое время молчание прервал сам меркит, который, неожиданно остановившись, схватил Алпара за руку и прошептал:

– Раны мои затянулись, но душа кровоточит... С меня как будто бы сняли кожу! Да будут прокляты Чингиз-хан и его хищная свора, которая лишила меня Родины и отца! Не зря говорят про него, что он родился на свет, сжимая в руке сгусток крови! Уже в десять лет он лишил жизни своего родного брата, позавидовав тому, что на рыбалке у него клевало лучше! И с тех пор он только и делает, что сеет повсюду смерть и разрушения! Он вырезал татар, вырезал меркитов, сделал рабами кыргызов... Башкир, прислушайся к моим словам и запоминай их – скоро на ваши земли придет большая беда. Ураган надвигается с востока и никто не в силах остановить его. И тростник напел мне сегодня именно об этом! Птицы и животные первыми чуют приближение бури – точно так же, как и ваши вещие растения предупреждают об этом. Пройдет год, другой, – и монголы явятся сюда всей своей огромной ратью. Они не оставят и камня на камне. Все изменится в подлунном мире. Города станут пылью, бурьян покроет места богатых селений, человеческие кости будут белеть на караванных дорогах... И я умоляю тебя – если тебе дорога твоя земля, дорог твой народ – призови своих соплеменников к объединению перед лицом врага. Но не одни лишь башкирские роды должны объединиться. С вами должны вступить в союз и кипчаки и болгары и хорезмшах. А иначе монгольские псы перережут всех по одиночке, как это уже случилось с меркитами, татарами и кыргызами. Забудьте все ваши распри! Помните, что все вы – одной крови, что все вы – тюрки!

– Я помню об этом, – ответил Алпар. – история наша теряется во тьме времен, но когда-то, в глубине веков, все мы вышли из одного колена... И только единение может спасти нас – отпрысков праотца

нашего – великого Тора. Можешь не сомневаться, – везде, где только звучит тюркская речь, везде, где только живут сыны Тора, я буду будить в их сердцах память их предков и призывать их к единству. Для этого у меня есть надежное средство! – и с этими словами башкир показал меркиту свежесрезанный стебель курая.

– Ты прав, – заметил Турумтай. – Эта музыка все говорит без слов! Не расставайся же с этим источником правды, башкир! Глядя на тебя, на сердце у меня становится легче! Мне почему-то кажется, что даже если сбудутся все мои самые худшие пророчества и кованая пята монгольского владычества опустится на земли Урала и Идела, то все же имя тюрков не погибнет! Они еще поднимутся из пепла, как подымается гибкая лоза, согнутая ураганным ветром!

– А я в этом и не сомневаюсь! – обнадеживающе улыбнулся ему Алпар. И, обменявшись понимающими теплыми взглядами два тюрка, родившихся на берегах рек, которые отделяли друг от друга бескрайние степи, дремучие леса и высокие горы, продолжили свой путь.

Уже подойдя к самой юрте, башкир и меркит неожиданно остановились и, не сговариваясь, потянулись к рукоятям мечей. У входа в их жилище горел костер, и возле него, к ним сгорбленной спиной, а лицом к огню, сидел неизвестный.

Переглянувшись, Алпар и Турумтай, выхватили клинки и, крадучись начали подбираться к незваному гостю, надеясь застать его врасплох. И в этот момент он обернулся.

– Боги! – в один голос воскликнули спутники.

На них глядело невероятно сморщенное, высохшее и почти черное, будто обуглившаяся головешка, лицо отвратительной старухи. Седые свалывшиеся космы беспорядочно спускались на впалую, изможденную грудь, узловатые, мозолистые руки и ноги с огромными, будто вспухшими, и как-то по-чуждому вывернутыми ступнями... Но больше всего поражали глаза старой ведьмы – огромные, тускло мерцавшие, они мрачно глядели на застывших от недоумения башкира и меркита, из-под мощных надбровных дуг, будто два огонька, зажженных в глубине пещеры. Крючковатый, мясистый нос, свисавший почти на самую челюсть, выдававшуюся вперед, будто у обезьяны и уши, похожие на крылья нетопыря – огромные, оттопыренные, с мерзкими клочьями седой шерсти в раковинах, и заостренные на концах – еще

более усиливали впечатление ее невероятного, почти нечеловеческого уродства. Кроме того, мерзкая тварь была на удивление волосата – седая жесткая шерсть росла у уродины даже на ссохшейся шее, украшенной ожерельем, сделанным из медвежьих зубов. Одета странная старуха была в вонючую, почти сгнившую невыделанную шкуру. При виде спутников, уродка оскалила черные пеньки зубов, и обдавая их невероятным смрадом своего дыхания, прошамкала, невероятно искажая башкирскую речь:

– Старая Бана давно не видеть такой люди как вы... Зачем вы приходите сюда?

Она вскочила – на удивление резво, и, култыхая на своих огромных ступнях, подбежала к остолбеневшим Алпару и Турумтаю. Тут выяснилось, что в довершение всего она еще и карлица, ибо едва доставала обоим до пупка.

– Слушай, бабка, – если хочешь есть, – возьми немного хлеба и ступай с миром! – пробормотал Турумтай, стараясь дышать ртом.

Но старуха лишь рассмеялась, – будто ворона закаркала, – хриплым, кашляющим, зловещим смехом.

– Хе, хе! Старая Бана не кушай хлеба! – воскликнула она.

– Конечно «не кушай», – сузив глаза, проговорил Алпар. – Она «кушай» человеческое мясо! Ты что, Турумтай, разве не видишь – эта старуха – албасты! Она из племени похитителей детей, которые живут в лесу и выходят из него только ночью!

– Хай! – гаркнула зловещая старуха, злобно оскалившись, – А ведь молодая воина прав! Старая Бана – албасты! И Те, Что Приходят Ночью – уже здесь!

И, не успели молодые люди опомниться, как людоедка издала леденящий душу клич, напоминающий вопль болотной выпи – и на поляну высыпала целая орава приземистых обезьяноподобных дикарей в шкурах и с каменными топорами в мощных и длинных волосатых руках...

– Ну, кажется, мы влипли, – пробормотал Алпар, выхватывая меч...

Бубен бил гулко, тревожно и его утробные древние звуки казалось, проникали в самое сердце, заставляя его тревожно сжиматься. А шаман-получеловек продолжал свой дикий танец вокруг связанных пленников, и каждый новый, недоступный обычному смертному пируэт, выделяваемый его корявым, но невероятно гибким телом в темнею-

щем воздухе, встречали хриплые одобрительные возгласы, несущиеся из толпы оборванных косматых зрителей, облаченных в смердевшие шкуры и сжимавшие в узловатых обезьяньих руках каменные топоры. Лесной народец, собравшийся у входа в пещеру, зиявшую в известняковой скале, окруженной со всех сторон дремучей чащобой, поражал своей уродливостью. Кривляющиеся дети со сморщенными мартышевыми рыльцами, сжатыми как куриная гузка, женщины с отвисшими до пупка плоскими и поросшими шерстью грудями, мужчины, покрытые столь густым ворсом, что напоминали щетинистых секачей, — все они, тем не менее, несли на себе печать человеческого рассудка. Разум сверкал в их злобных кроваво-красных глазках — сумрачный, ограниченный, жестокий, но все же...

— Только Эрлик мог породить таких уродов, а Ульген по всей видимости отказался ему помогать!¹ — брезгливо поморщился Турумтай, тщетно пытаясь разорвать путы из оленьих жил, врезавшиеся в его тело.

— Когда-то в глубокой древности албасты можно было встретить повсюду на Урале, — отвечал ему Алпар, — они нападали на людей, похищали женщин и детей. Когда-то они были сильны, эти людоеды. Но вот явились в наш мир богатыри — Алпы, которые научили человека ковать железо из небесных камней — и их могуществу пришел конец. Жалкие остатки этого дикого племени попрятались по глухим углам и дремучим чащам. Много раз они пытались овладеть секретом стали, но увы — их толстые черепа не осилили эту задачу. Албасты тупее нормального человека — поэтому-то они до сих пор прозябают в дикости и грязи. Им есть за что ненавидеть нашего брата!

— Похоже, это правда, — горько усмехнулся меркит, — судя по всему у нас нет никакой надежды! Они определенно собираются нами пообедать...

...Уродливый жрец оскалил желтые зубы, заноса для удара корявую руку с зажатым в ней кремневым ножом, покрытым бурой коркой запекшейся крови.

— Хух, хух! — торжествующе завопил он, подскакивая к пленникам

¹ Эрлик и Ульген — владыка подземного царства и небесного свода в древнетюркской мифологии. Согласно легенде, человек был сотворен их совместными усилиями: Эрлик создал плоть, а Ульген вдохнул душу. — прим. автора.

и... в следующий миг в горле у него заклекотало и он умолк навеки – чудовищной величины секира рассекла его толстый череп до самых обезьяньих челюстей.

Турумтай и Алпар невольно вздрогнули, когда капли мозга брызнули в их сторону.

— Тенгри, да это же... – прошептал Алпар, будто замороженный глядя на огромную, будто целиком высеченную из утеса, фигуру, возвышающуюся над лесной опушкой, по которой метались объятые паническим ужасом выродки.

— Уаман! – низко пророкотал великан и вновь поднял вверх свою секиру, сверкнувшую, будто молния в разрывах грозových туч. А из темной громады леса на свет костра уже выходили новые и новые величавые фигуры – всклокоченные волосы как конские гривы ниспадали на выпуклые полукружья необъятных плеч; чудовищной толщины руки сжимали гигантские секиры – сталь их лезвий сияла нестерпимо, будто снег на горных вершинах. Алпар мог бы поклясться, что никогда в жизни не видел такой великолепной стали. Но он не раз слышал о чудо-оружии загадочного великанского народа, живущего к северу от башкирских кочевий.

– Турумтай, смотри – это ай-балта – лунная секира! – воскликнул он, с торжеством наблюдая за тем, как молчаливые гиганты деловито расправляются с едва не пожавшей их нечистью.

– Так это и есть Алпы? – оторопело пробормотал меркит.

– А ты как думал! Ну, теперь-то мы свободны! – черные глаза Алпара задорно блестели.

– Я бы не был столь наивен! – прошептал Турумтай, с тревогой наблюдая за тем, как один из Алпов, грузно переваливаясь с ноги на ногу, приближаются к жертвенному столбу, к которому они оба были привязаны.

Великан подошел к пленникам вплотную и окинул их долгим внимательным взглядом серых холодных глаз. Его заросшая светлым волосом непомерная грудь мерно вздымалась и опускалась как кузнечные мехи. Все так же молча он поднял свою секиру и взмахнул ею...

– Что я тебе говорил! – отчаянно выкрикнул Турумтай. Через миг оба они уже лежали у ног Алпа – ибо путы, удерживавшие их, были рассечены одним ловким ударом.

– Хы! – усмехнулся гигант и, неуклюже наклонившись, сгреб Алпара и Турумтая в охапку и будто щенят взвалил их на свои могучие плечи...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ГОРА ЗАБЫТЫХ

От разбойничьего посвиста ветра закладывало уши. Ветер рвал листья и хвою с деревьев, выстроившихся стройными рядами на крутых склонах горы. Горы, к которой привели (точнее принесли) своих пленников таинственные гиганты. Дойдя до ее подножия, светлокудый алп стряхнул с себя Алпара и Турумтая, заявив им на чистейшем башкирском языке:

– Дальше пойдете сами! Я вам не лошадь, чтобы еще и в гору вас переть!

Друзья, почувствовав под ногами твердую землю, спешно отряхнулись, и настороженно ожидали дальнейших действий великана. Но тот лишь усмехнулся в ответ:

– Топайте и не задавайте лишних вопросов!

И вот башкир и меркит, стиснув зубы, поднимались все выше по узенькой тропке, уводившей, как им показалось, за самые облака, а впереди маячила широченная спина их неутомимого проводника.

– У-у, лодырь, – тихонько пробурчал Алпар, утирая покрытый испариной лоб. – Да на нем бревна можно таскать! Уж взялся за гуж...

– Этот бы точно выдюжил, не хуже слона, – кивнул Турумтай, бросая восхищенный взгляд на чудовищные бугры мускулов, перекачавшиеся под кожаной безрукавкой, обтягивавшей необъятный торс алпа.

– Во всяком случае, когда он нас пер' на себе, не было никакой разницы – на нем ехать или на слоне. Меня даже укачало!

– Где это ты катался на слоне? – удивился Алпар.

– В зверинце покойного гурхана, того, что правил когда-то Мавераннахром, был целый десяток слонов, присланных в дар царем далекого Сиам. – пояснил Турумтай. – Когда монголы овладели Мавераннахром, то они не знали, что им делать с этими великанами. Они рассудили, что слоны слишком много едят и отпустили их на волю. Несчастные животные разбрелись по степи и скоро перешли от голо-

да и жажды. А ведь это были такие ценные звери! Монголы – сущие варвары!

– Когда-то эти животные водились и у нас, на Урале, – заметил Алпар, – однажды весной, когда река подмыла обрывистый берег, мы обнаружили огромный костяк с длинными, закрученными кверху клыками. Мы отпилили их и продали болгарскому купцу, а тот сказал, что клыки эти называются бивнями и принадлежат слону. Эх, жаль, что они перевелись – сколько мяса было бы!

– А кто тебе сказал, что сейчас их здесь нет? – неожиданно подал голос белокурый алп, шедший до сих пор в полном молчании.

– Старики рассказывали, что их всех повыбили в древние времена, еще тогда, когда люди воевали с албасты и змееглавыми! – отвечал Алпар.

– Ну, так уж прямо и всех! – загадочно ухмыльнулся Алп. – Вот ты мне скажи – давно ли ты видал дикого быка?

– Смотря какого! – расхохотался Алпар и задорно подмигнул заулыбавшемуся при воспоминании о позорном бегстве Угез-хана Турумтаю.

– Во всяком случае, здесь, на Урале их нет, – невозмутимо продолжал алп. – Но вы, турки, держите при себе домашних коров и быков, пьете их молоко, едите их мясо...

– Верно, – согласился Алпар, – так повелось со времен Урал-батыра, который одолел царского быка, и повелел его роду служить человеку верой и правдой.

– Это так, – кивнул головой алп. – Но ведь и нам, Алпам, надо что-то есть! Или ты думаешь, что мое брюхо прокормишь вашей костлявой говядиной?

– Постой, ты хочешь сказать...

– В точку попал! – как раскат грома расхохотался великан. – У моего дома в загоне преспокойно жуют сего десять зверюг, которых вы называете слонами!

– Не может быть! – в один голос воскликнули пораженные друзья.

– Сами увидите! – невозмутимо пожал плечами алп.

– Да они же волосатые, что твой албасты! – удивленно и весело кричал Турумтай, осторожно поглаживая мохнатый теплый бок огромного зверя, возвышавшегося над бревенчатым тыном загона, буд-

то гигантская скирда. Добродушный волосатый слон поблескивал маленькими пороссячьими глазенками и покачивая остроконечной головой, обрамленной огромными ушами, доверчиво протягивал к глезевшим на него людям длиннющий хобот, украшенный на конце розоватым пяточком.

– Вот это махина! – бормотал Алпар, озадаченно почесывая затылок.

– У нас тут все такие, – усмехнулся алп. – Других не держим, – он осекся и, кинув на насупившихся людей смущенный взгляд, поправился, – не считая, конечно же, гостей!

– Да ладно, чего уж там, – отмахнулся Алпар. – Ведь мы, люди, хотя и являемся по одной линии вашими потомками, действительно здорово пообмельчали на равнинах. Но задора у нас хоть отбавляй!

– Это точно! – согласился великан, и в его рокочущем голосе промелькнули уважительные нотки. – Давненько уже никто из ваших не отваживался забредать так далеко по дороге Кунгур-Буги, не говоря уже о том, чтобы решиться проникнуть в Дебри Албасты и к Горе Забытых. Ваш брат вообще не любит высоко подниматься в горы. Вы, башкиры предпочитаете пасти скот в долинах и только летом, когда трава сильно выгорает, отгоняете своих овец к горным лугам.

– Мы считаем наши горы священными, – отвечал Алпар, – и мы знаем, что где-то на горных перевалах таятся могилы давно погибших витязей, и кроме них столько неведомого и неизъяснимого, что предпочитаем держаться подалеже от укромных ущелий и пещер, предпочитая поклоняться древней вотчине Урала издали. И это несмотря на то, что все башкирские племена знают о том, что недра наших гор таят в себе баснословные сокровища. Мы не трогаем их – таковы заветы наших предков...

– Стало быть, что-то совсем необычное подвигло вас проникнуть в заповедные земли? – спросил алп, пытливо глядя на своих гостей.

– Мы ищем путь к пещере Шульгана, – тихо проговорил Алпар.

– Вы на верном пути... – помолчав, ответил алп.

Гостеприимного хозяина звали Балдр и он был вождем небольшого клана гигантов, обособленно обитавшего на Горе Забытых с незапамятных времен. Со всех сторон Гору окружали дремучие леса, населенные лишь дикими зверями и разрозненными племенами злобных албасты – отъявленных врагов могучих великанов.

Балдр объяснил своим гостям, что единства среди алпов давно уже нет – с тех пор, как в глубокой древности окончилась многотысячелетняя война их народа с чудовищами-грифами, охранявшими баснословно богатые золотые клады и рудоносные потоки, которыми изобиловали горные пещеры их края. Но давным-давно все грифы неожиданно ушли глубоко под землю, вместе со своими сокровищами и путь в их мрачную страну оказался навсегда закрыт. Как только источник золота иссяк, торговцы из мира людей, приезжавшие в страну великанов, забыли дорогу в эти угрюмые места и алпы оказались полностью предоставлены самим себе. Вскоре кланы рассорились между собой и разбрелись кто куда. Многие алпы ушли Вниз – то есть переселились к людям, а стало быть, измельчали и выродились, оставив после себя в наследство могучую силу и высокорослость, которые правда, не могли идти ни в какое сравнение с мощью подлинных алпов, коим под силу было с легкостью выкорчевать из земли здоровую осину голыми руками.

Клан Балдра был один из немногих, сохранивших верность заветам предков. И вся его жизнь протекала в суровой борьбе за выживание, сопровождавшейся войной с выродившимися племенами лесовиков, прятавшихся в этих дебрях от наступающей цивилизации. Время от времени великаны спускались к человеческим селениям и похищали женщин – для того, чтобы не выродиться в ублюдков наподобие албасты им был необходим приток свежей крови. Впрочем, девам у великанов жилось неплохо, – во всяком случае это было гораздо лучше, чем кончить жизнь на пиршественном костре у албасты, чьи обезьяньи мозги так и не осознали пагубность кровосмешения. Так что в жилах у нынешних алпов текла и немалая толика человеческой крови, чем и объяснялось, по удрученным объяснениям Балдра, измельчание их породы. Однако Алпар и Турумтай так и не поняли его сетований – ведь десятилетний мальчик из Балдрова клана был выше их на целые полголовы и мог легко помериться силами с каждым из пришельцев, считавшихся в мире людей непревзойденными батырами.

– «Нам бы так выродиться» – мысленно пожелали друг другу Алпар и Турумтай...

Друзья провели в гостеприимной усадьбе Балдра, сложенной из вековых, почерневших от времени сосен, несколько дней. За это время

ими было съедено немало жаркого и наваристой похлебки из мяса домашних слонов, не в пример сиамским поросших густой шерстью, что впрочем было и неудивительно для сурового Урала. Балдр поведал своим гостям, что албасты больше всего мечтают добраться именно до слонов и поэтому их всегда пасут вооруженные пастухи – а иначе не миновать волосатой и носорукой скотинке гибели от каменных дротиков и топоров лесных уродцев.

Суровая лесная жизнь вдалеке от очагов цивилизации и культуры, в обстановке непрекращающейся борьбы с албасты, наложила свой отпечаток на обитателей Горы Забытых. Все они, – начиная от малолеток, и кончая седовласыми старцами, – были суровы, грубоваты и молчаливы. У них абсолютно отсутствовали какая-либо тяга к искусству или поэзии. Зато алпы наизусть знали имена всех своих предков гораздо далее седьмого колена. Кроме того они были непревзойденными кузнецами в горнах которых рождались на свет чудесные лунные секиры, плавленные из чистой метеоритной стали. Алпы не любили идолопоклонства. Они признавали Тенгри, чтити божество Земли-Воды, но более всего они почитали таинственное божество Уаман. На самой вершине Горы Забытых возвышался могучий многовековой ясень, чей ствол могли обхватить лишь три сцепивших руки алпа. Балдр называл этот ясень Мировым Древом и уверял гостей, что таинственный Уаман селится в его ветвях...

Таков был этот загадочный и таинственный народ, последний раз вышедший в мир людей несколько столетий назад. Именно тогда, в Великом Булгаре их увидели арабские путешественники, которые и разнесли славу о чудесном народе ада по всему Востоку. А далеко на западе их называли обрами – один из азиатских народов, бежавший от гнева могущественных тюркских каганов пустился на хитрость и назвавшись именем легендарных великанов, вселил страх в народы Запада и покори их. Однако до сих пор по Европе ходили слухи, что среди ложных абар – обров находились и истинные гиганты.

– Наш народ разметало по всему свету, – пояснил Балдр. – Далеко на северо-западе нас называют асами, но другие асы живут у гор Алтая и в их жилах также течет наша кровь. Абары – по-тюркски означает «люди-медведи», однако медведь – это наш символ. Ведь Уаман иногда является нам в образе огромного белоснежного медведя, который прилетает на совиных крыльях с далекого севера и опускается на ветви Мирового Древа. Таким его видят наши камы. Да, среди ложных абар, захвативших некогда земли далекого запада, были наши. Их

было немало и в войске маджар, пошедших через несколько веков по их следам. Часть маджар до сих пор живет в лесах на границе с башкирскими кочевьями. Но наиболее неуемные из них ушли далеко, возглавляемые алпами – алпадами. Вождя, завоевавшего земли Запада соседние народы называли Арпадом. По легендам он был могуч, велик ростом и страшен. Кровь алпов текла и в жилах великого кагана Атлы, того, что дошел почти до самого Последнего Моря. Да ведь и в твоём имени, Алпар, корень указывает на наше имя.

– Мой покойный отец хотел, чтобы я вырос батыром, таким же могучим и отважным как и вы, алпы, – отвечал башкир.

– Ты и вправду таков, Алпар, – улыбнулся Балдр, – хотя по нашим меркам совсем ростом не вышел. Но ничего – мал золотник, да дорог!

– Я буду дорог самому себе, если доберусь до змеиной глотки Шульгана и отомщу ему за отца, – помрачнел Алпар, – а для этого я должен обязательно добраться до Подводной Страны. Я должен достигнуть своей цели – ведь ради этого я даже отказался от спасения возлюбленной, которая сейчас, вполне возможно, изнывает в полоне у проклятого Чингиза.

– Так ты и вправду решишься на это? – алп приподнял лохматую бровь. – Подумай хорошенько – выберешься ли ты живым из этого змеиного омута?

– Я же сказал – если не отомщу гадам, – то мне и жить то незачем! – вспыхнул как факел юный мститель.

– Ну, хорошо, – проговорил Балдр. – Завтра, на рассвете я укажу вам путь в Страну Проклятых...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПУТЬ В ПРЕИСПОДНЮЮ

– Мы у цели! – воскликнул Алпар, напряженно вглядываясь в каменное жерло пещеры, уходившего вниз – туда, где глубоко в земных недрах чинским зеркалом чернела тусклая вода. Лучи солнца, проникавшие в эту бездну, исчезали – вода в глубинах пещеры не отражала их, вбирая в себя солнечное тепло безвозвратно – алчно, будто змея, пожирающая птичьи яйца.

Алпар и Турумтай стояли у огромного каменного козырька, под могучими сводами которого и таился вход в Подводное Государство.

Местность вокруг проклятой пещеры производила тягостное впечатление. Земля была будто выжжена каким-то смерчем – ни одной былинки, ни одного даже искривленного деревца не росло вокруг – только камень, черный, как и вода на дне пещеры, не отражавший солнечных лучей гранит... Россыпи черного гранита – и мрачная одинокая скала, во чреве которой нашла свое последнее прибежище древняя нечисть.

Балдр не стал сопровождать их в Долину Смерти – так называлось плато, со всех сторон окруженное горами и представлявшее собой нечто вроде дна гигантского сосуда. Скала возвышалась в самом центре этой обширной впадины, нарушая монотонное однообразие жуткого ландшафта.

Когда на последнем горном перевале перед путниками открылась удручающая панорама Проклятой долины, Балдр остановился.

– Дальше пойдете сами. – пробормотал он и, – странное дело – в его низком рокочущем голосе друзья уловили нотки страха.

– Вот уже более десяти тысяч лет ни один алп не нарушает границы этой дьявольской земли, – объяснил Балдр. – А ведь когда-то здесь был центр нашего государства. Так было до Великого Наводнения и Битвы Богов. Видите вон ту скалу посередине, треснувшую пополам? Это все, что осталось от чудовищного дракона, пытавшегося выйти на поверхность из глубины подземного океана Апсу. Если бы это случи-

лось, весь мир бы погрузился в водную пучину, но грозные небожители остановили этот ужас... Идите вперед и да хранит вас Уаман. Поднимайтесь на скалу – там вы увидите гигантское жерло, уходящее в бездну. Это пасть дракона, она ведет прямо в Царство Проклятых...

... – Смотри, Алпар! – прошептал Турумтай, тронув друга за плечо, – Ты видишь – это же глаз окаменевшего чудовища!

Алпар взгляделся туда, куда указывала рука меркита – там действительно поблескивало нечто, напоминавшее издали рыбий глаз чудовищных размеров.

– Это просто слюда, вышедшая на поверхность, – усмехнулся Алпар, но Турумтай понял, что башкир сам не особенно-то верит своим словам. Было слишком уж много признаков того, что алп не наврал им. Во время восхождения на скалу они то и дело натыкались на участки породы, удивительно напоминающие драконью чешую, а вдоль всего их пути протянулась гряда остроконечных камней, здорово смахивавших на спинной гребень.

– Уж поверь мне, дружище, я-то в драконьей породе разбираюсь, – уверял Алпара меркит, – Я учился у чинов и посмотрелся на их нефритовые изваяния. Чинцы просто помешаны на драконьем культе. Да ты только взглядишь – ведь этот зубчатый козырек, нависший над жерлом – это верхняя челюсть, украшенная острыми зубами!

– Если только челюсть была таких размеров, то страшно даже и представить, каким этот демон был при жизни! – пробормотал Алпар.

– Кара богов настигла его с небес, – продолжал меркит, – взгляни: эта тварь подняла башку наверх и раскрыла пасть.

– Тут ей конец-то и пришел, – криво ухмыльнулся Алпар. – И пусть мой друг, Нурулла из Булгара, уверяет меня, что вера в наших богов – язычество, но я не могу не преклоняться перед мощью Того, кто одолел эдакую тварь.

– Это был один из небесных слуг Тенгри, – с почтением в голосе прошептал Турумтай. – Из тех, кого христиане и мусульмане зовут архангелами. Велик творец, ниспославший небесное воинство на битву с исчадием Ада...

– Хотя я и не ангел, но готов продолжить дело Небесного Воителя! – воскликнул Алпар. – Ты будешь ждать меня здесь.

Алпар обмотал вокруг талии длиннющую веревку, и передал один из ее концов Турумтаю.

– Держи ее крепко, друг мой! – попросил юноша. – Это моя единственная связь с внешним миром. Если... – он на мгновение осекся. –

если веревка ослабнет – прошу тебя, – передай моему народу, что я погиб, мстя за моих отца и мать. И заклинаю тебя именем Тенгри и Аллаха – постарайся вырвать Каныкёй из лап Чингиза!

– Клянусь жизнью! – голос Турумтая дрожал от волнения.

– Во имя Тенгри! – воскликнул Алпар, и собравшись с духом, оторвался от поверхности скалы, сделав отчаянный прыжок в бездну. Вережка натянулась – Алпар раскачивался в жерле пещеры, отталкиваясь сапогами от краев, чтобы не расшибиться. Наконец ему удалось зацепиться каблуками за выбоины, – веревка стала стремительно раскручиваться. Путь в преисподнюю начался. Турумтай, крепко державший конец путеводной нити, напряженно смотрел вслед смельчаку, отчаянно шагнувшему навстречу верной гибели...

Время для Турумтая тянулось мучительно медленно, здесь, на вершине проклятой скалы, где он сидел один как перст вот уже много часов подряд. Если бы не солнце, двигавшееся по небосклону, можно было бы подумать, что мир застыл, а время замерзло, будто оледененное дыханием некоего злобного чародея.

Руки меркита затекли, будто сотни маленьких иголок кололи их, и морщась от боли, царевич крепко-накрепко примотал драгоценную веревку к древку своего копыя и размахнувшись, вогнал его острие глубоко в расщелину между камней. С облегчением встряхнув освободившимися руками, он лег на живот и вперил свой взгляд вниз – в непроницаемый мрак, поглотивший его единственного друга. Алпар спрыгнул туда на рассвете, а теперь солнце уже клонилось к закату, а длиннющая веревка, сплетенная искусниками-алпами из мамонтовых волос, все продолжала разматываться. Волосы зашевелились на голове меркита при мысли о невероятной глубине той бездны, в которую рискнул отправиться бесстрашный башкир. Впрочем, они на это и рассчитывали – согласно древней тибетской карте в Подводном Царстве Шульгана было девять уровней...

...Турумтай не сразу заметил, как дернулось копые и веревка натянулась до упора. Он взволнованно вскочил на ноги. Одно из двух – или Алпар достиг своей цели, либо веревка окончилась раньше. И тогда... Нет, об этом он думать просто не мог. В порыве чувств, меркит рухнул на колени и обратил к небу горячую молитву.

Сильный удар сапога поверг его лицом на холодные камни. Искры

посыпались из глаз... а затем он осознал, что чья-то безжалостная рука хватается его за волосы, и, наматывая его длинную косу на кулак, подтягивает голову к себе.

– Надеюсь, ты хорошо помолился, презренный! – хриплый голос неизвестного нападавшего выговаривал тюркские слова с гортанным придыханием. В груди у меркита похолодело. Они все же настигли его, здесь, на краю света! Собрав все свои силы, Турумтай отчаянно вывернулся из мертвой хватки неведомого и вскочил на ноги.

– Кто ты, нападающий со спины? – прохрипел меркит, пытаясь унять кровь, хлынувшую из разбитого при падении носа и с ненавистью вглядываясь в неясные из-за навалившихся как одеяло сумерек черты своего противника. Лишь блеск доспехов и белоснежных зубов, щерившихся в не предвещавшей ничего хорошего усмешке можно было уловить в полутьме..

– Э-э, да ты не видишь меня, тварь поганая! – прошипел враг. – Ну погоди, сейчас я запалю факел.

Свет рассеял признаки наступающей ночи – и Турумтай выхватив из ножен меч, принял боевую позицию.

– Эй ты, ублюдок Чингиза, назови мне свое имя! – воскликнул он, с ненавистью разглядывая коренастого монгольского воина, который неумолимо приближался к нему, подпрыгивая как бойцовый хорезмийский петух и поигрывая кривой саблей.

– Тебя отправит в ад сотник Кучук из туменов отважного Субутай-багатура! – расхохотался монгол. – Готов ли ты к смерти, кровник моего кагана?

– Я давно готов к гибели, – спокойно отвечал Турумтай, – с тех пор, как твой чертями проклятый каган начал войну против моего народа! Ну а ты, безумец – ты-то готов повстречаться с Эрликовой бездной?

– Туда отправишься ты, а не я! – прорычал монгол, замахиваясь для удара. – Мне нагадали долгую жизнь!

В следующий миг раздался звон скрестившихся сабель – и кровавая луна, вышедшая на почерневший лик неба, стала единственным свидетелем схватки двух смертельных врагов...

Алпар спускался в преисподнюю и его дороге, казалось, не будет конца. Жерло удивившее в неизвестность все сужалось – со всех сто-

рон юношу окружала непроницаемая толща черного гранита, слепившего глаза, давившего на мозг, отравлявшего самую душу тяжелыми предчувствиями. Перебирая усталыми руками заскорузлый волосяной канат, Алпар уже не замечал ничего вокруг, но упрямый взор его был устремлен вниз – туда, где черным щитом тускло мерцала вода. Сердце его невольно сжалось при мысли о том, что ему придется решиться на отчаянный шаг – и погрузиться с головой в этот бездонный омут, нырнуть в толщу праокеана Апсу... И лишь жалкий клочок древнего пергамента вселял надежду в его сердце. Алпару хотелось верить в то, что древние мудрецы, вычертившие карту Шульганова царства, действительно знали о том, что если нырнуть в омут и выдержать под водой некоторое время, то можно найти ход в один из девяти уровней дворца змеиного владыки...

И вот настал миг, когда веревка дернулась и повисла в воздухе. Это был конец нисхождения вниз. Черная вода была под самыми его ногами. Алпар торжествующе ухмыльнулся – мудрецы, писавшие легенду к карте, не обманули и веревки, которую плели согласно их указаниям о глубине туннеля, хватило в самый раз. Теперь придется расстаться с нею. Если ему будет суждено выбраться из этой змеиной ямы, то он найдет способ ухватиться за нее и дернуть что было силы, так, чтобы ждавший наверху Турумтай начал вытаскивать его наверх. Но, боги, сколько еще надо было пройти, прежде чем наступит этот момент. Да и наступит ли? Алпар решил, что не стоит думать об этом, и, набрав в легкие как можно больше воздуха, разжал руки...

Черная вода приняла его в свои объятия бесшумно – только плавные круги, медленно, будто пропитанные маслом, пошли от места его падения и разбились о стенки колодца. А Алпар очутился в крошечной темноте. Вода была непроницаемо темной не только на поверхности – мрак, беспросветный мрак окружал его со всех сторон и грозил поглотить его всего без остатка...

Инстинкт самосохранения кричал, стучал ему в уши, в сердце, о том, что надо спасать свою шкуру, вынырнуть на поверхность, схватиться за спасительную веревку и лезть наверх из последних сил – с тем, чтобы спастись от неминуемой гибели, никогда более не возвращаться в это гиблое место. Но он был бурджаном – а какой волк спасует перед костлявой и упустит возможность сомкнуть на ее тощей шее белые клыки, пусть даже это будет и в последний раз? И Алпар, преодолевая головокружение и страх, преодолевая гул крови, стучавшей в виски, боль в легких, из которых рвался наружу спертый воздух,

отчаянно рванулся вниз – глубже, еще глубже! Голова его ударилась о некую преграду со всего маху, и он от неожиданности выпустил остатки воздуха. Еще чуть-чуть – и сын Караса батыра нашел бы успокоение в бездонных глубинах чертова омота. Но цепкие послушные руки уже нащупали металлическое кольцо на крышке тяжеленного люка, отчаянно крутанули его – и уже теряя сознание он почувствовал, что поток воды увлекает его по узкому коридору наверх, где разрывая окружающий его мрак, белело пятно света...

Его вернул к жизни звонкий девичий смех. Яркий, слепящий свет бил ему в глаза даже через закрытые веки. Алпар застонал и, щурясь, попытался подняться. Оглядевшись, он обнаружил себя лежащим у самой кромки обширного бассейна, выложенного зеленым камнем, наподобие чинского нефрита, который привозили в башкирские и кипчакские кочевья восточные купцы. Бассейн находился в просторном помещении – стены его были покрыты узорчатой майоликой, высокие своды и массивные колонны, подпиравшие куполообразный потолок, украшала затейливая резьба. Во всех узорах настойчиво повторялся один мотив – змеи. Они были повсюду – извивались как водоросли на плитке, которой были выложены стенки и дно бассейна (на дне его Алпар рассмотрел темный бронзовый люк, сквозь который он очевидно и проник сюда); кусали себя за собственные хвосты, свешиваясь в виде рельефов с потолочных балок. А на стенах огромные удавы и какие-то совсем уже странные создания, с человеческими фигурами и головами ящеров, облаченные в высокие короны, гнались за обнаженными, обуянными ужасом людьми. Поражало высочайшее мастерство, с которым были выполнены все эти произведения странного нечеловеческого искусства.

– Ах, сестры, он поднимается, поднимается... – тонкие, вкрадчивые голоса – и очередной взрыв хохота: глумливого женского смеха, который всегда так сильно действует на мужчину, заставляя его судорожно краснеть и чувствовать себя неотесанным деревенщиной, боящимся и шагу ступить, чтобы не навлечь на себя новые издевательства.

– Ну же, паренек, иди к нам! Мы здесь! – вкрадчивые голоса манили к себе. Помимо воли Алпар поднялся и плохо соображая что делает, пошел, шатаясь будто пьяный на сладостный зов. Вот оно – источник яркого света исходил из другого зала, в который вела широко распах-

нутая резная золоченая дверь. На всякий случай, он замедлил шаг и вытащив из-за пояса длинный кинжал застыл у входа, во все глаза наблюдая за открывшейся перед ним картиной.

Стены зала, из которого раздавались женские голоса состояли из зеркал. Они-то и излучали из себя яростный, нестерпимый свет, который привел Алпара в чувство. Источник света, отражаемого зеркалами, находился в центре зала – это был драгоценный камень: невероятной величины и удивительно чистой воды рубин. Рубин возлежал на бронзовой треноге, стоявшей прямо в небольшом водоемчике, образуемом влагой, бившей из нескольких сточных отверстий, стилизованных под разверстые драконьи пасти. Картина была и вправду сногшибательная – под журчание хрустальных ручейков и зазывный блеск рубина, у водоема резвились девушки удивительной красоты. У Алпара от неожиданности даже сперло дыханье. Никогда в жизни он не видал столько прекраснейших и полностью обнаженных дев сразу. Черные, синие, серые, бирюзовые, изумрудные, карие глаза лукаво блестели из-под стрелчатых густых ресниц; молочно-белые, смугло-бронзовые, желтоватые как слоновою кость, и даже смоляно-черные роскошные тела изгибались в сладострастной неге – разноцветные красавицы бесстыдно ласкали друг друга, принимая самые невероятные и разнузданные позы. Стоны, вздохи и – снова взрыв издевательского смеха, полные руки умело оглаживавшие пышные груди, крутые бедра, тонкие талии, округлые животы – свои и чужие – все это закружилось перед глазами ошеломленного юноши, познавшего в своей не столь и длинной жизни лишь чистую любовь Каныкей, утроенное отражениями бесчисленных зеркал. Зеркала показали и его – о, Тенгри, неужели он так глупо выглядит! Перед ним стоял растерявшийся мальчишка с отвисшей челюстью и наивным телячьим взором.

– Иди же к нам, мальчик, иди, не бойся, – томно вздыхали распутницы. Каждая из них стремилась изогнуться как можно более бесстыдно, беззастенчиво предлагая себя.

– Ну же, паренек, смелее, познай блаженство, раз уж попал в рай! Не каждому это доступно! Но ты смел, ты отважен, ты силен, ты заслужил это наслаждение! Приди и вкуси нас! – шептали гурии на разные голоса.

Малиново красный, будто рак, совершенно сбитый с толку, Алпар шаг за шагом приближался к собранию роскошных женских тел. А обольстительницы заметно приободрились.

– Хорошо, хорошо! – щебетали они. – Иди к нам, иди. Мы подарим

тебе блаженство... блаженство...

– Р-раз! – и в воздухе сверкнула холодная сталь кинжала. В следующий миг перезвон женского смеха сменился злобным растревоженным шипением сотни извивающихся змей.

Алпар едва не закричал в голос от ужаса и отвращения – клубок отвратительных созданий с телами змей и человеческими, женскими головами, искаженные ненавистью черты которых напоминали восковые маски, извивался у его ног. А Алпар, содрогаясь от омерзения и гнева давил ногами жутких тварей, и без усталости вонзал кинжал в их шипящие головы.

– Морок проклятый! – рычал он. – Ишь, чего задумали! Блаженство! Устроили тут раек змеиный! Думали, я слюни развесил! Врешь, не возьмешь!

Однако уже в следующий момент он оказался на полу, извиваясь от боли в обожженной руке – то, что казалось ему рубином, неожиданно полыхнуло огнем.

– О, боги, что это! – пробормотал он, наблюдая за метаморфозами, происходившими в центре зала. А оттуда, из водоема к потолку столбом вздыбилась мощная струя темно-зеленой воды. Да нет, какая там вода! Шея огромного дракона, извергающего огонь. Рубин был его разверстой пастью, из которой и исходило опаляющее все вокруг пламя.

– Заххак, Заххак! Покарай его, Заххак! – шипели на разные голоса змеидевы, уползая во тьму.

– Старый знакомый! – ненавидяще сощурился Алпар, поудобнее перехватывая в руках свое единственное оружие – окровавленный кинжал. А перед ним, раскачиваясь словно башня, попавшая в эпицентр землетрясения, возвышалась злобно скалящаяся башка водяного змия, убившего более десяти лет назад его несчастного отца...

...Турумтай обливался кровью, его выпуклая грудь тяжело и судорожно вздымалась, исторгая из своих недр надсадный хрип при каждом новом ударе, наносимом врагу. Нет, он не уступал Кучуку ни в отваге, ни в силе, ни в искусстве – но злой рок висел над его головой. У него открылись едва зажившие раны. И монгол почуял звериным волчьим чутьем, что победа близка – оскалив белоснежные звериные зубы, он усилил свой яростный беспощадный натиск...

Алпар был вынужден отступить на исходные позиции. Он вернулся в первый зал и с разбегу нырнул в воду. Это была единственная возможность спастись от обжигающего дыхания Заххака, чья длинная шея, скрежеща чешуей по мраморному полу, неторопливо выползала из зеркальной комнаты.

Юноша плавал в бассейне, юркий как рыба, лишь время от времени, выныривая на поверхность – однако тут же прятал голову – ибо Заххак встречал каждое его появление огненным плевком. Однако дальше отступать было некуда – грузное тело дракона плюхнулось в воду – и Алпар оказался один на один со своим лютым врагом. Спасения ждать было неоткуда. К счастью, Алпар обнаружил, что, находясь в воде, Заххак не может изрыгать огонь, а лишь клацает своими чудовищными зубами, исторгая белесые клубы пара. Однако в воде дракон не знал себе равных. Его длинное, украшенное гребнем тело взрезало воду как масло нож, а башка с немигающими, лютыми глазами и разверстой пастью, неумолимо приближалась к загнанному в угол Алпару.

И тогда юноша решился на отчаянный шаг. Набрав как можно больше воздуха в грудь, он зажал кинжал в зубах, и нырнул так глубоко, насколько был способен. Он продвигался под водой резкими толчками, будто лягушка и ухитрился прошмыгнуть прямо под громоздкое драконье брюхо, накрывшее его будто огромный покров. Он торжествующе усмехнулся, невзирая на раздраемую спертым воздухом грудь и выхватил кинжал. Это был его единственный шанс: брюхо Заххака, в отличие от спины и боков, закованных в броню, было беззащитно как у самой заваливающей рыбешки. Однако монстр был не лыком шит. Р-раз – и цепкий коготь лапы, которую Заххак запустил себе под брюхо, подхватил человека за шиворот. В мгновение ока Алпар оказался над поверхностью воды, трепыхающийся как воробей, наступивший коршуном. Еще одно ленивое движение огромной лапы – и юноша взмыл в воздух. Алпар взлетел почти до самого потолка и, перекувыркнувшись несколько раз, стремительно полетел вниз – туда, где его уже поджидала широко распахнутая бездонная пасть. Он видел огромные глаза монстра, смотревшие на него почти с человеческим торжеством. И в этот миг... Маленький кожаный мешочек, висевший на его шее, полетел вниз – очевидно оборвался волосяной гайтан, на котором он висел.

– О, Тенгри, адамант! – воскликнул Алпар, хотя и сам был уже на

пол-пути к чудовищной пасти. Но маленький предмет летел еще быстрее. Заххак даже и не заметил его, всецело поглощенный предвкушением близкой трапезы.

Все произошло в короткий миг, меньше, чем в два человеческих вдоха, длившихся однако бесконечно долго.

Мешочек исчез в бездонной глотке Заххака – и теперь наступила очередь Алпара. Он уже почти зажмурился в предчувствии неминуемой смерти – и потому не мог видеть, как изменился цвет округлых выпуклых глаз монстра, – из водянисто-зеленых, они превратились в багряные. Пасть Заххака издала тягучий вопль боли и отчаяния, – и в мгновение ока, все огромное громоздкое тело дракона вздулось и лопнуло с оглушительным треском. Алпар падал в драконью пасть – а упал в воду, а сверху на него посыпались клочья взорвавшегося Заххака.

– Вот это да! – Алпар потряс головой и даже ущипнул себя за шею, дабы убедиться, что он жив, и что все это произошло на самом деле. Неожиданно блеск, исходивший со дна бассейна, привлек его внимание.

– Адамант! – обрадовано вскричал Алпар, ныряя за магической драгоценностью, которая преспокойно лежала себе на дне бассейна, излучая ровный и яркий свет.

Выбравшись из воды, он поднес камень Боскурта к губам и благоговейно поцеловал его.

– Ты снова спас меня! – прошептал он благодарно. Затем перевел взгляд на воду, покрытую лохмотьями драконьей плоти и презрительно сплюнул.

– Что, жаба, не по нутру тебе пришелся кангийский камушек! Это тебе за отца!

Сабля Турумтая со звоном переломилась. Еще миг – и меркит, обливающийся кровью, оказался повержен. Кучук, криво ухмыляясь, поставил колена на его израненную грудь и приставил лезвие меча к его горлу.

– Можешь даже не просить пощады! – прохрипел он, тяжело дыша. – Я убью тебя в любом случае. Пройти за тобой по степи, лесам и горам столько дней и ночей, в одиночестве, хоронясь от ворогов, питаюсь росой и кореньями, и если повезет – полусырым мясом подстреленной косули или зайца... Я даже не разводил костра, чтобы вы

меня не заметили. Ну, наконец, Небо вняло моим молитвам. Цель близка! У моего кагана станет одним врагом меньше.

– Убей меня, не тяни, монгол! – ответил Турумтай, спокойно глядя прямо в глаза врагу. – Но прежде выполни мою последнюю волю. Прошу тебя – поступи со мной по чести! А иначе... – глаза его нехорошо сверкнули, – а иначе мой не успокоившийся дух будет посещать тебя под покровом ночи, до тех пор, пока ты, обуянный безумием, сам не бросишься на свой меч, обагренный моей кровью!

– Можешь не угрожать мне, меркитский выродок! – процедил Кучук. – Я выполню твое предсмертное желание. Ведь я же воин, а не какой-нибудь евнух! Говори...

– Хорошо! – кивнул головой Турумтай. – Ты видишь это копьё с натянутой веревкой. Это – единственная возможность для нашего общего знакомого, башкира по имени Алпар, вернуться в мир из царства подводных демонов. Заклинаю тебя всем святым, что только есть в подлунном мире – стереги эту веревку как зеницу ока хотя бы одни сутки. Если он так и не вернется – поведай его историю мудрым сэсэнам, – тюркским или монгольским, – без разницы. Пусть сладкогласые жырау разнесут песнь об отважном Алпаре и его подвиге по всем кочевьям Великой Степи... Ну а если он все же вернется – то передай ему мою последнюю волю... – меркит извлек из-за пазухи кусок бересты и железный стилос. Нацарапав на бересте несколько рунических строк, он передал его монголу.

– Поклянись, что ты не станешь читать это послание! – попросил он врага твердым голосом.

– За кого ты меня принимаешь, – буркнул монгол. – Клянусь духами Гоа-Марал и Бортэ-Чино, что глаз мой никогда не падет на это письмо! Если твой дружок-башкорт не вернется, я сожгу письмецо на костре, а пепел развею по ветру. Можешь быть спокоен – я не стану читать твоего завещания, даже если оно будет содержать в себе просьбу покончить со мной! – усмехнулся он, нетерпеливо поигрывая мечом.

– А вот это уже не твое дело! – отрезал Турумтай. – Если ты настоящий мужчина – то ты выполнишь мою последнюю волю. И, – во имя Тенгри, не затягивай дела! Убей меня!

– Будет сделано! – прорычал Кучук и взмахнул мечом. Турумтай принял смерть прямо глядя перед собой. Дух его отлетел в Долины Смерти, а Кучук, прочитав над еще теплым телом последнюю молитву Небу, закрыл веки его отрубленной голове...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

МЕЧ УРАЛА

Алпар пинком открыл дверь в следующую за зеркальной комнату. Кинжал он теперь совершенно не выпускал из рук, готовый к любой каверзе. Однако здесь – как и в последующих нескольких, – было тихо и безлюдно. Он шел по анфиладе гулких и пустынных залов, комнат, переходов – и только факелы, тускло чадившие в бронзовых треножниках, освещали его путь.

Наконец, после долгих блужданий, он попал в помещение, которое отличалось от следующих и размерами и убранством. Огромная зала представляла собой почти совершенной формы полусферу, сплошь заставленную высокими постаментами. На каждом из них возвышались удивительной красоты статуи, изваянные неизвестным скульптором из цельных кусков горного хрусталя. Глаза разбегались от избытка форм жизни, представавших в этом хрустальном музее. На одном из постаментов возвышался огромной обледенелой глыбой чудовищных размеров носорог с круглыми, стеклянно поблескивающими злыми глазками. Длань чудесного мастера искусно выточила каждый волосок на его мохнатой шкуре, передала малейший изгиб крутой холки, поворот могучей шеи, сплетения мускулов и сухожилий, – казалось, еще чуть-чуть – и они заиграют под шкурой, воскреснув для новой жизни. Рог, венчавший его тупое рыло уходил вверх, будто огромная изогнутая пика. Алпар с ухмылкой оглядел неповоротливого монстра и перевел взгляд на следующее произведение искусств. Прямо на него глядело удивительнейшее существо – в пол человеческого роста, оно представляло собой какую то жалкую насмешку, пародию на род людской. Сгорбленная волосатая спина, почти без перехода, без шеи перетекавшая в приплюснутую голову с удручающе низким лбом, с огромными надбровными дугами, из-под которых затравленно взирали человеческие глаза – с осмысленным разумным взглядом. Настороженность, вечный испуг перед жизнью, звериная алчность и проблески божественного огня – все это удивительным об-

разом сливалось воедино в глазах получеловека полуживотного. Огромные шерстистые лапы судорожно сжимали грубо обработанный обломок камня, слегка напомилавший своими общими очертаниями кинжал. Оглядев странное существо с головы до ног Алпар удалился, покачивая головой. Какое-то шестое чувство отзывалось в нем на облик этого получеловека, будто подсказывая, – давным-давно, в невообразимые времена этот жалкий выродок дал начало всему... Дворцам и садам, империям и сияющим городам, мудрым книгам и восхитительным песням, грозным царям с золотыми тиарами на гордых главах и поэтам, иронично подмешивавшим яд своего горького разума в сияющее вино жизни... Это все он дал – жалкий, бродивший по сырým лесам и еще диким долам, прячась по ночам от рыка львов и тигров на кронах деревьев, деля пещерный кров с могучими медведями. Он – со шкурой, полной блох и брюхом, изъедаемым внутренними паразитами, Он – трусливый и отчаянно смелый, вступавший в бой с огромным мастодонтом, Он – с неповоротливыми мыслями, кое-как ворочавшимися под толстыми сводами низкого обезьяньего черепа и озаряемый чудесными открытиями, Он – изгнанный из райского сада животного мира и поднявший огненный факел богов... Старый Змей искусил его, пробудив в нем пытливыи разум – а затем поработил, загнал в ловушку, превратил в забаву для своих дьявольских опытов...

Взволнованный, сам не понимая почему, Алпар пошел далее. Здесь он узрел прочих – диковинных крокодилов чудовищной длины и тапиров, высотой со скалу, ленивцев, мало уступавших им размерами и оленя, чьи рога уходили под самый потолок. Затем перед ним предстала целая галерея – род людской вставал перед ним, застывший во всем своем многообразии и древности. Здесь стояли воины, жрецы, красавицы, владыки разных народов и разных времен. В самых причудливых нарядах и без оных; белые, черные, желтые, красные... С волосами украшенными разноцветными перьями и высокими шлемами с птушиными гребнями, с головами выбритыми почти наголо и длинными чубами свисавшими на плечо... Алпар разглядывал причудливые доспехи, любовался узорами на чудных одеяниях, пыливо всматривался в диковинные черты навеки застывших ликов. И вдруг – он остановился как вкопанный. Язык его прилип к небу, не в силах произнести ни звука. Знакомые изгибы гибкой фигуры, волна белокурых волос, ниспадающая на округлые плечи и ... глаза! Изумруды – яркие как море, но увы – оледенелые, неподвижные, подернутые пленкой вековечного забвения...

– О, горе мне! – прошептал Алпар, разглядывая во все глаза до боли знакомое тело, неподвижно застывшее на постаменте, среди прочих. – Каныкей, я снова тебя потерял!

Обуянный беспредельным горем, юноша повалился на пол, в отчаянии обнимая ледяные ноги навек успокоившейся царевны.

– Они погубили тебя, возлюбленная! – шептал он, а горючие слезы – впервые за много лет – с той самой ночи у колдовского озера, поглотившего его отца, – прокладывали влажные борозды по шершавым щекам, – что они сотворили с тобой – заклали, а потом заморозили? Как они измывались над тобой? Что они творили над твоим телом в своих чудовищных оргиях?

Но Каныкей безмолвствовала – прекрасная и холодная как извятие богини, она возвышалась над ним – смерть сделала ее черты еще более прекрасными, но увы – беспредельно равнодушными – все страсти мира людей были теперь не властны над ней, ушедшей до срока в Царство Теней...

Неожиданно Алпар вскочил на ноги – глаза его просохли и горели лютым огнем.

– Ну же, Шульган! – проревел он яростно. – Выходи, змеиный ублюдок! Сразимся с тобой один на один! Ведь ты же был человеком! Ну же! Вспомни, что ты был мужем! Ведь ты был братом Урала!

Безмолвие ледяного зала было ему ответом. Алпар презрительно скривился.

– Значит ты все же змея, а не человек! Но если так – то все равно, выползай из своей норы и сразись со мной! Или хотя бы зажаль меня до смерти! Напой меня своим смертоносным ядом, который ты копил долгие тысячи лет! Ибо жизнь для меня потеряла всякий смысл! Выходи же, мерзавец, – а иначе я превращу твои покои в руины!

С этими словами он принялся претворять свои угрозы в жизнь. Своротив с постамента одну из ледяных статуй помельче, он с размаху запустил ее в огромного носорога. Огромная оледенелая туша грузно обрушилась на пол, зацепив рогом еще несколько – и великолепная галерея зачарованных существ превратилась в грохочущий камнепад. Все новые и новые статуи падали с постаментов, будто пластинки домино, а Алпар смотрел на это со злорадной ненавистью. Осколки льда покрыли весь пол – а затем... Могучий рев, казалось, вздыбил вверх своды Ледяного Зала, от него закладывало в ушах, а сердце сковывал животный, суеверный страх. Грузная туша носорога оживала на глазах – допотопная тварь стряхнула с покатых плеч остатки

ледяного панциря, желто-бурая грубая шерсть вздыбилась на его крутых боках, а маленькие глазки зажглись злобным огнем. Пробудившийся от ледяного сна носорог снова издал утробный мык и попытался подняться на ноги, но сделать это было не так то легко – огромные копыта твари разъезжались и скользили по каменному полу, покрытому осколками ледяных глыб. Яростно, нетерпеливо взревев, чудище уперлось своим саблевидным рогом в пол и, используя его как рычаг, наконец, сумело подняться на ноги. Однако кое-кто был шустрее многопудовой неповоротливой скотины.

Алпар еле успел увернуться – у самого его уха свистнуло огромное копьё, увенчанное султаном из пышных разноцветных перьев, а огромный чернокожий воин в пестрой набедренной повязке и лицом, испещренным воинственной татуировкой, издал леденящий душу клич и потрясая увесистой дубиной, кинулся на юношу.

Однако долгий сон под ледяным панцирем не пошел ожившему дикарю на пользу – он несся на Алпара тупо, будто камень, выпущенный из пращи, и ловкому башкиру удалось довольно легко увернуться и от этого нападения. Черный детина развернулся – и застыл на миг, ужаленный прямо в горло острым кинжалом, пущенным меткой рукой Алпара. Коротко простонав, бедняга рухнул навзничь, обливаясь кровью. А Алпар подхватил дубину из его безвольно повисших рук – и вовремя. Он едва успел выставить ее вперед – и она с треском распалась на две половинки под мощным ударом бронзового короткого меча, который обрушил на него очередной нападавший – мускулистый курчавый грек в медном шлеме, увенчанном затейливым гребнем, в бронзовом панцире, наручах и поножах. Не давая врагу опомниться, Алпар с маху врезал ему в челюсть, и, молниеносно выхватив тяжелый щит из его руки, огрел им нападавшего плашмя по голове. Мягкий металл шлема сплюснулся от такого удара, а сам нападающий, оглушенный зашатался как пьяный и наконец нашел свою смерть от собственного меча, которым Алпар, недолго думая, перерезал его горло от уха и до уха. Меч пришелся довольно кстати – ибо на него теперь пер огромный ражий воин-кельт с серьгами в ушах и татуированной грудью. В руках он сжимал тяжелую секиру. Взревев как бык, кельтский воитель вступил в бой с Алпаром. Секира свистела в опасной близости от не защищенного доспехами тела башкира, и ему приходилось довольно несладко – с бронзовым коротеньким мечом эпохи Гомера против стального двойного лезвия воина, возможно одного из тех, кто штурмовал Рим. Алпар применил всю свою воинскую смекалку, стара-

ясь прорвать стальное кольцо свистящей секиры, которой размахивал косматый великан. Это ему удавалось с трудом, но, все же некоторые из его выпадов достигли цели – кельт обливался кровью. Однако полученные раны только раззадорили яростного бойца – взревев, как лось во время осеннего гона, он обрушил на Алпара страшный удар – тот едва успел подставить меч. Но сталь галльской секиры смяла обветшалую защиту ахейской бронзы – и жалкие останки меча, оскорбленно зазвенев, упали на пол. Еще немного – и просьба Алпара лишить его жизни была бы исполнена. Но судьба была беспощаднее к воскресшему воину давно минувшей эпохи. В следующее мгновение, захрипевший галл безвольно, как тряпичная кукла закачался, пронзенный насквозь чудовищным костяным лезвием, венчавшим тупое рыло подоспевшего к месту схватки носорога...

Даже не успев перевести дух, Алпар подобрал с пола секиру, выскользнувшую из сведенных последними судорогами рук своего недавнего противника, и приготовился к решающей схватке.

А монстр, тем временем, тоже не терял времени даром. Капризно взмыкнув, он мотнул шеей, перевитой узлами и канатами могучих мышц – и тело кельта, превращенное в кровавые лохмотья, полетело прочь. Избавившись, таким образом, от ненужного груза, носорог медленно атаковал Алпара.

Но юный башкир уже был готов к нападению. Его поджарое, легкое тело отреагировало мгновенно – он пружинисто скакнул вверх, и в тот момент, когда урод низко склонил свою голову, стремясь вздеть противника на рог, Алпар ласточкой пролетел над самым его острием и со всего маху всадил лезвие секиры прямо в бугрящуюся как скала холку исполина. Кровь брызнула фонтаном из глубокой раны, – носорог взревел от боли и поднялся на дыбы, будто жуткая пародия на взбесившуюся уродливую лошадь. Однако Алпар, мертвой хваткой вцепившийся в густой ворс, покрывавший покатую спину носорога, удержался. Через миг он уже обхватил шею истекающего кровью великана обеими ногами и выдернув секиру из раны, без всякой жалости обрушил ее прямо на плоский череп обезумевшего от боли зверя. Толстые кости хрустнули, налитые кровью глаза закатились – носорог дико всхрипнул, по телу его прокатилась короткая судорога – и зверь, агонизируя, стал медленно заваливаться на бок. Алпар, не мешкая, соскочил с обмякшей шеи – и вовремя – не успел он перевести дыхание, как грузная туша с грохотом свалилась на пол. Толстые как тумбы ноги дернулись несколько раз, отдавая жизни прощальный привет – и ко-

пыта шерстистого носорога, этого допотопного казуса в причудливой замороженной кладовой Шульгана, – застыли навеки.

Алпар помотал головой, с трудом приходя в себя. Только что он одолел грозного и могучего зверя, по сравнению с которым, любой дикий бык или даже тур показался бы едва поднявшимся на ноги теленком. Однако победа эта была скорее закономерностью, нежели капризом вздорной фортуны. Сызмалетства Алпар, как и другие мальчишки его рода, оттачивал свой дух и закалял юное тело в смертельно опасных состязаниях со свирепыми быками. Немало юнцов – из тех, что похлипче да нерасторопнее, – сложили свои кости в этой кровавой игре. Но Алпар был ловок и смел, а потому сумел овладеть древнейшим приемом, который, по преданию, впервые применил еще сам Урал в своей знаменитой схватке с царским быком. В миг, когда зверь пытается поднять тебя на рога, надо было в пружинистом прыжке взмыть вверх, пролететь, рискуя оставить кишки на остриях костяных сабель и оседлать грозного великана....

Этой опасной игре было много тысяч лет, и не ведал Алпар, что далеко, в южном море, на загадочном острове, в развалинах величественного дворца глядит на мир удивительная фреска, где рука древнейшего из тюрков запечатлела эту захватывающую дух схватку человека и животного...

Оправившись от изнурительной битвы, Алпар вновь поднял окровавленную секиру, и настороженно огляделся по сторонам. Но все вокруг было тихо, как и прежде. Статуи, не затронутые недавним крушением, пробудившим к жизни воинов разных эпох и допотопного зверя, продолжали хранить свое ледяное спокойствие, скованные чарами змеиного царя.

Неожиданно слабый стон привлек внимание Алпара. Что это? Тихий, женский – до боли знакомый! – голос призывал его, называя по имени!!!

– Каныкей! – не веря своему счастью, Алпар обернулся на зов. Он не ошибся!

– Алпар, возлюбленный мой! – златокудрая принцесса – живая и невредимая, – лежала на полу и протягивала к нему свои белые руки... Ее зеленые очи светились радостью, однако прекрасное лицо было бледно как мрамор – видно было, что Каныкей хлебнула немало лиха.

– О, Тенгри! Боги! Вы услышали мои молитвы! Я не зря шел сюда! – воскликнул Алпар, кидаясь к возлюбленной. В душе его царила сумятица самых противоречивых чувств, из глаз струились слезы, но он и

не думал их сдерживать. Бешеная радость и огромное облегчение охватили его израненную душу. Он бережно поднял на руки невесомое тело кыргызской царевны и страстно прижал ее к груди.

– Как ты холодна, любовь моя! – прошептал он, не в силах оторвать горящего взора от прекрасных черт любимой. Каныкей слабо улыbnулась в ответ.

– И немудрено, о, возлюбленный мой! – отвечала она. – Проклятые змеепоклонники ввергли меня в магический сон. Но ты одолел их ледяные чары! Ты победил, Алпар!

– Но Шульган где-то здесь, неподалеку! – прошептал юноша, настороженно озираясь. – Я должен покончить с ним! Он где-то рядом! Взгляни на этот адамант – он горит алым огнем, чует нечисть! Шульган близко!

– Ты даже и не догадываешься насколько близко! – звонко рассмеялась Каныкей и глаза ее блеснули зеленым огнем.

– Что ты хочешь этим сказать? – недоумевая, спросил ее Алпар.

– Да вот же он – лежит, откинув копыта! – пуще прежнего залилась смехом принцесса. – Он отозвался на твой призыв и сразился с тобой, приняв облик этого древнего чудища! Но теперь ему конец! Кровь Урала отмщена! Я вызволена из полона, в который отдали меня подлые Сыйла-бий и Кокэчу. И тебе осталось лишь взять в руки меч Урала! Пойдем со мной, в покои Шульгана и ты увидишь, наконец, этот чудесный алмазный клинок!

В следующий миг Каныкей с легкостью освободилась из объятий Алпара и схватив его за руку, повлекла за собой – вперед, вперед, дальше – вновь через анфиладу гулких и пустых сверкающих золотом и драгоценными камнями залов, украшенных змеиными фресками...

– Вот она, тронная зала Человека-Змия! – шепнула Каныкей, распахнув перед Алпаром огромную дверь, обитую тяжелыми листами бронзы, позеленевшей от времени и испещренными вытисненными в ней причудливыми иероглифами и всевозможными символами змеиного культа.

Тронный зал Шульгана поражал воображение своей неслыханной роскошью и зловещей аурой, которая исходила из каждой драгоценности, из каждого куса узорчатого шелкового полотна, которое покрывало все стены в этом удивительном помещении. Алпар огляделся. Там и сям, на беломраморном полу живописными горами высились фарфоровые сосуды тончайшей чинской и еще более древней работы – на каждом из них змеи сплетали то один, то другой причудли-

вый узор. По углам зала громоздились кованые сундуки и ларцы, открытые крышки которых позволяли лицезреть их внутренности во всей красе. Тут были золотые монеты всех мыслимых и немыслимых времен и народов, лики царей, фараонов, императоров, королей, ханов и халифов украшали их плоские драгоценные тельца; целые россыпи рубинов, аметистов, смарагда, изумрудов, сапфиров, бирюзы соседствовали с ними... Но более всего подавлял своим тяжеловесным великолепием престол, возвышавшийся в центре зала. Престол Шульгана представлял из себя огромную, искусно вырезанную из цельной глыбы горного хрусталя статую, изображавшую огромного змея, обвинвшего кольцами человеческий череп. Основание черепа являлось сиденьем этого диковинного трона, а шея и голова чудовищного гада, украшенная глазами-аметистами и роскошной бриллиантовой короной – спинкой этого самого удивительного престола на свете. Но взор Алпара приковало не это – а то, что свисало с ощерившихся зубов хрустального змея. Это были ножны, богато инкрустированные целой мозаикой жемчуга и перламутра, из которых торчала причудливо изогнутая рукоять, очертания которой показались Алпару удивительно знакомыми.

– Змей – это Сет, бог Тьмы, прародитель всех разумных змиев. А череп, вокруг которого он обвился, символизирует гибель человеческой расы и торжество змееглавых, – пояснила Каныкей. – Ну а то, что висит в зубах этого жуткого изваяния – и есть главная гордость, главное сокровище Человека-Змея Шульгана!

– Меч Урала... – выдохнул Алпар. Он шагнул вперед. Наконец-то, после стольких лет бесплодных мечтаний, он стоял вплотную к легендарному оружию Урала, тысячелетиями сокрытому от человеческих глаз!

– погоди! – в тихом голосе Каныкей послышались нотки обиды. – Неужели этот меч так обуял твой разум, что ты совсем позабыл обо мне? А я так истосковалась за эти долгие луны нашей разлуки! Иди ко мне, заключи же меня в свои объятия, прильни к моей груди! А меч – он уже твой, по праву! Тебе достаточно будет протянуть руку – и все! Но сначала... – грудь Каныкей вздымалась от волнения все чаще и чаще, нежные руки обвились вокруг шеи Алпара, увлекая его за собой, – прямо на пол, устланный мягкими рысьими шкурами. И Алпар не выдержал – поток так долго сдерживаемых чувств, словно вешние воды прорвал все преграды вокруг его сердца, и блаженно полуприкрыв глаза, юноша отдался неземному наслаждению, которые обещали ему

манящие к себе бездонные очи возлюбленной...

В самый разгар ласок, когда дело уже приближалось к тому, что два разгоряченных любовью юных тела готовы были слиться воедино, Каныкей неожиданно охнула.

– Что-то укололо меня! – прошептала она. – О, да это камень, что висит у тебя на груди! Откуда он?

– Это – адамант Канга, мой талисман! – с гордостью отвечал Алпар, любуясь бриллиантом, который все не желал успокоиться и излучал багровый свет.

– О, дай мне его, я хочу разглядеть поближе это чудо! – восхищенно вздохнула Каныкей. Багряные блики плясали в ее изумрудных глазах, обрамленных густыми стрельчатыми ресницами.

– Теперь он будет хранить и тебя, любимая! – промолвил Алпар, снимая с шеи кожаный гайтан, на котором висела ладанка с талисманом и передавая его в дрожащую от волнения ладонь девушки.

– Какое чудо! – еле слышно прошелестел голос принцессы.

Неожиданно Алпар почувствовал невероятную слабость. Силы покинули его – слишком долгое время он держался на их пределе, сжатый будто пружина – и вот теперь блаженная истома охватила все его существо.

– О, как ты устал, о, возлюбленный мой! – шептала Каныкей, откуда-то издалека, а ее нежные пальцы ласково гладили его спутанные волосы.

– Поспи, любовь моя! Тебе надо набраться сил...

...Неожиданно огромная тень метнулась откуда-то сбоку – и отчаянный крик Каныкей взорвал пелену сна, охватившего было разум юноши. Он вскочил на ноги и увидел: – огромный волк кинулся Каныкей прямо на грудь. Рыча и терзая ее нежное тело когтистыми лапами, могучий хищник угрожающе клацал зубами, пытаясь добраться до ее беззащитного горла.

– Спаси меня, Алпар! – в ужасе кричала Каныкей. – Где же твой меч? Рази же! Ну!

Рука юноши метнулась вверх и нащупала точеную из слоновой кости рукоять Уралова меча. Алмазный клинок с еле слышным свистом выскользнул из ножен – будто был кован не тысячелетия назад, а лишь вчера покинул кузнечный горн.

В свете факелов, озарявших тронную залу, сверкнуло лезвие чудесного меча, покрытое затейливой насечкой древних рун...

– Тенгри! – воскликнул Алпар – и острие заветного меча по руко-

ять вошло прямо в молочно-белую грудь Каныкей...

– Спасибо, Боскурт! – прошептал Алпар, глядя прямо в глаза величественному духу, который стоял напротив него, скрестив руки на богатырской груди. Взади, на ступенях, ведущих к престолу корчилось в конвульсиях безобразное, покрытое хлопьями зеленой, от мха и плесени, чешуйчатой кожей иссохшее тело Человека-Змея – Шульгана. Предателя рода человеческого и собственного брата. Колдуна, перешагнувшего рубеж обычного земного существования, переметнувшегося на службу к змееглавым и постепенно перевоплотившегося в одного из них настолько, что это позволило ему занять престол в Подводном Царстве. Он все же оказался более змей, нежели человек, – выполз незаметно, и, напустив морок, наслав сладкие грезы, пытался ужалить в самое сердце...

– Впредь адамант Канга да не покинет твоей выи! – молвил Боскурт. – Еще немного – и подлый змей высосал бы из тебя всю кровь...

– У меня болит вот здесь! Подлый Шульган все-таки ужалил! – тяжело вздохнул Алпар, указывая на левую сторону груди. – Отныне не будет мне покоя, пока я не увижу воочию мою настоящую возлюбленную!

– Сама судьба ополчилась против вас! – печально покачал головою последний хан Кангюя. – Ты еще свидишься со своей зазновой, но зло время в котором вас угораздило родиться! Великие испытания ждут земли Дешт-и-Кипчака и они не минуют никого из ее жителей! И потому – не выпускай из рук этот волшебный меч!

Алпар перевел взгляд на сверкающую ослепительным светом дугу волшебного меча. Все-таки он достиг своей цели! Он пробивался к ней сквозь темные ночи, сквозь холодные воды и толщу колдовских змеиных твердынь. И вот теперь руки его сжимают священное оружие. И оно будет разить каждого, кто посягнет на свободу его родного края. Разить без пощады...

Благоговейно поцеловав священный клинок, Алпар бережно вложил его в ножны и поднял глаза. Боскурта уже не было рядом, а адамант, лежавший на его ладони как и прежде светился ровным голубоватым сиянием. Глубоко задумавшись, юноша глядел в его загадочные глубины. Он не видел, как из перекошенного беззубого рта окоченелого Шульганова трупа тихонько выскользнула маленькая черная

змейка и, шустро извиваясь, шмыгнула в самый дальний угол тронного зала...

Монгольский воин умел держать свое слово. Он не ушел со скалы и всю ночь терпеливо ждал, сидя у темного провала, несмотря на усталость, голод и жажду. Однако он не поверил своим глазам, когда на рассвете следующего дня копье наконец-то шевельнулось.

– Бортэ-Чино! – пробормотал Кучук. – Не может этого быть! Да неужели этот парень выжил в эдакой бездне? Хотя быть может...

В голове его мелькнуло подозрение, что тот, кто выбирается сейчас наверх, может быть и не Алпаром. Какая угодно нечисть могла выбраться наружу из своего укрытия, разъяренная нарушением вековечного покоя... И, тем не менее, монгольский воин принялся наматывать на руку бечеву, натянувшуюся под тяжестью живого существа, которое силилось выбраться на поверхность.

– Боги, это и вправду ты! – воскликнул Кучук, при виде окровавленного и мокрого Алпара – бледного как смерть, но с длинным мечом, висевшим за его спиной. Клинок прятался в роскошно выделанных ножнах, но одного взгляда на эфес было достаточно, чтобы понять, что клинок является настоящим произведением оружейного искусства. Однако сам молодой башкир был настолько изможден, что даже и не взглянув на того, кто протянул ему руку, рухнул навзничь, едва почувствовал под ногами твердую землю. Ему понадобилось некоторое время, чтобы прийти в себя.

– Дай воды, Турумтай! – наконец простонал он. – Я умираю от жажды!

– И это после того как ты побывал в гостях у обитателей Подводного Царства? – ухмыльнулся монгол, подавая ему свой бурдюк.

– Они отравили всю воду своим ядом! – пробормотал Алпар. – Хвала Тенгри, я выбрался живым из этого змеиного логова! Если бы не Боскурт...

Алпар пил долго и жадно. Наконец он утолил свою жажду и без сил привалился к камню. Однако когда в следующий миг он поднял глаза на своего собеседника, от его спокойствия не осталось и следа. Его затуманенные усталостью и начинающейся от полученных ран лихорадкой глаза прояснились и зловеще сузились.

– Ты? – прошептал он, выхватывая из-за спины меч Урала. – Так,

стало быть, ты шел за нами по пятам все это время? Проклятый подсыл! Что ты сделал с Турумтаем?

– Мы честно сразились с ним как мужчина с мужчиной! – отвечал монгол не дрогнув, глядя в горящие яростью глаза Алпара. – Я выполнил свой долг перед моим каганом. А ему я воздал последние почести, как и подобает покойнику царского рода! – и он указал на наваленный в отдалении курган из валунов, вершину которого венчал воткнутый меч Турумтая – последнее пристанище несчастного меркитского царевича.

– Ты забыл исполнить один очень важный и древний обычай, полагающийся при погребении знатного воина! – прошипел Алпар, вскакивая на ноги. – Когда умирает царевич, в жертву его духу приносят человека! Но сейчас я исправлю этот недосмотр!

Монгол едва успел выхватить свою кривую булатную саблю, как Алпар обрушил на него сверкающее пламя Уралова клинка. И несмотря на то, что башкир еле держался на ногах, его противнику пришлось совсем несладко. Меч Урала казалось бы пел в его руках – пел грозную песню смерти, алмазный клинок ослепительно сверкал в лучах рассветного, багрового солнца – и он в мгновение ока сломил сопротивление монгольского оружия. Решающий удар, звон ломающейся стали – и Кучук оказался безоружным, а острие Уралова меча уперлось ему прямо в горло. Однако ни единый мускул не дрогнул на каменном лице воина Чингиз-хана.

– Не тяни, убей меня! – попросил он – совсем так, как его еще недавно умолял Турумтай.

Но Алпар медлил с возмездием. Взгляд его упал на обезображенные шрамами кисти рук монгольского воина. И башкир вспомнил, как долго выхаживал монгола – обессиленного, распятого, брошенного в степи умирать – теми же негодяями, которые так жестоко обошлись с ним самим...

– Стоило ли спасать тебя от смерти, чтобы лишить жизни сейчас? – спросил он – то ли у самого Кучука, то ли у Неба. – Клянись духами своих предков и именами богов – и останешься жив!

– В чем я должен поклясться? – в глазах монгола зажегся огонек надежды.

– Поклянись, что искупишь свою вину, служа мне верой и правдой на всем моем пути к отмщению подлому Сыйла-бию и его приспешникам! Поклянись, что не причинишь вреда моему народу! Поклянись, что во всем заменишь мне убитого тобой друга – ибо таков древний

обычай – ты должен стать заменой тому, кого отправил в царство Эрлика! Клянешься?

Монгол немного помедлил. Мог ли он принести подобную клятву? Мог ли он поручиться, что когда либо меч его не обратится против бурджан или других башкирских родов? Мог ли он поручиться, что всегда будет во всем похож на покойного меркита, который – и это признавал его закоренелый враг, – был настоящим человеком царских кровей, без страха и упрека? Но острие меча упиралось в его горло, а жизнь так и пульсировала в нем, так не хотела уходить из его мускулистого, послушного, жадного до наслаждений тела... Да и в конце концов их обоих объединяла общая цель – месть подлому Сыйла-бию. При мысли об этом, пламя ярости снова зажглось в его сощуренных глазах.

– Клянусь духами Бортэ-Чино и Гоа-Марал! Я помогу в твоей местности, о, Алпар! Я приложу все усилия к тому, чтобы меч мой не был обращен против твоего единоплеменника! И я ... – тут голос Кучука дрогнул, – я постараюсь заменить тебе умершего друга. Кроме того – возьми вот это! Это просил передать тебе он, – и монгол вытащил из-за пазухи кусок бересты, испещренный рунами.

– Его последняя воля! – горько скривился Алпар. – О, мой бедный друг! Судьба жестока ко мне. Я сошелся с двумя людьми царского рода – с Каныкей и с Турумтаем, одна из них стала моей возлюбленной, второй – моим сердечным товарищем! И вот я потерял обоих!

– Судьба не так уж и жестока к тебе! – возразил ему Кучук. – У тебя есть третий знакомец царского рода – Боскурт, и он всегда приходит к тебе на выручку, поскольку над священным духом его не властны время и пространство! Кроме того судьба одарила тебя этим замечательным мечом! Ты сам говорил мне, что человек, которому удастся заполучить меч Урала вознесется к вершинам власти и славы! И, кроме того – ты не один!

– Слава и богатство – подождут! – зловеще ухмыльнулся Алпар, любясь безукоризненным лезвием заветного меча. – А вначале этот меч вдоволь напьется крови подлого Сыйла-бия!

– Надеюсь, ты и мне немножко оставишь! – мстительно ощерил свои белые острые зубы Кучук.

Солнце стояло уже довольно высоко, когда Алпар и Кучук, отдав последние почести одинокой могиле павшего меркитского витязя, покинули Долину Смерти и направились на юго-запад... Их путь лежал к башкирским кочевьям и привольным степям Дешт-и-Кипчака...

ЭПИЛОГ

Никто уже не помнил точно, с каких пор лежал на крутом горном берегу Агидели – в том месте, где в нее вливаются Дим и Караидель, – этот огромный камень – черный, непроницаемо черный, не отражающий свет солнца базальтовый валун. Одни говорили, что он упал с неба, другие – что в незапамятные времена приволокли его неведомые люди. И с тех пор лежит он и зимой и летом, в стужу, в жару и в слякоть, одинаково равнодушный к палящим лучам солнца и к лютым ветрам, в любое время года дувших вдоль долин, прилегавших к отрогам Урала – древней вотчине бога ветров Борея... Однако старожилы города Кара-Кия – деревянной крепости, возведенной на границе Дешт-и-Кипчака и лесной, болгарской стороны еще во времена владычества хазар и синих тюрков, знали – раз в году у камня появляются люди в одеждах черных как его гладкая, отшлифованная стихиями поверхность. Это именно они обнесли камень частоколом, который обновляли, как только старые колья начинали подгнивать. А что происходило за этим частоколом в темные ночи, когда полная луна выходила на небосклон, заставляя всех окрестных волков заводить свои бередающие душу песни, – жители города предпочитали не знать. Лишь изредка, понизив голос, люди шептались о человеческих жертвах, о детских и девичьих костях, разбросанных у зловещего камня, который люди в черных одеждах сделали своим алтарем. Однако никто не решался разорить капище и бросить вызов людям в черных халатах, увешанных бронзовыми изображениями переплетенных змей. Знали люди, что с еланскими колдунами лучше не связываться...

Именно поэтому в тот день, когда в Кара-Кию въехала процессия еланских наездников, город жил своей обычной жизнью. Все так же шумела многолюдная базарная площадь, где торговали купцы, приехавшие из Булгара и Джукетау, Ашлы и Атряча, а с другой стороны – из Хорезма, Отрара, Чача, Яркенда. Немало на торжище было и местных жителей – башкир из племен Мин, Тангаур, Гайна, Байлар, Еней, Буляр... Коренные башкирские племена отличались от обитателей Дешт-и-Кипчака тем, что носили вместо войлочных колаксаев и ост-

роконечных колпаков отороченные беличьим или лисьим мехом малахан с болтающимися за спиной пышными хвостами. Булгары торговали кожей и тканями, оружием из франкских земель, хорезмийцы – шелками, пряностями, узорчатой посудой. Башкиры приводили на торг невольников, словленных в густых дебрях Биарыма – стране, лежавшей на север от Башкирских земель, населенной племенами нелюдимых лесовиков, которых тюрки называли бисура. Кроме того, они выставляли напоказ липовые туеса с густым ароматным медом, которым щедро одаривали борти заповедной поймы Агидели, славившейся издревле своим густым душистым разнотравьем и трудолюбивыми пчелами. На базаре было много и рыбы, выловленной в Агидели, Диме, Караидели, Уршаке, Таныпе, Ае, Бири и в других реках Башкортостана – стерлядь, щука, сом, севрюга и даже осетр. Более мелких за рыбу и не считали – ими кормили невольников и собак... Степняки пригоняли табуны откормленных коней, тучных овец, трубно ревущих мохнатых верблюдов... Богаты и щедры были привольные земли Дешт-и-Кипчака и его лесного соседа – Сакалиба, как издревле называли страны булгар, башкир и биармов...

Однако отряд еланцев приехал не торговать и не покупать. Ряды воинов облаченных в черные одежды, восседавшие на вороных жеребцах, ехали по майдану и люди послушно расступались перед ними. Бросалось в глаза, что еланские воины отличались друг от друга по масти – часть из них представляла из себя приземистых, плотно сбитых крепышей с темной, почти бронзовой кожей, миндалевидными черными глазами и жесткими блестящими волосами, почти не отличавшихся от вороных грив их коней. Другие были повыше ростом, краснолицые, сероглазые, с высокими носами, каштановыми, русыми и рыжими волосами. Таким образом, было легко узнать, к какому подразделению принадлежит тот или иной еланский воин – к бақырцам, то есть медным или кайсакам, в чьих жилах текла кровь древних обитателей Поднебесной, в которой когда-то пришлось обитать их далеким предкам. Во главе процессии ехал могучий молодой красавец бий Каракулумбет – племянник Сыйла-бия. Обычно ритуальную процессию к священному месту еланцев возглавлял сам кайсакский владыка, но в том году у него было чересчур много других забот – охрана рубежей хорезмшаха Мухаммеда оказалась делом хлопотным. Да и другие были дела у старого хитрого толстяка – те, о которых он предпочитал вообще не распространяться. Облик Каракулумбета выдавал в нем потомка пришельцев с Востока – он был широкоплеч, обла-

дал выпуклой могучей грудью, толстой кряжистой шеей, глазами чуть приподнятыми к вискам. Черные пронзительные зрачки оглядывали глазающую на него толпу зевак с неприкрытым презрением. Молодой еланский владыка был уверен в себе как никто другой – перед кем еще, как не перед ним – потомком грозных кимаков должны были трепетать жалкие людишки? Холеные пальцы Каракулумбета, униженные дорогами перстнями слегка поигрывали нагайкой, выдавая мысли грозного бия: «Ниц, жалкие собаки! Пади! Пади!»

Впрочем никто из присутствующих на майдане не собирался почтить еланского предводителя таким раболепным образом – уже давно на башкирской земле не было ни одного владыки достойного таких почестей и народ, привыкший к свободе вовсе не собирался униженно падать в грязь перед любым выскочкой. И все же грозная и зловещая аура, витавшая вокруг Каракулумбета и его свиты заставляла невольно задерживать дыхание и опустив глаза под пронзительными взорами бия, идти своей дорогой – подальше от греха, подальше... Казалось, даже бродячие псы не осмеливались перебежать дорогу грозной процессии змеепоклонников.

И неожиданно жеребец Каракулумбета испуганно захрапел и встал на дыбы.

– Айт! – выругался бий, натягивая поводья и успокаивая напуганное животное.

На площади воцарилась напряженная тишина. Все взоры устремились к центру майдана – туда, где застыли главные виновники создавшейся ситуации – грозно насупившийся Каракулумбет и оборванный старик, который едва не попал под копыта его коня. Старик был довольно высок ростом, лик его напоминал старый потемневший от времени глиняный сосуд, покрытый мелкой паутиной трещин – глубоких и многочисленных морщин, в каждой из которых будто запечатлелись прожитые им долгие годы. Густая седая борода спускалась на его тощую впалую грудь, которую пересекал кожаный ремень, на котором раскачивалась громоздкая домбра. Музыкальный инструмент и незрячие глаза под насупленными густыми белыми бровями позволяли догадаться о профессии старца, а также и о том, каким образом он едва не попал под лошадь Каракулумбета.

– Карлугас-жырау! – зашептались вокруг. – Да он же слепец! Ай-хай, нехорошо получилось! Неужели некому было остановить старика! Что же сейчас будет!

Однако слепота и более чем преклонный возраст допустившего

оплошность старца ни в коей мере не остудили мгновенно закипевший гнев Каракулумбета.

– Куда прешь, слеподыр? – прошипел он, зловеще сузив глаза и сжимая рукоять нагайки с такой силой, что побелели костяшки пальцев. – Смерти ищешь?

Старик слабо улыбнулся и повернул седую голову на его голос.

– Кажется, я узнаю этот глас! Кто ты, угрожающий мне?

– Скоро узнаешь! – взревел побагровевший от ярости бий. – Эй, егеты! Хватайте этого нечестивца! А я то собирался тратить деньги на покупку какой-нибудь урусской рабыни! Но ничего – теперь дух Великого Змееглавца получит достойную жертву!

Народ, присутствовавший при этой тягостной сцене, шумно вздохнул, но не сдвинулся с места, наблюдая за тем, как сразу десяток спешившихся еланских воинов кинулись к несчастному старику и вцепились в него мертвой хваткой. Однако старик, которого грубо схватили за шиворот и поставили на колени перед разгневанным бием, продолжал улыбаться.

– Я узнал тебя по голосу, малай! Тебя зовут Каракулумбет! Ты сын еланского владыки Кайрата. Не удивляйся моему обращению. Для меня ты малай, так же как и твой отец. Когда он родился, я уже был стариком. Более сотни весен встретил я, хотя последние тридцать лет не вижу солнца и Вечного Неба! Впрочем, для тебя, и то и другое – пустой звук! – проговорил старый жырау.

– Поговори у меня, старый безумец! – нехорошо улыбнулся Каракулумбет. – Как еще ты оскорбишь меня? Ну же! – поощрил он старика.

– Да, для тебя имя Небесного Тенгри потеряло свою цену! Ты плюешь на Священное Небо, плюешь на Солнце – Самрау, плюешь на мать Умай! А ведь этого не делали даже твои предки – кимаки! Я знаю это, потому что они были и моими праотцами! Мой дед – его тоже звали Карлугас – был настоящим кимаком и он еще помнил тот день, когда рухнул каганат и опустела ставка на Змеиной Горе... Он рассказывал мне – мальцу, о тех славных временах, когда восставший народ низверг изваяние Старого Змея с его потемневшего от людской крови алтаря и ушел на запад – на поиски новой свободной жизни. Но шли годы – и жрецы Змея вновь взяли власть над умами племени Елан. Вкрадчивыми сладкими голосами пели они песни о величии Старого Змея – Елан-бабая, того, что держит в своих могучих объятиях всю Вселенную, праотца жизни и средоточия всей мудрости мира, того, что вдохнул в первых людей жажду к познанию и дал им вкусить сладких

плодов запретного дерева. Они учили о том, что он могущественнее и солнца и неба, что он сильнее даже старика Ульгена и злобного Эрлика, – тех небожителей, что сотворили род людской. Слушайте меня вы, молодые еланцы – ибо я сам вашего роду-племени! Наслушавшись рассказней змеиных жрецов, ушел я в странствия по землям юга желая приобщиться к древним знаниям вымершей расы детей Елан-бабая. В далеком и жарком Мисре, где среди знойной пустыни высятся каменные курганы, нашел я подлинных знатоков учения Сета и постригся в послушники змеебога. И там, в развалинах древних храмов познал я сполна всю мерзость и жуть змеиных ритуалов. Я видел мумии змееглавых царей, иссохших задолго до того, как воды потопа изменили облик мира. Я видел груды черепов, принесенных им в жертву в далекой древности. Я читал рукописи, написанные кровью девственниц на коже убиенных младенцев, и волосы мои вставали дыбом. И пришел день, когда я настолько ужаснулся дьявольской сути змеиного культа, что в душе моей созрело намерение бежать из потаенной обители гнусных поклонников Елан-бабая, а добравшись до людей – привести с собой войска и разорить это логово нечисти дотла! В одну из темных южных ночей я осуществил свое желание и бежал. Несколько дней я скитался по пустыне, изнывая от голода и жажды, пока не достиг мисрийского селения. Добрые крестьяне – феллахи подобрали меня, напоили, накормили, дали приют и обещали показать дорогу к столице, где сидит их султан и его грозные воины – мамлюки. Но увы – той же ночью змеепоклонники настигли меня. Они хотели увести меня назад, но я сопротивлялся столь яростно, что они в гневе ослепили меня и бросили – дабы я никогда бы не смог привести войска в их убежище. Так я и ослеп. Светлые боги покарали меня за мои заблуждения вечной тьмой моих глаз, однако, они озарили мою душу светом истинной веры. Они вложили мне в уста поэтический дар, – и с тех пор я скитаюсь по степям и городам Дешт-и-Кипчака, куда мне посчастливилось вернуться. И везде я славлю имя Небесного Тенгри и отвращаю людские души от дурмана учения проклятого Змея! Пусть я слеп, но я вижу дальше и острее чем ваши молодые глаза! Сорвите с очей своих покровы лжи! Сбросьте с плеч своих ярмо злобных биев, прогоните прочь обманщиков-жрецов, не проливайте человеческой крови на алтарях Елан-бабая!

Пламенная речь старого жырау повергла в смятение молодых еланцев. Они сидели молча в своих седлах, нахохлившись и стараясь не глядеть друг на друга. Тревога и ярость мелькнули в глазах Каракулумбета.

– Этот старый безумец, наверное, надышался конопля! – с деланным спокойствием рассмеялся бий. – Что он мелет? Да что он знает вообще о величии Елан-бабая? Ни солнце ни небо не властны над ним! Это так же верно, как и то, что ни одному смертному не по силам своротить священный черный камень с могилы древнего змеинового царя! И в знак верности моих слов сейчас мы принесем в жертву его духу этого святотатца!

– Не говори гоп, пока не перепрыгнешь! – звонкий голос прорезал напряженную тишину, сопровождавшую разыгрывавшуюся на глазах сотен людей трагедию. Толпа расступилась – и вперед вышли двое. Один из них был типичным башкиром, практически ничем не выделявшимся среди других его соплеменников, присутствовавших на майдане. Такая же одежда, сапоги из мягкой оленьей кожи, лисья хвостатая шапка, надвинутая на самые брови. И лишь горящие черные глаза и диковинная рукоять меча, торчавшая за его спиной, указывали на то, что юноша, дерзнувший бросить вызов могущественному еланскому владыке, не так то прост. Но еще больше приковывал к себе удивленные взоры его спутник. Темное дубленое широкоскулое лицо, волчьи белые зубы, скалящиеся в усмешке, пронзительные раскосые глаза под колючими бровями, разлапистый трех на его голове, синий халат с широким клапаном на груди, отороченном мехом, за спиной торчат колчан, полный стрел и огромный лук из рогов горного козла, у пояса висит хищно изогнутая восточная сабля...

– Это что за пес тут твякает? – презрительно протянул Каракулумбет. – Это что за день такой? Невиданное дело – никогда еще в священный день жертвоприношения нам по пути не попадалось столько дерзновенных! Ты еще кто такой?

– Я не пес, я волк! – огрызнулся дерзкий юнец. – Тот волк, который перегрызет глотку змее! И это я, Алпар, сын Караса из племени Бурджан говорю тебе, Каракулумбет – не торопись! И позволь мне, простому смертному проверить твоё хвастливое заявление о том, что никому не под силу своротить черный камень с его места!

– Глупец! – облегченно расхохотался Каракулумбет. – Этот камень лежит здесь почти десять тысяч лет, с тех самых пор, когда здесь был еще берег моря. Именно здесь погребли священные нетленные останки последнего змееголового царя! Великий Змей хранит его погребение и над ним не властны ни стихии, ни руки жалких людишек!

– А я все-таки попробую! – не унимался Алпар.

– Ну что ж – раз тебе так хочется рассмешить людей – то валяй! –

снисходительно кивнул бий. – Твоя неудача послужит лишним доказательством моей правоты! Но имей в виду – в глазах Каракулумбета полыхнули недобрые огоньки, – после того как ты потерпишь крах, то отправишься на алтарь раньше этого выжившего из ума деда!

– Поживем – увидим! – лаконично отвечал ему Алпар.

– Вот именно! – ухмыльнулся Каракулумбет, – хотя твоя жизнь уже подошла к концу! Но впрочем, давай, а мы посмотрим! – он обернулся к толпе.

– А вы, стадо баранов – чего уставились? Идите с нами, к алтарю – и своими глазами убедитесь в могуществе Великого Змея! Идите же, я разрешаю!

Такого еще не случалось – никогда еще змеепоклонники не допускали посторонних к своему святилищу, но Каракулумбет был молод и не лишен честолюбия. В душе его загорелась надежда на то, что люди, пораженные могуществом бога, которому он служит, обратятся в его веру и он войдет в легенды как новый пророк Елан-бабая.

Народ валом повалил вслед за еланцами, тащившими к алтарю спотыкающегося старика и гордо шествовавшими впереди них Алпаром и Кучуком. Наконец процессия достигла зловеще чернеющего частокола и ворот, с которых скалились человеческие и лошадиные черепа. Их створки со скрипом раскрылись и человеческая волна просочилась в самое жуткое место города.

Святилище представляло собой ровное, утоптанное поле, и вправду усеянное костями и высохшими человеческими черепами. В центре этого жуткого поля возвышался черный монолит. Несмотря на свой зловещий вид и верхушку, коричневую от покрывавшей ее корки засохшей крови, камень не производил впечатления неподъемной глыбы. Однако Каракулумбет показал себя искусным организатором действия. По его знаку десять еланских наездников спешили и окружили камень. Засучив рукава, егеты принялись толкать камень. Однако он не сдвинулся ни на йоту, сколько парни ни пыжились, и не потели.

– Если у кого-то остались сомнения – можете подойти и проверить! – предложил людям самодовольно усмехающийся Каракулумбет. От толпы отделилось несколько смельчаков. Неуверенно оглядываясь на грозно насупившихся еланцев, они пожали плечами и повторили их опыт. Но все было безрезультатно – камень лежал на том же месте, где его возложили десять тысячелетий назад... Каракулумбет снисходительно наблюдал за их потугами – он-то знал, что магия охраняемых заклинаний надежно защищает камень... И ни один смертный

не в силах ее одолеть!

После этого еланские егеты продемонстрировали удивительную прочность монолита – они рубили камень булатными клинками, пытались дробить его молотками и сукмарами – но тщетно – сталь отскакивала от поверхности камня, не оставляя на ней ни единой царапины!

– Ну а теперь ты попробуй, дорогой мой! – голос Каракулумбета был ласков как наверное никогда в жизни.

– Тенгри, помоги ему! – еле слышно прошептал слепец, по-прежнему удерживаемый своими стражами.

Алпар вышел вперед и демонстративно поплевал на ладони. Он озорно подмигнул усмехающемуся Кучуку.

– Эй, Каракулумбет! – воскликнул он неожиданно. – Но уж если моя возьмет, то тогда чур ты исполнишь все мои пожелания!

– О чем ты, несчастный? – скривился бий.

– Поклянись мне, словом бия, что, если я опровергну твои слова, то ты отпустишь старика – а с ним – всех людей твоего племени, кто пожелает уйти от твоей власти и от твоей веры – а такие обязательно найдутся! Поклянись, что ты уедешь и никогда более не вернешься сюда и не принесешь здесь более ни единой человеческой жертвы!

– Слово бия! – весело рассмеялся в ответ Каракулумбет. – Что за безумец мне попался!

– Смотри же, – слово – не воробей! – всерьез предупредил его Алпар и подошел к камню вплотную. Вокруг все затихли. Какое-то странное предчувствие охватило Каракулумбета – в его душу неожиданно закрался страх, и он даже пожалел, что сразу же не уложил на месте странного наглеца и позволил ему устроить этот спектакль. Но было уже поздно...

– Тенгри! – воскликнул Алпар. В руках его нестерпимо яркой молнией сверкнул меч Урала. И чудо свершилось. Яркая огненная полоса зажглась посередине черного камня – там, где по нему прошло лезвие чудесного клинка Урал-батыра. Раздался треск – и хваленый монолит рассыпался в прах. Змеинная магия рухнула.

Перед изумленными людьми предстала зияющая яма, на дне которой лежал позеленевший от времени бронзовый сосуд. Нагнувшись, Алпар схватил этот ветхий сосуд и наклонил его горлом вниз. В толпе раздался смех – из сосуда посыпалась какая-то дурно пахнущая труха.

– И вот эта горстка вонючего пепла – и есть нетленные останки твоего хваленного царя? – с презрением спросил Алпар. Но Каракулумбет молчал, подавленный увиденным. А Алпар продолжал развеи-

вать ореол святости так долго создаваемый над вонючими мощами десяти тысячелетней давности:

– Уж я то знаю подлинную историю этих дерьмовых останков! Моя возлюбленная рассказывала об этом! Десять тысяч лет назад последний змееголовый царь был спален дотла небесной молнией, которую послали руки бойца Света – батыра по имени Конан. И когда поле битвы опустело, жалкие уродцы с бараньими рогами и козлиными копытцами – демоны, прятавшиеся в темноте пещер и считавшие змеинового царя своим пророком, с воем и плачем подобрали его прах. Более того – они подобрали камень с места его гибели и притащив его на скалистый берег моря, около которого жили, похоронили пепел под ним. Здесь то это захоронение и обнаружил человек-змея Шульган, который делал все возможное, чтобы возродить величие змеинового культа. Вот чему вы поклонялись, люди – пеплу нелюдя, мечтавшего о том, чтобы самый род человеческий исчез с лица земли... Так думайте же сами – кто более прав – старый мудрый Карлугас-жырау или этот молодой негодяй, погрязший в грехе человеконенавистничества? А Шульган повержен – и некому больше управлять змеиным царством! Это святая истина – ибо в руках моих горит огнем священный меч Урал-батыра, который и поразило подлого нелюдя! Право выбора за вами, люди племени Елан! За кем вы пойдете – за Карлугасом-жырау или за Каракулумбетом? Перед вами два пути – по прежнему прозябать в рабстве и проливать кровь себе подобных во славу главного врага рода людского или же – светлая дорога к свободе, к вольной степной жизни, где у вас будет один господин – Вечное Небо! Выбирайте, еланцы!

Воины Каракулумбета зашумели. Наконец вперед выехал один из бакырцев.

– Этот иштэк прав! – воскликнул он. – Нас обманывали! Братья – взгляните на меч в его руке! Он и в правду волшебный! Я слышал про этот меч! В народе говорят, что когда какой-либо батыр поднимет его, то власти Старого Змея придет конец! И туда ему и дорога!

– Правильно! – поддержал его целый хор голосов. – А Каракулумбет, если ему нравится – пусть молится своему змеиному божку, а с нас хватит! Сколько можно ходить в изгоях в родной степи! Мы говорим на одном языке с другими тюрками, а колдуны отвращают нас от наших братьев по крови! Долой их!

И в мгновение ока ряды воинства Каракулумбета заметно поредели – практически все бакырцы и большинство кайсаков отъехали от него в сторону. Рядом со своим почерневшим от бессильной злобы гос-

подином остались лишь наиболее раболепные его прихвостни, глядевшие вслед остальным с лютой злобой и завистью, с которой глядят лизоблюды-шакалы на вольных волков.

– Пошли отсюда, братья! – обратился к восставшим Алпар, – нам более нечего делать в этом поганом месте!

И с радостными воплями еланцы, сбросившие с себя ярмо змеиной веры, а за ними – и все прочие, повалили прочь из павшей святыни. Народ на этот раз шел безо всякого почтения – и подгнившие кольца частокола с треском повалились, не выдержав их натиска. Святилищу пришел конец.

И в этот момент Каракулумбет не выдержал. Со злобным воем, он пустил коня вскачь, поднимая меч и целя его острием в спину спокойно удаляющегося Алпара.

– Эй, берегись! – закричали люди. Алпар молниеносно обернулся, выхватывая меч Урала, но Кучук опередил его. Захрипев, Каракулумбет свалился навзничь и пополз по траве, запутавшийся в стремнях. Раскачивающийся кинжал, пущенный меткой рукой монгола, торчал у него из живота. Алпар подошел к нему вплотную

– Ты все же не сдержал своей клятвы, Каракулумбет! – презрительно бросил он обливавшемуся кровью бию, глядешему на него взглядом издыхающей гадюки. – Пусть твой холопы подберут тебя и увезут прочь, пока люди не растерзали тебя в клочья! Если дотянешь до дома – то не забудь передать пламенный привет своему дорогому дядюшке от мертвеца, которого он зарыл в песок в Голодной Степи год назад!

– И от покойника, которого он распял у трех изваяний неподалеку от хорезмийской границы! – добавил Кучук. – Передай ему, что от нашей мести ему не спрятаться и не убежать!

– Все передам! – ненавидяще прошипел Каракулумбет и лишился чувств. Верные подручные подхватили его на руки и унесли прочь...

...Каракулумбет все же доехал до родного кочевья и передал Сыйла-бию грозное предупреждение Алпара и Кучука, и лишь затем умер. Подлый толстяк едва не захлебнулся от ярости, но он был бессилен – змеиный культ на Урале пал, его любимый племянник был мертв, а племя Елан расколосось на два враждующих лагеря. Большинство бакырцев и значительная часть кайсаков объявили себя независимы-

ми, отказались подчиняться власти Сыйла-бия, поклоняться Елан-бабаю и откочевали с берегов Тобола и Ишима к Иргизу и Джайыку. Лишь небольшая часть кайсаков, преданных Сыйла-бию лично, остались в лоне змеиной религии. С тех пор ту часть еланцев, оставшихся верными Сыйла-бию стали называть сыйланцами. Племя Елан сохранило свое древнее название и даже часть прежних верований – еще долгое время они почитали степных змей как священных животных, но приносили им в жертву не человека, а черного жеребца – в память о вороном Каракулумбета, которого освободившиеся еланцы на радостях зарезали и сварили из него бишбармак...

– Ай-хай! Ну и жирный же этот вороной! – рассмеялся Алпар. Он покончил с трапезой и облизав пальцы, откинулся на мягких кошмах. В огромной юрте, разбитой у стен Кара-Кии пир шел горой. Еланцы праздновали свое освобождение от владычества Сыйла-биева рода. Тут же, на пиру, все единогласно признали своим новым бием престарелого Карлугаса-жырау, благо он тоже был человеком знатного и старинного рода.

Слепой старец улыбнулся ему в ответ. Он почти ничего не ел, да и весть о своем неожиданном возвышении казалось, несколько не волновала его.

– Эй, егет! – неожиданно обратился к нему старый сказитель. – А ведь я и тебя знаю! Я слышал о тебе и вот теперь узнал по описанию!

– Где ты слышал обо мне, и кто описал тебе меня? – удивился Алпар. – Я не так уж знаменит!

– А услышал я о тебе в земле Хорезма, откуда прибыл совсем недавно! – загадочно усмехнулся жырау. – А описание твое, я узнал из песни! Сейчас я напою ее тебе! И сухие, почерневшие от времени пальцы нежно тронули тонкие струны домбры.

Слепец завел песнь неожиданно сильным и глубоким для такого старца голосом и шумный пир разом стих. Все слушали песню мудрого Карлугаса – сэсэн с замиранием сердца, а Алпар, казалось, забыл обо всем. Волшебный голос сэсэн будто выхватил его из сытого тепла юрты и швырнул навстречу пьянящему степному ветру, напоенному ароматами ковыля и полыни, а в душе вспыхнули видения – барымта, ночная скачка по степи в отчаянном, надрывающем сердце коня ритме, с угнанной отарой испуганно блеющих овец и бесчувственной де-

вицей, кинутой на луку седла; бубен кама, гулко стучащий в древнем капище перед ликами старых, полузабытых богов, мелодия тростниковой дудочки – волшебного курая, завораживающе плывущей над зеленеющими просторами к речной долине по которой неспешно бредут вдаль пасущиеся стада... Волшебный голос жырау поведал и о далеком знойном Хорезме, спящем под напевный глас муэдзина, о серпе месяца, повисшем над резным балконом хорезмшахова гарема, где томится прекрасная царевна. Томится и ждет своего избавителя – отчаянного смелого парня в лисьей хвостатой шапке и со сверкающим мечом в руках...

– Стой, старик! – Алпар схватил умолкшего Карлугаса за руку. – Как звали того человека, который напел тебе эту песню? Ведь это женщина? Где она?

– Ты все знаешь сам, сын мой! – тихо улыбнулся в ответ слепец. – Немало полонянок томится в гареме хорезмшаха Мухаммеда, но лишь одна из них сочинила эту песню...

– И ее зовут Каныкей! – прошептал Алпар. Он вскочил на ноги.

– Кучук! Мы выезжаем немедленно! – воскликнул он. – Каныкей ждет меня! Медлить нельзя!

Там где Идель неспешно катит свои величавые волны в сторону Хазарского моря, на крутом берегу вознес к небу шпили своих белокаменных минаретов и златоверхие башни Великий город Булгар. Много ладей с изящно выгнутыми лебедиными шеями увенчанными звериными мордами, теснятся у его обширных причалов – пришедшие из Новгорода, Пскова, Владимира, а с полосатыми парусами – проделавшие дальний путь из Балтики, от портов богатой и славной Ганзы. Но еще больше людей – пеших и конных, – заполняют дороги, ведущую к золотым вратам славной болгарской столицы. День и ночь тянутся отряды воинов, несущих сторожевую службу, вереницы арб, груженных разным красным товаром, зерном, рыбой, медом, табуны великолепных лошадей, отары блеющих овец, мычащие быки и коровы, караваны верблюдов, величественно раскачивающих горбами, навьюченными тугими тюками – и все это принимает великий город в свое необъятное чрево. Алпар и Кучук, подошедшие к Булгару, затерялись в этом шумном и пестром людском водовороте, в котором было немудрено заблудиться.

– Ну и город! – искренне восхитился монгол, озирая высящиеся перед ним башни и минареты. – Подобные этому я видал разве что лишь в Чине!

– Великому Булгару подобен лишь Кыя-Керман, который лежит за тысячи стрелищ к юго-западу! – отвечал Алпар, который чувствовал себя в этом водовороте вполне уверенно. – Не отставай же! – подбодрил он своего зазевавшегося спутника. Башкир уверенно прошел через городские ворота и провел товарища, заплатив за обоих пошлину грозной страже. Он шел вперед как человек, которому все здесь уже было знакомо, и не замечал горящих алчностью глаз монгольского воина. А Кучук шел и все подмечал, все откладывал в своей цепкой памяти – какова высота стен, насколько круты склоны холмов, на котором стоит город, сколько стражи у ворот...

...Им пришлось отмахать еще немало по деревянным мостовым, покрывавшим широкие улицы великого города, заполненные многоликкой толпой. Они осмотрели белокаменную мечеть Джамиг, видели великую рыночную площадь Ага-Базар, не уступавшую в размерах знаменитым багдадским и хорезмийским рынкам. Наконец путники, пропыленные и усталые, подошли к красивому деревянному зданию, украшенному затейливой резьбой и вздымавшемуся над окрестными кварталами аж на три яруса, увенчанных гребенчатой крышей с пузатой башенкой наверху. Алпар постучал в огромные ворота, обитые листами жести, крашеной в зеленый цвет. На обеих створках были выбиты золоченые изречения из Корана. Наконец в воротах распахнулось небольшое оконце, и на странников уставился чернокожий привратник с серьгой в носу.

– Бисмилла – рахмаң – эр – рахим! – торжественно промолвил Алпар. – Передай господину, что прибыл его друг из Башкортостана!

Через некоторое время врата распахнулись – на пороге дома стоял улыбающийся высокий красавец мужчина в высокой шапке, отороченной собольим мехом и в атласном зеленом бухарском халате. При виде Алпара он широко раскинул руки – и старые друзья обнялись...

Нурулла был щедрым и тороватым хозяином. Двух усталых путников в его доме ждали улыбчивые служанки, которые омыли им ноги в медных тазах, поливая теплой водой из кумганов с изящными носиками. А затем их усадили на мягкие подушки и кошмы во внутреннем дворике, где ходили, распустив переливающиеся всеми цветами радуги хвосты, павлины и журчал фонтан, выложенный из камня в виде лепестка причудливого цветка. На узорчатой скатерти их уже ожида-

ло угощение – целые горы чак-чака, наваристый бишбармак и бухарский плов, болгарский бэлиш, сладкие засахаренные хорезмийские фрукты, и изрядный кувшин хмельной бузы. Наконец, когда Алпар и Кучук блаженно откинулись на подушки, Нурулла спросил у гостей:

– Что привело моего брата и его друга из далеких земель в Булгар?

– Да вот, слышали, что сейчас болгарские купцы хорошо платят вооруженной охране в караванах, идущих в Хорезм! – улыбнулся Алпар.

– С каких это пор ты подался в наемники? – удивился Нурулла.

– Я готов стать наемником не только у тебя, но даже у хорезмшаха Мухаммеда! – пылко воскликнул Алпар. – Лишь бы вызволить из его лап мою Каныкей!

– Неужели она объявилась? – неподдельно обрадовался Нурулла.

– Она послала мне весточку! – отвечал Алпар. – Она томится в гареме хорезмшаха...

– В таком случае я немедленно снаряжаю караван! – воскликнул Нурулла. Он изучающе оглядел монгола, который глядел на него в упор своими колючими глазами прирожденного стрелка – мергэна, а затем рассмеялся и похлопал Алпара по плечу.

– Думаю, что еще никогда у моего каравана не было такой надежной охраны!

– Насчет этого не беспокойся! – заверил Алпар и извлек из ножен меч Урала. – Этот клинок будет надежно хранить тебя от любой напасти.

Нурулла с восхищением глядел на сверкающий в солнечных лучах алмазный меч, украшенный древними рунами...

Через несколько дней из Булгара вышел большой караван, который взял курс на Хорезм. Алпару, Кучуку и Нурулле предстояло долгое и изнурительное путешествие через Великую степь – Дешт-и-Кипчак, через барханы великих пустынь к сказочным городам, встающим в знойном мареве перед усталыми путниками будто мираж. И там, за горами, степями, морями и пустынями ждала своего возлюбленного прекрасная Каныкей...

(конец первого тома)

1998-1999 гг.

НАСТОЯЩАЯ СИЛА

Алтын-таг поднес к губам серебряный кубок до краев наполненный терпким, душистым вином. На мгновение он замер, любуясь переливками янтарного игристого напитка и поражаясь – в который раз, – его удивительной способностью хранить в себе солнечное тепло... Вино везли издалека, в огромных глиняных сосудах, оплетенных для надежности необъятными корзинами из ивовых прутьев.

Привозили его обычно персы – эти ушлые торгошники с бородами, крашеными ярко-красной хной, хитроумные говоруны с бегающими глазами и загребущими пальцами, жадными до чужого добра. В том, что они везли вино с самого края света, с берегов дальнего западного моря из загадочной страны Юнан – не было ничего удивительного. Владения персидских царей и их сатрапов простирались по необъятным просторам Азии – на юго-восток до жаркого Хинда, на запад – до Юнана, на север – до мутных рек Аксу и Яксарт... Но Алтын-таг не завидовал величине владений правителей Парсы – кочевья его родного отца тоже нельзя было обскákat на коне. Сокол и тот не облетел бы их в один день, а удалец, рискнувший повторить его подвиг, загубил бы не одного иноходца, прежде чем ему удалось объехать все владения могучего Аксяя – грозного кагана саков. От Канга на западе – и на север до горных хребтов, населенных народом Хагас, от истоков Яшиль-Огюз – Великой Желтой Реки на востоке и до Аксу – на юге... И все же иногда двадцатитрехлетнему Алтын-тагу – сыну и наследнику грозного Аксяя хотелось воочию узреть тех самых виноделов из Юнана, что жили неведомо где и сотворили этот чудо-напиток. Ну, да ничего – он еще молод, у него вся жизнь впереди – повергнет к своим ногам кичливых персов, а там, глядишь и до Юнана дойдет. И тогда эти самые мастера будут делать вино только к его столу – и никому больше. Таково было желание ханского наследника и он был уверен, что оно сбудется. Еще ни одной неудачи не видел он в своей жизни, и что бы он ни пожелал – шло к нему в руки... Вот и сейчас он собирался отправиться в поход на персов – заезжие купцы рассказывали ему о несметных богатствах, которые скопил в своей сокровищнице сатрап

Согдианы, а также о том, что совсем недавно работорговцы привезли в его сераль редкостных красавиц с далекого Юга. Ради этого стоило начать войну... И, разумеется, победить в ней, – а как же иначе?

“Да будет так!” – решил Алтын-таг и, глубоко вздохнув, залпом осушил кубок. Допив вино до последней капли, он небрежным движением отбросил кубок к своим ногам, обутом в расшитые бисером и золотой тесьмой сапоги из мягкой кожи марала, покоившимся на огромной шкуре снежного барса, убитого им во время недавней охоты в горах Ала-тау. Швырнул и уже собирался забыть, – в сокровищнице отца было полно куда более ценных и редкостных вещей. И вдруг внимание ханского отпрыска привлекла необычная деталь. Что-то было не так, с этой скромной чашей. И точно – по дну ее были процарапаны какие-то знаки. Колдовство? Кто-то хочет сглазить его, ханского сына?!

Глаза Алтын-тага моментально налились кровью и сузились как урысы, готовой к прыжку. Один щелчок его пальцев, униженных дорогими перстнями – и шумный пир, бушующий в раззолоченных покоях, прекратился. Гости – раскрасневшиеся, хмельные вельможи в роскошных шелковых ханьских халатах, парчовых персидских одеждах или сакских камзолах, увешанных золотыми и бронзовыми украшениями, – испуганно умолкли. Все взоры обратились к ханскому сыну, который возвышался над присутствующими как скала. Впрочем он и был подобен ей – ведь и имя его было Алтын-таг, – Золотая Гора! Молодой наследник обладал могучей статью, исполинским ростом, грозным взглядом пытливых черных глаз, а его роскошный наряд сверкал и переливался золотом так, что на него было больно смотреть. Воистину, он был Золотой Горой, этот баловень судьбы, избранник Неба – Тенгри и Папая-Громовержца!

– Кто осмелился подать мне вино в испорченном кубке? – тихо спросил Алтын-таг и смертельная бледность погребальным полотном накрыла лица холопов-разносчиков, прислуживавших за столом. Все знали, что ханский сын скор на расправу...

– Не гневайся, хан-ага! – старческий надтреснутый голос раздался из самого дальнего конца пиршественного покоя. Все головы обернулись туда – полуиспуганный-полуоблегченный вздох вырвался из сотен легких. И тут же к скромно одетому белобородому старцу с бронзовым лицом, сморщенным, как печеное яблоко, хищными птицами метнулись ханские дружинники. Мощные руки, закованные в броню, сомкнулись на тщедушном теле старика и безжалостно потащили его

вперед, чтобы бросить под самые ноги Алтын-тага.

– Боги, – да это же Йолчидай-сэсэн! – неожиданно облегченно рассмеялся ханский сын и его залиvistый хохот вначале несмело, а затем уверенно поддержали все гости. Однако едва Алтын-таг повелительно воздел руку, – как все умолкло.

– Говори! – приказал Алтын-таг.

– О, хан-ага, не гневайся на старика! – проговорил Йолчидай-сэсэн, низко кланяясь. – Ты велик и могуч, я же – ничтожен и слаб, как былинка перед дуновением могучего степного ветра. Ты можешь лишить меня жизни немедленно, но я не цепляюсь за нее как слизняк. Я достаточно пожил и повидал многое. Я все познал, хан-ага! Так позволь же мне молвить слово!

– Говорят, что ты много испытал на своей шкуре, старик, – задумчиво молвил наследник, пристально глядя на сэсэна, – я слышал, что юность свою ты провел в рабстве, затем бежал, и долгие годы странствовал по свету. В зрелые годы ты по слухам обучался древним таинствам у мудрецов-отшельников, что живут в пещерах гор Ала-тау. А теперь, состарившись, ты ходишь по пирам и веселишь людей старинными песнями и преданиями. Я не причиню тебе вреда, Все Видавший, – ведь так тебя называют в народе? Но только скажи – зачем ты подсунул мне кубок, испорченный какими-то царапинами? Или ты совсем выжил из ума?

– О, хан-ага, сии царапины – есть знаки рунического письма, с помощью которых можно надолго запечатлеть на камне или в металле свои мысли и слова. Этой премудрости я научился у алатаусских отшельников. С незапамятных времен дошло до них тайное искусство рунических письмен, и они хранят ее как зеницу ока, открывая лишь посвященным. Долгие годы я берег эту тайну, храня ее от чужого ока. Но теперь, на склоне лет моих я понял, что негоже утаивать от людей это удивительное искусство. И ты, хан-ага – первый, кому я решился открыть эту тайну. Потому то я и вырезал эти руны на дне твоего кубка. В них содержится большая сила!

– И в чем же она? Что говорят эти самые руны? – ухмыльнулся Алтын-таг.

– *О, господин мой! Дарую тебе сей кубок! Да склонится перед тобой чужеземец! Да будет счастлив и изобилен народ твой!* – прочитал Йолчидай-сэсэн.

– Хм, – самодовольно усмехнулся Алтын-таг. – Хорошие пожелания! Да только что мне от них толку? Таких кубков как этот – у меня

тысячи, а еще есть сотни и сотни золотых! Я велик и силен! Предомноу трепещут персы и ханьцы, кангийцы и хагасы! И народ мой сыт и доволен! Все это было, есть – и будет так, безо всяких рун! Так в чем же их сила, глупый старик?

– Ты во многом прав, хан-ага! – немного помолчав, ответил Йолчидай-сэсэн. – Но все же, повелитель, прислушайся ко мне. Я уже стар, а ты – молод. И ты не думаешь о Времени...

– А зачем мне о нем думать? – фыркнул Алтын-таг. – Его хоть отбавляй! Мне ни к чему никуда торопиться! Разве что в новый поход на персов!

– И все же Время – скоротечно, – покачал головою старик, – оно не щадит никого и ничего. Уж поверь мне, старику! Казалось, только вчера я еще был легкомысленным мальчишкой и бездумно бегал по степному раздолью, вслед за игривыми стригунками-жеребьятами... Где они, эти стригунки? Их кости давно истлели в земле, а я сам – сморщился и высох как дерево после удара молнии. Все течет, хан-ага! Люди стареют и умирают и лишь ковыль шумит над их могилами. Курганы оплывут, стены городов развеются в прах. Рухнут земные царства и на смену им придут новые. Так было... Так будет... И кто тогда вспомнит о грозных саках? А если даже и вспомнят – кто скажет о них слово правды? Кто тогда будет знать – чем жил наш народ, во что он верил, о чем мечтал, какие песни пел, какие складывал стихи? На каком языке говорил он? Кем были его предки и кем стали его потомки? И кем был грозный Алтын-таг? Кто сможет рассказать об этом миру через многие тысячи лет?

– Не пугай меня забвением, старик! – нахмурился Алтын-таг. – Я столь велик, что обо мне будут помнить еще долго даже после моей смерти! И я прикажу возвести над моей могилой такой огромный курган, что и через тысячи лет люди будут восхищаться и трепетать перед моим величием! Ханское величие – вот настоящая сила! Грозное оружие моих многочисленных воинов – вот сила! Сокровища моего отца – вот эта сила! А чем же сильны твои руны?

– Они хранят *память и язык*, хан-ага! – тихо промолвил Йолчидай-сэсэн. – В этом – настоящая сила...

– Ну все, хватит! – поморщился Алтын-таг. – Еще немного и я совсем затоскую от твоих речей, пахнувших тленом! Я живу куда жив! Живи же и ты, старик, пока живется! Считаю, что я принял твой странный дар, а в ответ – прими мой! Отсыпьте ему золота столько, сколько вместится в пять, – нет, в десять таких кубков! Бери его, старик и сту-

пай с миром! И больше не тревожь меня своей унылой болтовней!

– Все течет, все течет, хан-ага, – еле слышно пробормотал Йолчидай, без волнения глядя на то, как золотой поток низвергается в его заплечный мешок из сноровистых рук ханского казначея. Но Алтын-таг уже не слышал его. И он, и его гости уже успели позабыть странного старика и пир продолжался до самого утра, с еще большим размахом. Да, ханский сын и наследник престола был велик и силен как никогда ранее. Он был надеждой своего отца и всего народа, и его грядущие победы сулили сакам процветание, величие и довольство на долгие годы...

На следующее утро Алтын-таг со своим войском выступил в поход на Согдиану. Не прошло и пол-луны, как он вернулся в свою ставку с богатыми трофеями и нескончаемыми вереницами пленных. Веселые песни раздавались над рядами, и счастьем светились пропыленные лица его воинов. Ырыс – бог воинской удачи был благосклонен к ним. И все в один голос славил полководца, а он – величественный и грозный в своих червленых латах возвышался в седле могучего жеребца над всеми. Воины в кольчугах и войлочных колаксах стройными рядами шли мимо него, и каждый клал к ногам его коня половину всего добытого во время похода. И вскоре конь Алтын-тага попирали своими копытами огромную золотую гору. На этот раз наследник превзошел самого себя...

Все последующие дни Алтын-таг купался в роскоши, и наслаждался ласками дивных красавиц из Хинда, взятых им в полон в разграбленном дворце, убитого им, сатрапа...

Беда подкралась неожиданно, – хиндские красавицы одна за другой слегли в постель, пылая от страшной лихорадки. Их прелестные, цвета слоновой кости тела, которые так любил ласкать Алтын-таг, покрылись кровавыми пятнами. Наложницы умирали в страшных корчах, – а вскоре вслед за ними последовал и их могущественный господин. Чума подкараулила его и ужалила внезапно, будто змея, заползшая в хиндские благоухающие трофеи – коварные дары Юга... Так умер сын хана – в двадцать три года, в самом расцвете сил, будто едва распутившийся цветок, побитый неожиданным заморозком. Слава и надежда народа умерли вместе с ним.

В огромный курган, под которым погребли окурненное дымом (по

совету того же самого Йолчидай-сэсэна) тело Алтын-тага, навалили целые горы золотых чаш, кубков, цепей, колец, перстней, серег – все, чем окружен был ханский сын при жизни и что должно было уйти вместе с ним в Страну Йер – вотчину грозного Эрлика... И никто не обратил внимания на то, как согбенный старец положил к этим несметным богатствам свой скромный дар...

С той поры минуло две с половиной тысячи лет. К огромному кургану Иссык пришли археологи. Так родилась научная сенсация. Весь мир облетели сообщения о несметных сокровищах, найденных в сакском погребении на территории Казахстана. Люди всей планеты узнали о том, что древние обитатели долины реки Или обладали высокоразвитой культурой, что у них было свое государство...

И... с высоких трибун Алма-Аты, Москвы, Ленинграда понеслись славословия в адрес индоиранцев, оставивших на территории СССР следы своей уникальной цивилизации. Ведь кто еще кроме их, легендарных ариев, о которых написали горы научных трудов, мог оставить такие выдающиеся памятники? Неужто древние тюрки? Помилуйте! Ведь предки уйгуров и хакасов, казахов и кыргызов, узбеков и каракалпаков, башкир и татар в то время еще и не вышли из дикого состояния! Бродили себе по дремучей тайге, да по центральноазиатским пустыням, а потом вдруг пришли скопом и позаимствовали все достижения высокоразвитых ариев... Так считали немецкие ученые 19 века, а уж они-то были в этой области авторитетами. Объявлять своих предков носителями прогресса, а все остальные народы мира – отсталыми дикарями, они считали правилом хорошего тона...

Но советская историческая наука и не собиралась брать под сомнение выводы столетней давности. Как сказано – так, значит и было на самом деле. Кто не верит, – пусть проверит! И ни грозный курган, ни золотые горы не уберегли правды об Алтын-таге и его современниках. Ханскому величию не удалось одолеть забвения и небылиц...

Но в один прекрасный день, в Алма-Ате казахский лингвист прочитал руны, начертанные на дне серебряной чаши, которая выглядела так скромно и незаметно на фоне ослепительных сокровищ кургана Иссык. И руны заговорили *по-тюркски*...

Канули в Лету грозные империи тюрков. Великие каганаты рассыпались в степную пыль, ушла в небытие блистательная Золотая Орда,

а именем ее столицы, которую европейцы считали красивейшим из городов мира теперь называют... хлев. Все оказалось растоптано, поругано и забыто, и ни мощь оружия, ни величие ханов не избавило народ от этой беды. Но язык выжил – и остался нам как единственное наследие славных веков. Язык и сила начертанного слова. Покуда есть они, – жива память народа, жив и сам народ. Ведь только в них и содержится *Настоящая Сила...*

Май 1998 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

РОЛОГ	3
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. 1215 год	
Глава первая. ВЕЛИКИЙ ЙЫЙЫН	8
Глава вторая. ЧЕЛОВЕК ИЗ ТУРКЕСТАНА	17
Глава третья. БАЙГА	26
Глава четвертая. ВОЛК И ЛАНЬ	36
Глава пятая. КОЛОДЕЦ СУДЬБЫ	53
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. 1216 год	
Глава первая. ЧЕРЕПКИ	70
Глава вторая. ПРОБУЖДЕНИЕ СПЯЩИХ	78
Глава третья. МСТИТЕЛЬ	84
Глава четвертая. В СТРАНУ ПОЮЩЕГО ТРОСТНИКА ..	95
Глава пятая. ТЕ, ЧТО ПРИХОДЯТ НОЧЬЮ	102
Глава шестая. ГОРА ЗАБЫТЫХ	108
Глава седьмая. ПУТЬ В ПРЕИСПОДНЮЮ	114
Глава восьмая. МЕЧ УРАЛА	125
ЭПИЛОГ	138
НАСТОЯЩАЯ СИЛА	152

Литературно-художественное издание

Шарипов Ренарт Глюсович

МЕЧ УРАЛА

Руководитель проекта: *Э.А.Шарипова*

Редактор: *Ф.С.Тикеев*

Дизайн и оформление обложки: *Н.Г.Шарипов*

Компьютерная верстка: *Ю.В.Федорова*

Лицензия № 0160 от 22 марта 1996 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 23.02.2000.

Формат 60x84^{1/16}. Бумага книжно-журнальная.

Гарнитура "Таймс". Усл. печ. л. 10.

Тираж 1000 экз. Заказ № 424/03

Цена договорная

Издательство "Гилем".

450054, г.Уфа, пр.Октября,71

Отпечатано в ГУП Уфимская типография № 1.

Уфа-65, ул. Буревестника, 14.

Тел. 42-72-78.

